

[Polaris]

ПЫЛЬ

ЕГИПТА

Рассказы о мумиях

Том III

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

LXXX

Salamandra P.V.V.

ПЫЛЬ ЕГИПТА

**Рассказы о
мумиях**

Том III

Составление и комментарии
А. Шермана

Salamandra P.V.V.

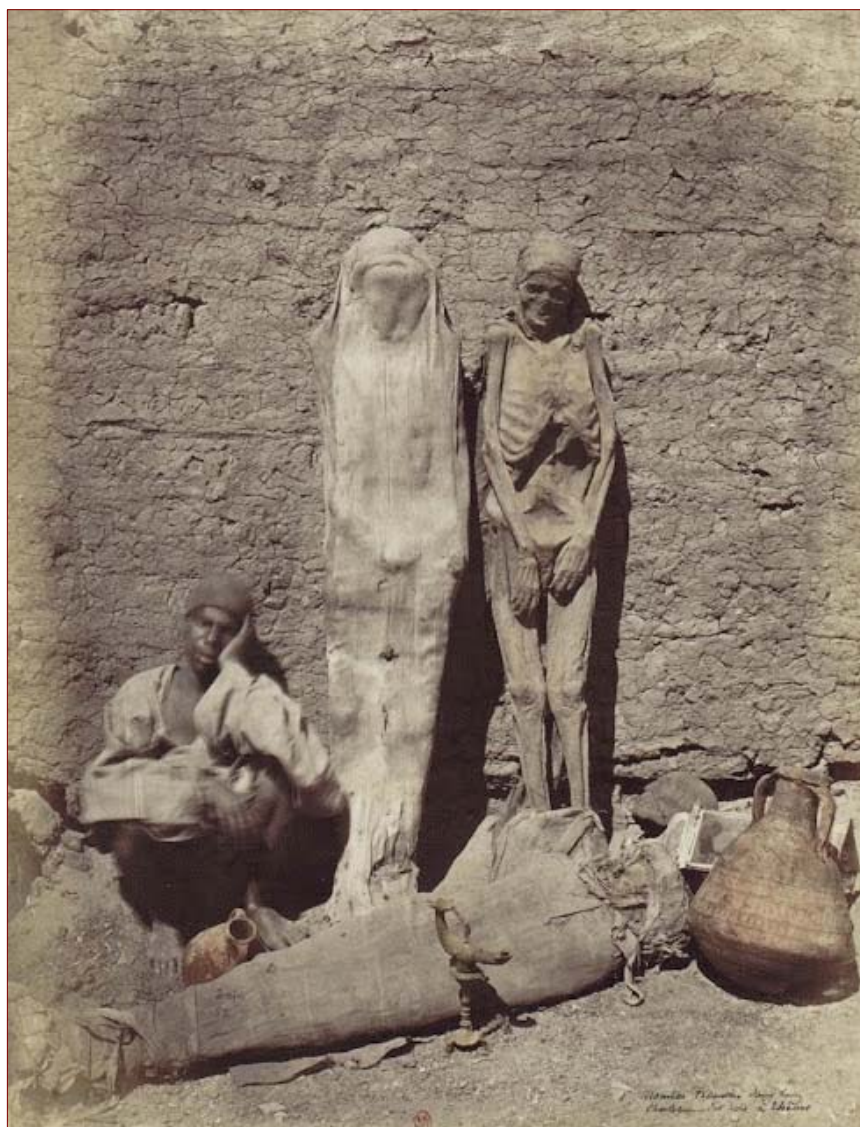
Пыль Египта: Рассказы о мумиях. Том III. Сост. и комм. А. Шермана. – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2015. –190 с., илл. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. LXXX).

В уникальной трехтомной антологии «Рассказы о мумиях» собраны многочисленные фантастические произведения о таинственных мумиях Древнего Египта, включая наиболее редкие и никогда не переводившиеся на русский язык. Книга дополнена рядом статей о мумиях и их образах в высокой и популярной культуре. Это издание можно смело назвать одной из самых представительных антологий классических историй о мумиях в мировой практике.

© Authors, translators, 2015

© A. Sherman, состав, комментарии, 2015

© Salamandra P.V.V., оформление, 2015

ПЫЛЬ ЕГИПТА

Макс Брод

ОЖИВШИЕ МУМИИ

Экскурсия студентов-датчан достигла дверей психиатрической клиники. Ее принял инспектор Ротткэй. Проведя студентов по узкому коридору, мимо вооруженных венниками и ведрами обитателей больницы в темных халатах, доходивших почти до пят, инспектор ввел экскурсантов в приемную. Здесь им пришлось ожидать, — пока инспектор разыскивал доцента.

Приемная представляла большую, со вкусом отделанную комнату, обставленную глубокими креслами. Вдоль стен, покрытых дубовой панелью, шли длинные ряды книжных полок. За открытым окном виднелась яркая зелень находившегося при клинике сада. Шестеро студентов-иностранцев, расположившись в низких, удобных креслах, с любопытством оглядывали обстановку клиники.

Через несколько минут в дверях показалась высокая худощавая фигура человека с мощным, прекрасно очерченным лбом и седой остроконечной бородкой.

— Профессор Ястроу, — проговорил он, слегка поклонившись.

Услышав это прославленное имя, студенты быстро поднялись с мест и почтительно вытянулись.

— Пожалуйста, сидите! — проронил профессор с усталой, слегка небрежной вежливостью. Он посмотрел кругом. — Коллега Геберлейн заставляет себя ждать...

Взгляд Ястроу был пристален, но в то же время далек и словно рассеян, что придавало странное обаяние его облику — начиная с неслышной легкости движений и кончая усталой хрупкостью негромкого голоса.

— Ну, обход мы все-таки начнем, когда придет мой коллега, — сказал он, вынимая из лежавшего на столе портсигара папиросу. — Расскажите мне пока, где вы побывали до сих пор? Что осмотрели?

Старший из курсантов, едва успевший сесть, поднялся снова.

— В Берлине, в Бреславле...

— Сидите, говорю вам, — прервал его Ястроу, усаживая гостя не лишенным повелительности жестом тонкой белой руки. Непринужденная любезность профессора рассеяла, наконец, северную чопорность и неповоротливый формализм его гостей.

— Затем мы осматривали знаменитый Геттингенский университет. Теперь хотим ознакомиться с вашей образцовой клиникой.

— Да ведь она ничем не отличается от других...

Студент Аксель Мунд из Копенгагена смутился и покраснел.

— Напротив, мы здесь видим много нового. Вот, например, здесь... нам бросилось в глаза... — говоривший повернулся к спутникам, точно желая заручиться их поддержкой, — то, что профессор носит такую же одежду, как и больные. Это исключительно гениальная выдумка! Недоверие психически больного к врачу, которое так неуместно разжигается и подчеркивается еще и одеждой... здесь этого нет...

Профессор Ястроу бегло взглянул на свой темно-синий халат и с усмешкой обратился к аудитории:

— Ну, если вы такую мелочь считаете достойной изучения... Нет, мои друзья, если вы действительно хотите учиться новому, вам придется пропутешествовать дальше, на юг Франции, например... в Прованс. Собственно говоря, я лично никогда не слыхал, чтобы там был университет. О работах, идущих оттуда, — тоже. И вы не слыхали, не правда ли? Только в Арле есть маленький исследовательский институт при старинном городском музее, с одним единственным ученым, единственным в своем роде, исключительным ученым, профессором де Боди. Неизвестен? О, нет! И я, по-

жалуй, могу вам кое-что о нем рассказать... Коллега Геберлейн сегодня особенно неаккуратен...

Профессор зажег новую папиросу и несколько раз затянулся. На его лице лежал отраженный — шедший из сада — свет.

— Как я говорил уже, — продолжал он, — об Арльском институте я не слыхал ничего. И тем более я был поражен, когда случайно забрел в музей, который, кстати сказать, запущен так, как не могла бы себе представить самая смелая фантазия, — я нашел рядом с залами, заключавшими в себе собрание древностей, настоящий рабочий кабинет. Там, в полутемном, насквозь пропитанном пылью и грязью углу сидел профессор де Боди около египетской мумии. Саркофаг был раскрыт, и профессор громко читал нечто вроде упражнений в произношении. Да, да, не удивляйтесь! Сперва предложения со звуком «а», затем такие, где преобладали другие гласные, одним словом — род тех упражнений, на которых актер изощряет дикцию. Я не хотел мешать знаменитому психиатру, работу которого изучал с такой пользой для себя, но мои ботинки скрипнули, он меня заметил, — и нам пришлось раскланяться. Оба мы узнали друг друга по портретам, помещенным в специальных журналах.

После первых же фраз наступило замешательство: я почувствовал, что де Боди раздражен до крайности и близок к тому, чтобы без церемоний выпроводить меня из комнаты. Однако, под давлением странного, даже болезненного любопытства, я подходил к мумии все ближе, в то время как де Боди явно старался этому воспрепятствовать.

— Что вы здесь делаете, коллега? — вырвался у меня нескромный вопрос.

Мы оба уставились взглядом в открытое обиталище мумии.

Мертвец лежал распеленутый, с закрытыми глазами, высохший так, что его землисто-коричневое тело казалось принадлежащим мальчику, хотя, несомненно, это было тело взрослого мужчины. Кожа походила на пергамент — и около выступающих костей натягивалась так, что, казалось,

готова была лопнуть. Де Боди поднял на меня зеленоватые глаза.

«Я работаю над гигиеной мертвых» — почти враждебно ответил он... Угодно вам слушать дальше, господа?

Студенты не ответили ни слова: они сидели, боясь проронить хоть один звук. Профессор Ястроу слегка улыбнулся, видимо, довольный впечатлением от рассказа. Затем внезапно он повернул к саду оживленное страстным напылом мыслей лицо, — и эта зеленая глубь сняла с его лица краску и жутко углубила глазные впадины.

«Гигиена мертвых... — сказал мне де Боди и продолжал далее: — Египтяне постигли ее... И только для нас утеряно знание того, что мертвые совсем не мертвы, что о них нужно заботиться — и тогда, путем тщательно выполненных, хотя и утомительных манипуляций, можно привести их к состоянию, которое, правда, не может быть названо жизнью, — по крайней мере, с точки зрения современных понятий, — но в то же время и не есть смерть. То, что мы неточно называем смертью, по моим изысканиям представляет только могущее стать преходящим состояние о с л а б л е н и я жизненных функций, — правда, глубоко поражающее организм, но не неизлечимое, как это мы утверждаем, слишком поспешно укладывая мертвых в гроб и зарывая их, как животных.

Я думаю, — продолжал де Боди, — что есть нечто, протестующее в нас самих против этого скотского зарывания в землю. Разве вы не замечали при смерти близкого вам человека, как чувствуется этот процесс в каждой горсти земли, в каждом камне, бросаемом в могилу. Разве вы не чувствуете, что совершается грубое насилие над так называемым «умершим»? Это, конечно, субъективные ощущения, и они не имеют ничего общего с наукой. Но я утверждаю, что смерть излечима! Я вылечиваю смерть — конечно, в известном смысле. Одно лишь является для меня непреложным — тело мертвого может быть возвращено к жизни. Даже ранения, инфекции, даже раковые образования мне удавалось ликвидировать после смерти. Не нужно только прекращать ухода за телом, когда человек умирает, и тогда

— после специальной тренировки — умерший сможет даже в известной форме общаться с нами».

Видимо взволнованный, профессор Ястроу подошел к окну. Глубоко вздохнул ветер, качавший зеленую листву деревьев.

— Пора кончать, — заговорил он, повертываясь к студентам. — Профессор де Боди показал мне вторую мумию, скрытую за занавесом в большом стеклянном шкафу. Мумия сидела на стуле.

«Вот это более податливый ученик» — представил он мне ее, делая в то же время пренебрежительный жест в сторону лежавшей мумии. Вслед за тем он вошел сам в стеклянный шкаф, сел там на второй стул и начал что-то шептать на ухо мумии.

«Вот, теперь слушайте, — она отвечает».

Я, собственно, не слышал ничего, или, вернее, очень мало. Еле уловимый, легкий шелест, — вот и все. Ни в коем случае не членораздельную речь. Да и самый шелест, возможно, происходил оттого, что де Боди все время поглаживал мумию рукой, но так осторожно, как будто опасался, что она каждую минуту может рассыпаться в прах.

— Скоро вы обнаружите ваши работы? — прервал я его. — Мне ничего не приходилось читать о подобного рода изысканиях, а вы, если я не ошибаюсь, работаете над ними уже...

«Тридцать пять лет» — сказал де Боди.

— И не напечатали ни единого слова?

«Я не принадлежу к тем, кто выступает преждевременно на арену общественности с сенсационными откровениями. Я презираю этих крикунов с их методами омоложения, теориями гормонов и т. д. На что мне шум и деньги? Строго-научное обоснование новой и сложной биологической теории, — вот то, что мне нужно. А популярная форма, громкое название для моего дела — об этом могут позаботиться другие. Это уж не мое дело!»

— Но разве вы не понимаете, — сказал я горячо, — что здесь дело вовсе не в вас и не в вашей личной честности. Может быть, вы можете ждать, да люди этого не могут.

Именно теперь, непосредственно после войны с ее многими миллионами трупов... Неужели вам не ясно, — в том случае, конечно, если вы действительно находитесь на пути к истине, — что ваше открытие меняет всю картину мира?..

Глаза де Боди закрылись, как клапаны.

«Напротив! — медленно проговорил он. — Война, например, в будущем, несомненно, будет еще ужаснее. Она поглотит десятки миллионов жертв, но, к сожалению, мой метод ограничивается только хорошо сохранившимися трупами. Современные мины, даже современные гранаты разрывают тела на тысячи частей... Естественно, что не может быть и речи о восстановлении, так же точно, как бессилён мой метод восстановления и после сожжения в крематории. Тут не поможет никакой врач. Но я, — слышите, — я должен поделиться с человечеством сознанием того, что оно отнимает у павших не только отдельные годы жизни, но и вообще всякую жизнь».

— Да, но в таком случае вы тем более должны спешить, чтобы помешать дальнейшим преступлениям подобного рода...

— Друзья мои!..— Ястроу неожиданно вырвался из спокойной линии своего повествования, как из-под прикрытия. — Никогда, никогда еще не посещало меня сознание ответственности более страшной, чем та, которую налагает на нас знание. Какое знание было в данном случае у де Боди? Точная, филигранная, бездушная работа, или гениальная интуиция со случайным выбором в сторону, быть может, еще не достаточно оправданного практического приложения? Кто может решить? И поймете ли вы меня, мои друзья, — Ястроу весь дрожал, — если я вам признаюсь, что спор, разгоревшийся между мною и де Боди... нет, вы должны меня понять!.. Я просил, я требовал от него немедленного опубликования его работ. Я умолял не откладывать ни на один момент их практическое приложение. Но в холодной отповеди, которую я получил, чувствовалась не косность ученого... Нет, гораздо хуже, — презрение к людям, ненависть к человечеству!

В тот момент, когда я стоял перед ним на коленях, — да, так далеко зашло дело, — на коленях перед этим чудовищем, в этот момент вошел кто-то. По-видимому, его ассистент. О чем-то доложил... Де Боди быстро вышел в соседнюю комнату, совершенно темную. Я, крадучись, последовал за ним, но разглядеть ничего не мог. Ассистент шепотом сообщал профессору, что могила разрыта, гроб доставлен в лабораторию и проделаны все подготовительные манипуляции. Теперь я уже видел. Гроб лежал там в комнате, раскрытый... Девушка, почти девочка... бледная, как воск, с золотыми искрами волос, рот судорожно сжат, веки подняты, а в глазах такой упрек, такой упрек... Я не знаю, что они делали с ней, но безмолвный отчаянный упрек стоял в широко открытом, едва пробудившемся к сознанию взгляде... Я не помнил себя... Я бросился на де Боди...

— Успокойтесь, друзья! — крикнул Ястроу повелительно студентам, которые с каждым шагом приближавшейся к безумию повести, испуганные, начинавшие что-то подозревать, тесным кольцом окружили письменный стол. — Успокойтесь, вы! Де Боди отомстил за свою смерть. В завещании его стояло: «Сжечь мой прах в крематории».

Я не мог помешать осуществлению этого условия. Де Боди стал горстью пепла... Его не воскресит никакое искусство. Все его знания ушли вслед за ним. А его рукописи... кто возьмется расшифровать их!

Ястроу вытащил из рукава синей одежды сверток из лоскутьев бумаги, старых газет, бумажных пакетиков — и бросил все это на письменный стол...

В приемную вошел рыжебородый широкий доцент Геберлейн.

— Прошу извинить мое... Эй, Клас, а вы опять вырвались? Чего вам здесь не хватает? — Он напустился на побледневшего профессора Ястроу, который тем не менее не отступал от стола. — Он, конечно, много вам тут наболтал, господа? Где этот инспектор Ротткэй? Вечно он пропадает!..

Геберлейн с сердцем позвонил.

— Пациент выдает себя часто за профессора Ястроу, нашего ординатора, или за профессора де Боди. К тому же пациент никогда не был во Франции, — это бывший атташе здешнего посольства. Вы слышали, вероятно, о самоубийстве танцовщицы Дианы Хиамс?.. Это была его возлюбленная. Отсюда и все эти похоронные фантазии... Ну, Ротткэй, наконец-то вы здесь! Ставлю вам на вид — Клас разгуливает по коридорам и надоедает посетителям... Господа, мы начинаем обход. Один интересный случай вы уже видели...

Пока гости собирались, инспектор Ротткэй направился к Класу.

— Мои папиросы? — спохватился вдруг Геберлейн. Сильным толчком инспектор Ротткэй выбил из рук пациента коробку. Ястроу-Клас до сих пор сохранял еще достоинство, но это грубое движение сразу изменило его. Животный страх отразился в его глазах. И он сразу стал маленьким, незаметным...

Роберт Говард

БЕЗНОСЫЙ УЖАС

Бездны непознанного ужаса сокрыты вуалью туманов, что отделяют нашу повседневную жизнь от никем не нанесенных на карту, непредставимых областей сверхъестественного. Большинство людей живут и умирают в счастливом неведении этих пределов — я говорю счастливом, ибо разрыв завесы, что лежит между миром реального и миром оккультного, нередко чреват страшным опытом. Однажды я видел, как прорвалась эта тонкая вуаль, и произошедшие тогда события так глубоко запечатлелись в моем сознании, что по сей день вторгаются кошмарами в мои сны.

Та жуткая история началась с приглашения посетить усадьбу сэра Томаса Кэмерона, известного египтолога и путешественника. Я принял приглашение: мне всегда было интересно беседовать с ним, хотя его резкие манеры и жесточайшая натура и отталкивали меня. Поскольку я имел отношение к ряду изданий научной направленности, мы на протяжении нескольких лет часто встречались, и сэр Томас, кажется, считал меня одним из немногих своих друзей. Меня сопровождал Джон Гордон, богатый спортсмен, который также получил приглашение от сэра Томаса.

Солнце клонилось к закату, когда мы очутились у ворот усадьбы. Пустынный и мрачный пейзаж угнетал меня, навеивая смутное предчувствие беды. В нескольких милях от нас неясным пятном вырисовывалась деревня, где мы сошли с поезда; меж нею и имением и вокруг него угрюмо простирались голые и бесплодные вересковые топи. Никакое иное человеческое жилище не радовало глаз, и единственный признак жизни являла собой большая болотная птица, тяжело и одиноко летевшая прочь от побережья. Холодный ветер с горьким привкусом морской соли, налетев с востока, что-то шепнул мне, и я задрожал.

— Звоните же, — произнес Гордон с нетерпеливой ноткой, ясно показывавшей, что и ему было не по себе в этом неприглядном окружении. — Мы не можем ждать здесь весь вечер.

Но в это мгновение ворота отворились. Нужно пояснить, что обитель сэра Томаса была окружена высокой стеной, полностью огораживавшей усадьбу. Мы стояли у главных ворот. Когда они распахнулись, мы увидели длинную аллею; по обе стороны ее тянулись густые деревья. Однако наши взгляды тотчас же приковала к себе странная фигура, отступившая в сторону, пропуская нас внутрь. Ворота открыл высокий человек в восточных одеждах. Он стоял, как статуя, скрестив руки на груди, уважительно и вместе с тем величественно склонив голову. Смуглая кожа подчеркивала мерцание его блестящих глаз; он был бы хорош собой, если бы не отвратительное уродство, что лишало его черты всякой привлекательности и одновременно придавало ему злобный вид. У него не было носа.

Мы с Гордоном застыли, не говоря ни слова, пораженные этим видением. Восточный человек — индийский сикх, судя по тюрбану — поклонился и сказал на почти безупречном английском:

— Хозяин ждет вас в кабинете, сахибы.

Мы отослали деревенского извозчика и под удаляющийся скрип колес его коляски двинулись по затененной аллее; следом шел индеец с нашим багажом. Пока мы ждали у ворот, солнце успело зайти, и с удивительной быстротой во-

царился вечер. Небо заволокли тяжелые серые облака. Ветер тоскливо вздыхал в кронах деревьев по бокам аллеи, и большой дом, молчаливый и темный, за исключением единственного освещенного окна, высился перед нами. В полутьме я слышал, как сикх легко переступает ногами, обутыми в туфли без задников; эти негромкие звуки так напоминали о громадной пантере, подкрадывающейся к добыче, что я невольно вздрогнул.

Затем мы подошли к двери и оказались в обширном полутемном холле. Сэр Томас широкими шагами приблизился и приветствовал нас.

— Добрый вечер, друзья мои, — эхом разнесся по дому его громкий голос. — Я ждал вас! Вы обедали? Да? В таком случае попрошу вас в кабинет. Я пишу трактат о своих последних открытиях и хотел бы услышать ваше мнение по поводу некоторых вопросов. Ганра Сингх!

Последнее восклицание было адресовано сикху, неподвижно стоявшему рядом. Сэр Томас отдал ему краткое приказание на хинди, безносый снова поклонился, взял наши саквояжи и вышел.

— Я велел приготовить для вас две комнаты в правом крыле, — сказал сэр Томас, поднимаясь впереди нас по лестнице. — Мой кабинет находится здесь, в левом крыле, над холлом — и я часто работаю там всю ночь.

Кабинет оказался просторной комнатой; повсюду были разбросаны научные книги и журналы, стены украшали трофеи, привезенные со всех концов света. Сэр Томас опустился в огромное кресло и жестом предложил нам устраиваться поудобнее. Он был высоким, плотным человеком, не так давно вступившим в средний возраст, с решительным подбородком, скрытым густой светлой бородой, и пронизательным, твердым взглядом, горевшим еле сдерживаемой энергией.

— Мне нужна ваша помощь, как я сказал, — отрывисто начал он. — Но сегодня вечером мы не станем обсуждать мое сочинение. Завтра у нас будет достаточно времени, к тому же вы, должно быть, порядочно устали в дороге.

— Да уж, далековато вы поселились, — отозвался Гордон. — Что на вас нашло, Кэмерон? Зачем вы купили и отстроили эту древнюю развалину?

— Я люблю уединение, — ответил сэр Томас. — В этих краях мне не надоедают безмозглые люди, которые вечно роятся вокруг меня, как москиты над буйволом. Гостей я сюда не приглашаю и не поддерживаю никаких сношений с внешним миром. Возвращаясь в Англию, я могу быть уверен, что меня ждут тишина и покой, необходимые для моей работы. Я не держу даже слуг; обо всем заботится Ганра Сингх.

— Этот безносый сикх? Кто он такой?

— Его имя — Ганра Сингх. Это все, что мне о нем известно. Я встретил его в Египте. Думаю, он бежал из Индии, совершив какое-то преступление. Но это не имеет значения. Он предан мне. Говорит, что служил в англо-индийской армии и потерял нос по вине кривой афганской сабли; дело было во время пограничного рейда.

— Не нравится мне, как он выглядит, — недовольно буркнул Гордон. — У вас в доме немало ценнейших трофеев; как вы можете доверять человеку, о котором ничего не знаете?

— Довольно об этом, — сэр Томас нетерпеливо отмахнулся. — Ганра Сингх достоин доверия; я никогда не ошибаюсь в оценке характера. Лучше сменим тему разговора. Я ведь еще не рассказывал вам о последних своих исследованиях.

Он говорил, и мы слушали. Сэр Томас рассказывал о перенесенных тяготах и преодоленных препятствиях, и в его голосе мы слышали ту настойчивость, ту яростную побуждающую силу, что сделали его одним из самых выдающихся путешественников и исследователей на свете. Он сказал, что собирается поделиться с миром некоторыми сенсационными открытиями, самое важное из которых заключалось в одной весьма необычной мумии.

— Я обнаружил ее в прежде неизвестном храме, в глубине внутренних районов Верхнего Египта. Точное местоположение храма вы узнаете завтра, когда мы вместе просмотрим мои записи. Я ожидаю, что эта мумия совершит революцию в истории. Я еще не проводил тщательный осмотр,

но по крайней мере нашел, что она разительно отличается от всех до сих пор найденных мумий. В отличие от обычного процесса мумифицирования, тело вовсе не было искалечено. Оно осталось совершенно нетронутым и выглядит таким же, как при жизни. Невероятная пропасть лет, конечно, иссушила и исказила лицо, но в остальном может показаться, что перед вами тело очень старого, только что умершего человека, еще не успевшее разложиться. Кожистые веки плотно закрывают глазницы, и если приподнять их, под ними, я уверен, обнаружатся сохранившиеся в целости глазные яблоки.

Говорю вам, открытие эпохальное и опровергающее все предвзятые идеи! Если бы в эту иссохшую мумию можно было каким-то образом вдохнуть жизнь, она смогла бы говорить, ходить, дышать, как любой из нас; ибо, как я упоминал, все части тела нетронуты, словно этот человек умер вчера. Вам наверняка известен обычный процесс — изъятие кишечника и так далее — посредством которого тела умерших превращали в мумии. Но с этим телом подобные операции не производились. Чего только не отдали бы мои коллеги за такую находку! Все египтологи умрут от чистейшей зависти! Уже были попытки украсть мумию — да что там, многие исследователи, мечтающие о ней, с радостью вырезали бы мне сердце!

— Думаю, вы переоцениваете ваше открытие и недоцениваете моральные устои ваших коллег, — выпалил Гордон.

Сэр Томас презрительно усмехнулся.

— Это стая стервятников, сэр, — воскликнул он с диким смехом. — Волки! Шакалы! Они рыщут вокруг и хотят похитить заслуги у того, кто лучше их! Обыкновенные миряне даже не представляют, какое соперничество царит в высших классах научного сообщества. Там, господа, каждый за себя, каждый стремится пожать лавры, и к дьяволу слабого. Пока что я более чем успешно отражал все атаки.

— Даже допуская, что это правда, — возразил Гордон, — в свете ваших собственных действий вы едва ли располагаете правом осуждать тактику соперников.

Сэр Томас взглянул на своего неизменно откровенного друга с такой яростью, будто готов был, как мне на секунду показалось, наброситься на него с кулаками. Затем настроение египтолога изменилось, и он громко, с издевкой расхохотался.

— Без сомнения, вы до сих пор вспоминаете случай с Густавом фон Хонманом. Со времен этого злополучного инцидента я повсюду подвергаюсь жестокой критике. Мне, уверяю вас, абсолютно все равно. Я никогда не искал одобрения толпы и не обращаю внимания на ее обвинения. Фон Хонман был глупцом и получил по заслугам. Как вы знаете, мы оба искали исчезнувший город Гомар, открытие которого так много дало научному миру. Я позаботился о том, чтобы в руки его попала фальшивая карта и он отправился впустую бороздить джунгли Центральной Африки.

— Вы буквально послали его на смерть, — уточнил Гордон. — Согласен, в фон Хонмане было что-то звериное, но вы совершили мерзкий поступок, Кэмерон. Вы знали, что он никак не сможет избежать смерти от руки диких племен, обитающих в землях, куда вы направили его.

— Вам не удастся разозлить меня, — невозмутимо отвечал Кэмерон. — Вот что мне нравится в вас, Гордон. Вы не боитесь говорить то, что у вас на уме. Но давайте забудем о фон Хонмане; он разделил судьбу всех дураков. По словам одного его помощника, который спасся во время резни и добрался до форпоста цивилизации, перед смертью фон Хонман осознал обман и, умирая, поклялся отомстить мне, живым или мертвым. Это никогда меня не беспокоило. Человек жив и опасен или мертв и безобиден, вот и все. Однако же становится поздно и вас, несомненно, клонит в сон. Ганра Сингх покажет вам комнаты. Что касается меня, то я намерен провести остаток ночи, приводя в порядок путевые записи; завтра нас ожидает работа.

Ганра Сингх возник в дверях, словно гигантский призрак. Пожелав спокойной ночи нашему хозяину, мы последовали за этим человеком Востока. Я забыл сказать, что дом был выстроен в форме буквы П; он был двухэтажным, а между двумя крыльями находилось некое подобие двора,

на который выходили окна нижних комнат. Нас с Гордоном разместили в двух спальнях на первом этаже правого крыла, с видом на двор. Комнаты были смежными и соединялись дверью; когда я уже собрался лечь в постель, постучался и вошел Гордон.

— Странный малый, не так ли? — и он мотнул головой в направлении освещенного окна кабинета по другую сторону двора. — Порядочная скотина, но великий ум, чудесный ум.

Я открыл дверь, выходящую во двор, чтобы вдохнуть свежий воздух. В комнатах было прохладно, но душновато, словно их давно не использовали.

— У него определенно бывает не так много гостей.

Помимо двух наших комнат, светились только окна кабинета на противоположной стороне двора.

— Да.

Мы помолчали. Затем Гордон вдруг заговорил:

— Вы слышали, как умер фон Хонман?

— Нет.

— Он попал в руки странного и ужасного племени, которое считает себя потомками древних обитателей Египта. Они — непревзойденные знатоки адского искусства пыток. Спасшийся ученый рассказал, что фон Хонмана они убили медленно и самым дьявольским способом. Тело не было искалечено, но увяло и иссохло до полной неузнаваемости. После этого его заколотили в ящик и поместили рядом с прочими фетишами в качестве жуткой реликвии и трофея.

Я невольно передернул плечами.

— Какой ужас!

Гордон встал, выбросил сигарету и повернулся к двери.

— Совсем поздно. Спокойной ночи... Что это?

Напротив, на другой стороне двора, раздался негромкий удар, точно опрокинулся стул или стол. Мы замерли, охваченные внезапным и смутным предчувствием ужаса. В ночи задрожал безумный голос:

— Помогите! Помогите! Гордон! Слейд! О Боже!

Мы вместе бросились во двор. Голос принадлежал сэру Томасу и доносился из его кабинета в левом крыле. Мы по-

бежали через двор, отчетливо слыша звуки яростной борьбы. Сэр Томас снова закричал, словно в предсмертной агонии:

— Он схватил меня! О Господи, он меня нашел!

— Кто, Кэмерон? — отчаянно закричал Гордон.

— Ганра Сингх... — силившийся что-то сказать голос внезапно захлебнулся и перешел в дикое, еле слышное бормотание. Распахнув дверь, мы вбежали на первый этаж левого крыла и, перепрыгивая через ступени, понеслись вверх по лестнице. Казалось, прошла вечность, прежде чем мы оказались у дверей кабинета, откуда по-прежнему доносились звериные вопли. Открыв дверь, мы в ужасе застыли на месте.

Сэр Томас Кэмерон лежал, корчась в ширящейся луже крови, но не кинжал, погруженный по рукоятку в его грудь, заставил нас застыть в смертельном страхе, а жуткое и очевидное безумие, отпечатавшееся на его лице. Его налитые кровью глаза блестели, глядя в пустоту — и были то глаза человека, узревшего Чистилище. С его губ срывалось непрестанное бормотание, затем в эти стенания вплелись слова: «Безносый... безносый...» После кровь хлынула у него изо рта, и он упал лицом вниз.

Мы склонились над ним и в ужасе переглянулись.

— Мертв, как камень, — пробормотал Гордон. — Но что убило его?

— Ганра Сингх... — начал было я; затем мы оба обернулись. Ганра Сингх молча стоял в дверях; неподвижные черты ничем не выдавали его мысли. Гордон выпрямился, его рука быстро скользнула в карман.

— Ганра Сингх, где ты был?

— В нижнем коридоре, запираю дом на ночь. Я услышал, как хозяин позвал меня, и пришел.

— Сэр Томас мертв. Тебе известно, кто мог совершить это убийство?

— Нет, сахиб. В Англии я недавно и не знаю, были ли у моего хозяина враги.

— Помоги мне перенести его на кушетку.

Мы перенесли тело.

— Ганра Сингх, ты понимаешь, что нам придется, пока дело не прояснится, считать тебя виновным?

— Пока вы продолжаете так считать, настоящий убийца может скрыться.

Гордон ничего на это не ответил.

— Отдай мне ключи от дома.

Сикх подчинился, не говоря ни слова.

Затем Гордон отвел его во внешний коридор и запер в маленькой комнате, предварительно удостоверившись, что на ее окне, как и на всех прочих окнах в доме, имелась крепкая решетка. Ганра Сингх не сопротивлялся; его лицо не выражало никаких чувств. Запирая дверь, мы увидели, что он бесстрастно стоит посреди комнаты, скрестив руки и глядя на нас непроницаемым взором.

Мы вернулись в кабинет со сломанными столами и стульями, красным пятном на полу и недвижимой фигурой на кушетке.

— До утра мы ничего не можем сделать, — сказал Гордон. — Нам некого позвать на помощь, а если мы сейчас пойдем в деревню, то заблудимся, вероятно, в темноте и тумане. Доказательства вины сикха кажутся довольно-таки неопровержимыми.

— Предсмертные слова сэра Томаса практически указывают на него.

— В этом я не уверен. Кэмерон выкрикнул его имя, когда я окликнул его со двора, но он, может быть, просто звал к себе слугу. Сомневаюсь, что сэр Томас слышал меня. Конечно, это замечание о «безносом», на первый взгляд, вряд ли могло означать кого-либо другого, но место для сомнений остается. Не забывайте, что перед смертью сэр Томас сошел с ума.

Я вздрогнул.

— Это, Гордон, и есть самое ужасное. Что могло разрушить разум Кэмерона и в последние минуты жизни превратить его в вопящего безумца?

Гордон покачал головой.

— Не понимаю. Встреча лицом к лицу со смертью никогда прежде не пугала сэра Томаса. Вот что я скажу вам, Слейд:

мне кажется, здесь есть нечто скрытое, невидимое для глаз. Дело пахнет сверхъестественным, хотя я никогда не был суеверным человеком. Но посмотрим на все это с логической точки зрения.

Кабинет занимает весь верхний этаж левого крыла и отделяется от задних комнат коридором, который проходит вдоль всего здания. Единственная дверь из кабинета выходит в коридор. Мы пересекли двор, вошли в нижнюю комнату левого крыла, прошли в зал, где нас впервые приветствовал хозяин, и поднялись по лестнице в верхний коридор. Дверь кабинета была закрыта, но не заперта. Через эту дверь вышло то, что свело сэра Томаса с ума и затем убило его. Будь то человек или призрак, у него был лишь один путь к отступлению, потому что в кабинете явно никто не прятался, а на окнах имеются решетки. Если бы мы прибежали на несколько мгновений раньше, то могли бы увидеть, как убийца выходит из кабинета. Когда я закричал, сэр Томас еще боролся с этим дьяволом, но пока мы добирались до верхнего коридора, убийца, как видно, успел выполнить задуманное и скрыться из кабинета. Без сомнения, он спрятался в одной из комнат по другую сторону зала и либо ускользнул, когда мы осматривали сэра Томаса — либо же, если виновником был Ганра Сингх, смело вернулся в кабинет.

— Ганра Сингх утверждает, что вошел в кабинет после нас. Если бы кто-то прятался в тех комнатах и попытался сбежать, он бы заметил.

— Убийца мог слышать шаги Сингха, затаиться и подождать, пока тот не войдет в кабинет. Видите ли, я считаю, что убийцей является Сингх, но справедливости ради мы должны взвесить все обстоятельства. Посмотрим-ка на этот кинжал.

Оружием убийцы оказался жутковатого вида египетский клинок с тонким лезвием; я вспомнил, что видел его на столе сэра Томаса.

— Но одежда Сингха должна была быть в беспорядке, а руки в крови, — заметил я. — Вряд ли у него хватило бы времени вымыть руки и переодеться.

— В любом случае, — отозвался Гордон, — отпечатки пальцев убийцы должны были остаться на рукоятке кинжала. Я старался не стереть подобные следы. Положу оружие здесь, на кушетке, пускай его исследует эксперт, работающий по методу Бертильона. Сам я в таких вещах мало разбираюсь. Тем временем, думаю, я осмотрю кабинет, как принято у детективов, и попытаюсь обнаружить возможные улики.

— А я осмотрю дом. Ганра Сингх действительно может быть невиновен, убийца же, не исключено, прячется где-то в здании.

— Лучше будьте осторожны. Если он там, помните, что это человек отчаянный, готовый убивать без колебаний.

Я взял тяжелую трость из терновника и вышел в коридор. Забыл сказать, что все эти коридоры были очень тускло освещены; занавесы на окнах плотно смыкались и снаружи все здание казалось погруженным во тьму. Закрыв за собой дверь, я сильнее, чем прежде, ощутил гнетущее молчание дома. Тяжелые бархатные портьеры скрывали невидимые двери; заблудившийся ветерок изредка раздувал их, вызывая в памяти строки Эдгара По:

Шелест шелка, шум и шорох в мягких пурпуровых шторах —
Чуткой, жуткой, странной дрожью проникал меня всего...

Я вышел на лестничную площадку и, бросив еще один взгляд на безмолвные коридоры и недвижные двери, спустился вниз. Если кто-то и прятался на верхнем этаже, решил я, он должен был давно спуститься на первый этаж, если не покинуть здание. В нижнем зале я зажег свет и прошел в соседнюю комнату. Всю центральную часть дома между двумя крыльями, как я обнаружил, занимал личный музей сэра Томаса, представлявший собой гигантское помещение, наполненное идолами, футлярами из-под мумий, каменными и глиняными колоннами, свитками папируса и тому подобными древностями. Но пробыл я там недолго: не успел я войти, как мне бросился в глаза экспонат, выпавший из общего ряда. Это был футляр для мумии, весьма

отличавшийся от прочих — и он был открыт! Что-то подсказало мне, что в нем хранилась мумия, которой сэр Томас хвастался этим вечером; но сейчас футляр был пуст. Мумия исчезла.

Вспомнив, что рассказывал сэр Томас о зависти соперников, я быстро повернулся и направился к холлу и лестнице. В этот момент мне показалось, что где-то в доме раздался негромкий звук, как бы от падения тяжелого предмета. У меня не было, однако, никакого желания продолжать исследование здания в одиночку, с одной только тростью в виде оружия. Я решил вернуться и сообщить Гордону, что мы, вероятно, имеем дело с бандой международных грабителей. Ускорив шаги, я вдруг заметил лестницу, ведущую наверх прямо из музейной комнаты. Я поднялся по ней и обнаружил, что нахожусь близ левого крыла дома.

Передо мной снова простирался тускло освещенный коридор с таинственными запертыми дверями и темными портьерами. Я должен был пересечь почти весь коридор, чтобы попасть в кабинет, находившийся в противоположном его конце. Глупейшая дрожь охватила меня, когда я представил себе ужасных существ, прячущихся в этих закрытых комнатах. Затем я взял себя в руки. Кто бы ни свел с ума сэра Томаса Кэмерона, это был человек. Я покрепче сжал трость и двинулся по коридору.

Я прошел лишь несколько шагов и внезапно остановился. Волоски у меня на затылке встали дыбом, по спине пробежал холодок. Я почувствовал чье-то незримое присутствие, и мой взгляд, словно притянутый магнитом, устремился к тяжелым портьерам, скрывавшим дверь. В коридоре не было сквозняка, но *портьеры слегка шевелились!* Я отшатнулся и напряг глаза, рассматривая тяжелую темную ткань; мой напряженный взгляд словно прожег в ней дыру — и я инстинктивно почувствовал, что оттуда, поблескивая, смотрят на меня другие глаза. Затем мой взгляд упал на стену рядом с закрытой дверью. Какая-то прихоть неверного света отбросила на нее темную бесформенную тень; на моих глазах тень начала медленно обретать форму —

образ отвратительного, перекошенного демона, чудовищного и *безносого* подobia человека!

Самообладание вдруг изменило мне. Эта искривленная фигура могла быть всего лишь тенью человека, прятавшегося за портьерами, но разум подсказывал, что будь то человек, зверь или демон, темная ткань скрывала ужасную и леденящую душу опасность. Хищный ужас затаился в тени, и там, в этом безмолвном полутемном коридоре, освещенном мерцающими тусклыми светильниками, я был как никогда близок к безумию — меня сводили с ума не видения, не чувства, но вздымавшиеся в сознании фантомы, ужасающие смутные образы, скалившие зубы в моем черепе. Я знал, что в тот миг обычный человеческий мир был где-то далеко, что я встретился лицом к лицу с жутким существом из иного мира.

Я повернулся и побежал по коридору. Бесполезная трость дрожала в моей руке, большие капли холодного пота заливали лоб. Так я добрался до кабинета, поспешно вошел и захлопнул за собой дверь. Мой взгляд невольно обратился к кушетке и ее страшному постояльцу. Гордон, склонившийся над какими-то разложенными на столе бумагами, обернулся при моем появлении и посмотрел на меня блестящими от возбуждения глазами.

— Слейд, я нашел карту, которую начертил Кэмерон. Судя по всему, он обнаружил мумию на границе тех земель, где был убит фон Хонман...

— Мумия исчезла, — сказал я.

— Исчезла? Боже мой! Стало быть, вот и объяснение! Банда воров в докторских мантиях! Ганра Сингх, скорее всего, с ними заодно. Необходимо поговорить с ним.

Гордон вышел в коридор, я последовал за ним. Мои нервы все еще были напряжены, и мне даже не хотелось рассказывать о недавних страхах. Я чувствовал, что должен набраться мужества, прежде чем облечь в слова пережитый ужас. Гордон постучал в дверь. Ответом было молчание. Он повернул в замке ключ, распахнул дверь и выругался. Комната была пуста! Открытая дверь, ведущая в соседнюю комнату, также выходящую в коридор, указывала путь бегства

сикха. Замок в соседней комнате был буквально вырван из двери.

— Так вот что за шум я слышал! — воскликнул Гордон. — А я, глупец, так увлекся записями сэра Томаса, что не обратил на это никакого внимания и даже подумал, что это вы, должно быть, открываете или закрываете двери! Что тут скажешь, детектив из меня никакой. Будь я настороже, появился бы на сцене прежде, чем пленник сбежал.

— На ваше счастье, вы не успели, — дрожащим голосом отозвался я. — Гордон, нужно выбираться отсюда! Ганра Сингх прятался за портьерами, когда я шел по коридору. Я видел тень его безносого лица... Говорю вам, это не человек. Это злой дух! Адский демон! Думаете, человек — обыкновенное человеческое существо — могло свести сэра Томаса с ума? Нет, нет, нет! Это дьявол в человеческом облике! И я не уверен даже, что истинное обличье его — человеческое!

Лицо Гордона омрачилось.

— Чушь! Этот ночью здесь было совершено ужасное и таинственное преступление, но я не верю, что его нельзя объяснить логически... прислушайтесь!

Где-то в глубине коридора открылась и закрылась дверь. Гордон прыгнул к двери комнаты и выскочил в коридор. В отдалении мелькнуло нечто похожее на темную летящую тень, нырнуло в дверной проем, взметнув портьеры. Гордон вслепую выстрелил и побежал по коридору. Я бросился за ним, проклиная его за безрассудство; но все же его пример разжег и во мне какую-то бесшабашную храбрость. Я не сомневался, что в конце этой дикой погони нам предстоит схватиться не на жизнь, а на смерть с демоническим индусом. Сломанный замок был достаточным доказательством его силы, не говоря уже об окровавленном теле в безмолвном кабинете. Но когда такой человек, как Гордон, устремляется в атаку, остается только последовать за ним.

Мы подбежали к двери, за которой исчезла тень, пересекли темную комнату и вбежали в следующую. Топот ног впереди говорил нам, что мы настигаем добычу. Вспоминая эту погоню по темным комнатам, я словно вижу смутный, туманный сон — дикий, хаотический кошмар. Не

помню, сколько комнат и переходов мы миновали. Помню только, что я слепо следовал за Гордоном и остановился, лишь когда он замер перед полускрытой тяжелыми портьерами дверью. Из-под нее растекалось красное сияние. Я задыхался и был совершенно сбит с толку. Вдобавок, я полностью утратил чувство направления и не понимал, в какой части дома мы находимся и почему за дверью мерцает этот пурпурный огонь.

— Это комната Ганры Сингха, — сказал Гордон. — Сэр Томас упоминал о ней в разговоре. Самая дальняя комната в верхнем этаже правого крыла. Дальше ему бежать некуда: в комнате только одна дверь, а на окнах — крепкие решетки. Мы загнали в угол человека — или существо — убившее сэра Томаса Кэмерона!

— Тогда, во имя Бога, нападём на него, не раздумывая долго, прежде чем мужество нам изменит! — воззвал я, протиснулся мимо Гордона и раздвинул портьеры...

По крайней мере, красное сияние нашло свое объяснение. В громадном камине плясало и искрилось яркое пламя, и вся комната словно переливалась красным. И в глубине ее застыла загнанная нами дичь, кошмарная и адская фигура — *исчезнувшая мумия*! Мой потрясенный взор в одно мгновение выбрал сморщенную, потемневшую кожу, впалые щеки, раздувающиеся провалы иссохших ноздрей, лишенных сгнившего носа. Ужасающие глаза были широко открыты и горели мертвенной, демонической жизнью. Одно мгновение, один только взгляд, ибо миг спустя длинная тощая тварь, пошатываясь, кинулась на меня, сжимая в узкой когтистой руке тяжелую статуэтку. Я взмахнул тростью, кости черепа захрустели и провалились под ударом, но существо не остановилось — разве можно убить мертвеца? Взмах высохшей руки отбросил меня в сторону, и я упал, корчась от боли, ошеломленный, с разможенным плечом.

Я увидел, как Гордон, подобравшись вплотную, всадил четыре пули в жуткую тварь, а после она схватилась с ним, и пока я напрасно пытался встать на ноги и снова вступить в бой, атлетическое тело моего друга повисло беспомощ-

ной куклой в нечеловеческих руках, и чудовище подтащило его к краю стола и стало перегибать назад, пока не затрещал позвоночник...

Нас спас Ганра Сингх. Огромный сикх, словно арктический ветер, неожиданно ворвался в комнату и ринулся в битву, как раненый слон. С непредставимой силой, которой даже живой мертвец не мог сопротивляться, он оторвал ожившую мумию от жертвы и швырнул ее через всю комнату. Подхваченная водоворотом неодолимого натиска, мумия приземлилась на ноги спиной к камину. Последним усилием, напоминавшим извержение вулкана, грозный мститель толкнул ее прямо в огонь, избивая кулаками, втаптывая в пламя, пока оно не охватило извивающиеся конечности. И наконец тело ужасной твари рухнуло внутрь себя и распалось в прах, издавая невыносимую вонь разложившейся горячей плоти.

И тогда Гордон, глядевший в огонь, точно сомнамбула, охотник на львов, человек с железными нервами, храбро преодолевший тысячи опасностей, вдруг замертво повалился лицом вперед в глубоком обмороке!

Позже, когда Ганра Сингх нежно и осторожно, как женщина, бинтовал мои раны, мы нашли в себе силы заговорить.

— В свете разума, — слабым голосом произнес я, — мой взгляд покажется необоснованным, но любое объяснение окажется невероятным, невозможным... Думаю, люди, создавшие эту мумию столетия, если не тысячелетия назад, владели искусством сохранения жизни. Какими-то средствами они просто усыпили этого человека, и все эти годы он провел в подобном смерти сне, совсем как индусские факиры, которые целые дни и даже недели пребывают в состоянии мнимой смерти. Когда настало подходящее время, это существо пробудилось и приступило к своим ужасным действиям.

— А ты как считаешь, Ганра Сингх?

— Сахиб, — вежливо ответил величественный сикх, — кто я, чтобы говорить о тайных вещах? Многое сокрыто от людей. Когда сахиб запер меня в комнате, я подумал, что

тот, кто убил моего хозяина, может воспользоваться моей беспомощностью и сбежать. Желая его найти, я по возможности тише взломал замок и принялся искать его по темным комнатам. Наконец я услышал шум в собственной спальне, поспешил туда и обнаружил сахибов, сражающихся с живым мертвецом. К счастью, еще до того, как все это случилось, я развел в комнате большой огонь, чтобы он горел всю ночь, ибо я не привычен к холоду вашей страны. Я знал, что огонь — враг всех нечестивых созданий, Великий Очиститель, и потому я швырнул Зло в огонь. Я счастлив, что сумел отомстить за хозяина и помочь сахибам.

— Помочь! — улыбнулся Гордон. — Если бы ты не появился, причем как раз вовремя, наши треклятые корабли давно лежали бы на дне. Ганра Сингх, я уже извинился за свои подозрения. Ты — достойный человек.

Нет, Слейд, — его лицо стало серьезным, — полагаю, вы ошибаетесь. Во-первых, этой мумии вовсе не тысячи лет, а едва десять! Как выяснилось из секретных записей, сэр Томас нашел ее не в затерянном храме Верхнего Египта, но в шалаше с фетишами, в Центральной Африке. Он никак не мог объяснить присутствие мумии в джунглях и поэтому утверждал, что обнаружил ее в отдаленных районах Египта. Ведь он был египтологом, и это звучало правдоподобно... Но сэр Томас действительно считал, что мумия очень древняя и, как нам теперь известно, был прав относительно необычного процесса мумифицирования. Туземцы, хранившие в ящике эту мумию, явно знали о таких вещах больше, чем древние египтяне. Однако мумия, я уверен, не протянула бы и двадцать лет. И здесь вмешивается сэр Томас, который является и крадет мумию у дикарей — между прочим, у того самого племени, что расправилось с фон Хонманом.

Нет-нет, ваша гипотеза неверна, я это чувствую. Вы знакомы с оккультной теорией, согласно которой дух, привязанный к земному миру ненавистью или любовью, способен творить добро или зло, только оживив материальное тело? Оккультисты вполне разумно говорят, что дух или призрак может пересечь пропасть, разделяющую миры живых

и мертвых, лишь вселившись в тело из плоти и крови — предпочтительней всего место своего прежнего обитания — и вдохнув в него жизнь. Этот человек умер, как умирают все, но я верю, что силы ненависти, которую он испытывал при жизни, оказалось достаточно, чтобы преодолеть смерть и заставить мертвое, высохшее тело двигаться, действовать и убивать.

Если это так, нет предела страшному наследию человечества. Если это правда, люди навсегда обречены стоять на краю невысказанных океанов сверхъестественного ужаса, отделенные от иного мира лишь тонкой вуалью, которая в любую минуту может быть разорвана, как только что случилось... Хотел бы я думать иначе — но я видел, Слейд...

Когда Ганра Сингх швырнул упирающуюся мумию в огонь, ее высохшие и сморщенные черты на краткий миг разгладились от жара, как раздувается надутый воздухом игрушечный шар, и мимолетно обрели знакомый, человеческий облик. *Слейд, это было лицо Густава фон Хонмана!*

*Мумии и египетские пирамиды. Гравюра
первой половины XVIII в.*

Джеффри Фарнол

ЧЕРНЫЙ КОФЕ

(1929)

Профессор Джарвис сидел за письменным столом, окруженный горами справочников и стопками заметок и выписок. Тишину нарушало лишь непрерывное царапанье его пера по бумаге.

Профессор Джарвис ненавидел всяческую суету и шум, так как они нарушали целостность мысли и последовательность доказанных фактов, вытекавших из первичных гипотез, которые казались ему главной целью и смыслом бытия; именно по этой причине он поселился на тридцатом этаже.

Почти месяц он не видел человеческого лица, за исключением Джона, своего камердинера. Ночь за ночью он восседал за столом, высоко над огромным городом, и занимался работой, о которой мечтал много лет — трактатом о «Высшей этике философии». Трактат был близок к завершению. В эти последние недели на профессора снизошел дух труда, дьявольский, жестокий, беспокойный дух, не позволявший на мгновение отвлечься от сложного течения мысли, от вымотавших все нервы попыток ее сформулировать. Вот почему профессор просиживал за столом ночь за ночью, спал очень мало и поглощал большое количество черного кофе.

Тем вечером, однако, он почувствовал странную усталость. Профессор сжал ладонями пульсирующие виски, глядя невидящими глазами на страницы лежащей перед ним рукописи.

Он склонился над столом, борясь с чувством тошноты, постоянно возвращавшимся в последние дни. Длинные, убогие строки показались ему существами, наделенными загадочной жизнью; они двигались и тысячами ножек цеплялись за страницу.

Профессор Джарвис закрыл глаза и устало вздохнул. «Мне нужно поспать», — сказал он сам себе. «Любопытно, когда я в последний раз спал?» В то же время он тщетно попытался зевнуть и потянуться. Его блуждающий взгляд упал на настольную лампу — и он заметил, что существа поки-

нули лист и ползут теперь, извиваясь, вверх по зеленому абажуру. Он снова вздохнул, пальцы зарылись в бумаги в поисках кнопки электрического звонка. Почти сразу же, как показалось профессору, он услышал тихий и далекий голос Джона, доносившийся из тени, куда не достигал свет лампы.

— Джон, если вы в самом деле там, будьте добры, зажгите свет, — сказал профессор. — Джон, — продолжал он, моргая в неожиданно ярком свете и уставившись на камердинера, — когда я в последний раз спал?

— Сэр, вы не спали уже неделю, только дремали время от времени на кушетке, сэр, но это не в счет. Если позволите дать вам совет, сэр, вам лучше всего немедленно отправиться в постель.

— Гм! — произнес профессор. — Благодарю вас, Джон, но ваш превосходный совет, к сожалению, неприменим. Я пишу заключительную главу и обязан ее закончить. До тех пор сон исключается.

— Прошу прощения, сэр, — начал Джон, — но если вы попробуете раздеться и лечь в постель как полагается...

— Не будьте глупцом, Джон! — вскричал профессор, охваченный внезапным приступом гнева, который совершенно не вязался с его обычно миролюбивым характером. — Неужели вы думаете, что я не поспал бы, если бы мог? Разве вы не видите, что я мечтаю заснуть? Я заснул бы, понимаете вы, но не могу — я знаю, что отдыха мне не ведать, пока я не закончу книгу, а это будет примерно на рассвете, — и профессор поднял глаза на Джона.

Густые брови профессора нахмурились, глаза горели неприятным светом на бледном овале лица.

— Если бы только вы перестали пить так много кофе, сэр! Говорят, кофе плохо действует на нервы...

— Думаю, это верно, — вставил профессор, вновь заговоривший привычным мягким голосом. — Да, полагаю, это верно. К примеру, Джон, прямо сейчас мне кажется, что вон там из-за портьер высунулась рука. Однако эта умственная установка в некоторой степени совпадает с темой послед-

ней главы, где говорится о психических силах природы. Конкретно, Джон, я имею в виду следующий отрывок:

«Таинственная сила, которую некоторые именуют душой, при условии должного развития способна на некоторое время отринуть телесность и воспарить в бесконечные пространства, нестись на крыльях ветра, гулять по дну морей и рек и даже вселяться в тела давно умерших людей, если те еще не разложились».

Профессор откинулся в кресле и продолжал, словно размышляя вслух:

«Все это было известно столетия тому назад, в особенности жрецам Исиды и древним халдеям, а сегодня частью практикуется факирами и тибетскими ламами; но невежественный мир видит в этом не более чем дешевые фокусы». Кстати, — прервал он сам себя, вдруг заметив, что Джон по-прежнему стоит перед ним, — разве вы не просили отпустить вас до завтрашнего дня?

— Да, просил, сэр, — замялся Джон, — но я подумал, что отложу свои дела, раз вы... раз вы так заняты, сэр.

— Пустяки, Джон, не тратьте вечер впустую, уже поздно. Сварите еще кофе и можете идти.

Джон помедлил, но встретился глазами с профессором и подчинился; поставив кипящий кофейник на приставной столик у локтя профессора и приведя комнату в порядок, он направился к двери.

— Я вернусь утром, к восьми часам, сэр.

— Очень хорошо, Джон, — сказал профессор, попивая маленькими глотками кофе. — Спокойной ночи, Джон.

— Спокойной ночи, сэр, — отозвался Джон, закрыл за собой дверь и на секунду остановился за нею, покачивая головой.

— Его нельзя оставлять одного, — пробормотал он, — но я вернусь утром, еще до восьми. Да, постараюсь вернуться еще до восьми.

С этими словами он повернулся и удалился по коридору.

II

Профессор долго сидел, согнувшись над столом. За последние полчаса он не написал ни слова — где-то у него в затылке, казалось, стучал молоточек; это мягкое, неторопливое и ритмичное постукивание только оттеняло тишину вокруг. Медленно и постепенно профессор погрузился в ожидание, безрассудное и настойчивое ожидание чего-то, что подбиралось все ближе и ближе при каждом стуке молоточка. Он не понимал, что именно приближается, был бессилен остановить это приближение — он только знал, что это нечто близится, и ждал, напрягая слух, прислушиваясь к неизвестности.

Внезапно, где-то в раскинувшемся далеко внизу мире, часы пробили полночь. С последними ударами в коридоре слышались шаги, в дверь постучали и кто-то начал тереть дверную ручку. Профессор встал, дверь распахнулась, в кабинет проследовал коротенький, толстенький джентльмен, примечательный главным образом круглым румяным лицом и ежиком седых волос, и принялся трясти руку профессора, без умолку выпаливая отрывистые быстрые фразы, давно ставшие отличительным признаком Магнуса МакМануса, чьи исследования в Нижнем Египте и на берегах Нила, проведенные в последние десять лет, сделали это имя знаменитым.

— Дорогой Дик, — начал он. — Боже правый, да ты выглядишь совсем больным — ужасно — как обычно, перетрудился, а?

— Магнус! — воскликнул профессор. — Я думал, ты в Египте?

— Точно так — был — вернулся на прошлой неделе с образцом — провел три дня в Нью-Йорке — должен сейчас же возвращаться на Нил — купил вчера билет — отплываем завтра — в полдень. Видишь ли, Дик, — продолжал Магнус, расхаживая по комнате, — получил телеграмму от Тарранта — смотритель на раскопках, помнишь — говорит, наткнулись

на монолит — коптские надписи — может оказаться чем-то важным — очень.

— Да, — кивнул профессор.

— Так что зашел к тебе, Дик — попросить, чтобы ты посмотрел за моим образцом — подумал, ты не будешь возражать — пока я не вернусь.

— Да, конечно, — рассеянно сказал профессор.

— Без сомнения, величайшая находка века, — продолжал Магнус, — колоссальное значение — вся египетская история предстает в новом свете — во всем мире, насколько известно, нет другой такой мумии.

— Что? — воскликнул профессор. — Ты сказал «мумия»?

— Разумеется, — кивнул Магнус, — но термин неуместен — больше чем обычная высохшая мумия.

— И ты... ты привез ее сюда, Магнус?

— Конечно — она снаружи, в коридоре.

Профессор отчего-то задрожал и снова почувствовал тошноту.

— Чертовски трудно сюда — неудобна для перевозки, понимаешь, — Магнус, продолжая говорить, повернулся и вышел. В коридоре послышался шум голосов, шарканье подошв, спотыкающиеся и приближающиеся шаги, как будто носильщики волокли тяжелый груз — и над всем этим разносился взволнованный голос Магнуса.

— Поосторожней — не заденьте косяк — ровно, ровно держите, не трясите — здесь прямо — вот так.

Вновь появился Магнус. За ним следовали четыре грузчика, согнувшиеся под тяжестью чего-то среднего между длинным ящиком и гробом. Под руководством Магнуса они опустили этот предмет на пол в свободном углу.

— А теперь, — вскричал Магнус, когда они остались одни, и достал из кармана маленькую отвертку, — я покажу тебе — глазам своим не поверишь — как и я — это просто чудо, Дик — публика будет изумлена — так и будут сидеть, как дураки — с разинутыми ртами.

Один за другим Магнус вывинтил шурупы, державшие крышку. Профессор наблюдал, широко раскрыв глаза, и ждал — молча ждал.

— Этот образчик — откровение в искусстве мумификации, — продолжал Магнус, возясь с последним шурупом. — Никакого высохшего, сморщенного, набитого бальзамическими веществами сгустка человека — кто бы это ни сделал, он был гением — определенно — внутренности не извлечены — черт бы побрал этот шуруп — тело совершенно, как при смерти — клянусь, Дик — не менее шести тысяч лет — вероятно, старше. Говорю тебе — настоящее чудо — а впрочем — суди сам! — и с этими словами Магнус отложил отвертку, поднял тяжелую крышку и отступил в сторону.

Профессор глубоко вдохнул и судорожно вцепился пальцами в подлокотники кресла, глядя на то, что лежало, точнее, стояло за передней стеклянной стенкой гроба.

Он увидел удлинённое лицо, обрамленное черными волосами, налитое, не высохшее, но отвратительного пепельно-серого цвета, большой и тонкий орлиный нос с изящным и гордым изгибом ноздрей, а под ним рот с синеватыми полными губами, чьи жестокие очертания чуть искажала призрачная издевательская улыбка, таившая в себе безымянный ужас.

— Когда-то была хороша собой, — заметил Магнус. — Да, весьма — правильные черты и все такое — чисто египетский тип, однако...

— Это... это лицо дьявола, — запинаясь, пробормотал профессор. — Хотел бы я знать, что скрывается за этими веками... так и кажется, что они вот-вот поднимутся, и тогда... Твоя мумия ужасна, Магнус, ужасна.

Магнус рассмеялся.

— Так и думал, что она тебя поразит — повергнет всех ученых в ступор — без сомнения. Это украшение из драгоценных камней на шее, — с довольным видом продолжал он, — неограниченные изумруды — восходит к пятой династии — но вон тот скарабей на груди еще старше — золотая оторочка одежды ставит меня в тупик — прямо не знаю — а кольцо на большом пальце — по форме — вылитая пятнадцатая династия. В целом — загадка. Еще одна странность — рот и ноздри были залеплены — каким-то цементом — чертовски сложно было — удалять.

— Согласно надписи на саркофаге, — не умолкал Магнус, — это «Ахасуэра, принцесса Дома Ра в царствие Рамана Кау Ра» — вероятно, еще один титул Сети Второго. Я также нашел папирус — очень важный — и три таблички, успел только бегло просмотреть — как я понял, Ахасуэра пользовалась зловещей славой — сочетание Семирамиды, Клеопатры и Мессалины — эдакое тройственное совершенство. Одним из ее любовников был некий Птомес — верховный жрец храма Осириса — о нем сказано — «весьма умудренный в искусствах и таинствах Исиды и верховных богов». Когда открыл саркофаг — заметил странный беспорядок, спутанные покровы — словно она двигалась — к тому же погребальная маска упала с лица — показалось любопытным — крайне. Осмотрев эту маску — обнаружил надпись на лбу — долго не мог расшифровать — вдруг меня осенило — когда засыпал — нескладной стихотворной строфой — переводится приблизительно так:

*Дыхание мое хранит Исиды твердь,
Кто ни пробудит, встретит лишь смерть.*

— Также довольно любопытно, а? Силы небесные! Да что это с тобой? — Магнус осекся, так как только сейчас впервые обернулся и посмотрел на своего друга.

— Ничего, — все так же запинаясь, ответил профессор. — Ничего страшного... только закрой это... закрой, ради Бога.

— Конечно — безусловно, — сказал Магнус, озабоченно глядя на него. — Вот уж не думал, что ты такой впечатлительный — нервы пошаливают — тебе нужно заняться своим здоровьем, Дик — и прекрати хлестать этот проклятый черный кофе.

Когда последний шуруп был завинчен, профессор диковато рассмеялся.

— Восемнадцать шурупов длиной в два с половиной дюйма, не так ли, Магнус?

— Да, — ответил Магнус, и на его лицо снова набежало озабоченное выражение.

— Очень хорошо, — радостно воскликнул профессор с тем же странным смешком.

Магнус натянуто улыбнулся.

— Послушай-ка, Дик, — начал он, — звучит чуть ли не так, будто ты думаешь...

— Эти глаза, — прервал его профессор, — преследуют меня, эти глаза хотят застать врасплох, исподтишка следят и наблюдают...

— Тыфу! Какая чепуха, Дик, — несколько поспешно воскликнул Магнус. — Это только игры твоего воображения — и ничего более. Тебе необходимо отдохнуть от работы, не то у тебя скоро начнутся галлюцинации.

— Садись и слушай, — сказал профессор и зачитал отрывок из лежавшей на столе рукописи:

«Таинственная сила, которую некоторые именуют душой, при условии должного развития способна на некоторое время отринуть телесность и воспарить в бесконечные пространства, нестись на крыльях ветра, гулять по дну морей и рек и даже вселяться в тела давно умерших людей, если те еще не разложились».

— Кхм! — произнес Магнус и заложил ногу на ногу. — Ну и что?

— «Если те еще не разложились», — повторил профессор и, внезапно подняв руку, указал на гроб в углу. — Это не смерть.

Магнус вскочил на ноги.

— Друг мой, ты умом тронулся! — вскричал он. — Что же это, по-твоему?

— Временное прекращение жизнедеятельности! — заявил профессор.

Повисло долгое молчание. Оба впились друг в друга взглядами; лицо Магнуса чуть побледнело, пальцы профессора нервно барабанили по подлокотникам кресла. Вдруг Магнус рассмеялся, хотя и немного натужно.

— Вздор! — воскликнул он. — Что за глупости ты говоришь, Дик? Прописываю тебе добрый стаканчик бренди и постельный режим.

С непринужденностью старого друга, хорошо знакомого с профессорским кабинетом, он подошел к угловому шкафчику, достал оттуда графин и стаканы и плеснул в каждый солидную порцию бренди.

— Вижу, ты со мной не согласен, Магнус?

— Согласен? Ни в коем случае, — сказал Магнус и одним глотком опорожнил стакан. — Это все нервы — чертovsky нервы.

Профессор покачал головой.

— Есть многое в природе, друг Горацио...

— Знаю, знаю — сам часто проклинал Шекспира за эти строки.

— Но ты сам, Магнус, несколько лет назад написал статью о гипнотическом трансе у древних египтян.

— Это уж слишком, Дик, — запротестовал Магнус, — рассуждай здраво, ради всего святого! Какой транс может продолжаться шесть или семь тысяч лет? Совершенно нелепая мысль! Давай-ка, ложись спать, как разумный человек — кстати, где Джон?

— Я отпустил его до утра.

— Какого черта? — воскликнул Магнус и с беспокойством оглядел кабинет. — Ладно — побуду за него — помогу тебе лечь и все такое.

— Благодарю, Магнус, но все бесполезно, — ответил профессор, покачивая головой. — Я не смогу заснуть, пока не допишу последнюю главу. Много времени это не отнимет.

— Господи, час ночи! — воскликнул Магнус, поглядев на часы. — Должен спешить, Дик — гостиница — завтра в море — ты знаешь.

Профессор вздрогнул и поднялся с кресла.

— Будь здоров, Магнус, — сказал он, пожимая другу руку. — Надеюсь, твой монолит окажется ценной находкой. До свидания!

— Спасибо, старина, — сказал Магнус, в свою очередь пожимая руку профессора. — И учти, больше никакой черной отравы!

Он направился к двери, кивнул на прощание и был таков.

Профессор с полминуты сидел, нахмутив брови, затем поспешно вскочил, подбежал к двери, открыл ее и выглянул в тускло освещенный коридор.

— Магнус, — хриплым шепотом позвал он. — Магнус!

— Ну? — донесся ответ.

— Значит, ты не думаешь, что Это откроет глаза?

— Господи Боже — да нет же!

— Хорошо, — сказал профессор и закрыл дверь.

III

— Жаль, — проговорил себе под нос профессор и взялся за перо, — жаль, что я отпустил сегодня Джона. Этой ночью я ощущаю странное одиночество, а Джон всегда такой приземленный, такой рассудительный.

С этими словами он вновь склонился над рукописью. Его мысли необычайно прояснились, все силы ума напряглись до предела, его охватило чувство восторга. Смутные идеи стали ясными и прозрачными, запутанные мысли обрели стройность, слова, выходившие из-под пера, дышали утонченностью и красноречием.

Но внезапно, по непонятной причине, в середине фразы его охватило желание оглянуться и посмотреть на то, что стояло в углу. Усилием воли профессор подавил это желание и вновь зацарапал пером; но он сознавал, что стремление это разрастается в нем и рано или поздно подчинит его себе. Он не ожидал увидеть ничего нового — это было бы абсурдно. Профессор стал вспоминать, сколько шурупов удерживают деревянную крышку над Существом, чьи губы глумятся над Богом и людьми сквозь века, чьи глаза... ах, глаза... Профессор внезапно обернулся, вытянул руку с зажатым в ней пером и начал вполголоса пересчитывать блестящие головки шурупов.

— Один, два, три, четыре, пять, шесть — шесть с каждой стороны и по три сверху и снизу — всего восемнадцать. Восемнадцать стальных шурупов толщиной в четверть дюйма

и длиной в два с половиной дюйма, надежные, прочные шурупы, но ведь восемнадцать, в конце-то концов — не так уж и много... почему Магнус не ввинтил побольше шурупов, было бы куда надеж...

Профессор овладел собой и вернулся к работе; но тщетно пытался он писать — желание взглянуть терзало его, становясь с каждой минутой все сильнее, а за этим желанием скрывался страх, страх перед тем, что таится за спиной.

— Ах да, за спиной — зачем я позволил поставить Это в угол за креслом?

Он встал и попытался передвинуть письменный стол. Стол был тяжел и не поддавался его усилиям; но само напряжение мускулов, хотя и напрасное, немного успокоило его. Профессор решительно склонился над рукописью, вознамерившись единым махом завершить свою великую книгу, но его мысли блуждали где-то далеко, перо чертило на бумаге бессмысленные завитки и обрывки слов, и наконец профессор отбросил его и закрыл лицо руками.

Закрыл... Закрыты ли по-прежнему глаза там, в темноте, под крышкой с восемнадцатью шурупами, или же...? Профессор задрожал. О, если бы знать наверняка, если бы он только мог удостовериться — если бы Джон был здесь — Джон всегда такой рассудительный — он сидел бы в кабине и наблюдал за Существом — да, глупо было отпускать Джона. Профессор вздохнул, открыл глаза — и замер, глядя на лежащий перед ним лист бумаги — глядя на две неровные строчки, написанные незнакомым почерком, кричавшими заглавными буквами:

*Дыхание мое хранит Исыды твердь,
Кто ни пробудит, встретит лишь смерть.*

Внезапный, пронзительный и визгливый смех заставил профессора вздрогнуть. «Неужели этот смех сорвался с моих уст?» — спросил он себя, зная ответ. Каждый нерв в его теле отзывался болью — он надеялся, молился, чтобы что-нибудь нарушило тяжкую тишину — скрип половицы под ногой — возглас — крик — что угодно, но только не этот ужас-

ный смех; он ждал, и смех прозвучал снова, громче, безумней. Он чувствовал, как смех дрожит у него во рту, перекачивается в горле, сотрясает его в своей хватке; и затем смех прекратился так же внезапно, как и начался, и профессор пришел в себя, глядя на клочки бумаги под ногами. Он протянул дрожащую руку к стойке для трубок и, взяв уже набитую, раскурил ее. Табак успокоил его; он глубоко втянул дым, посмотрел на сизые завивающиеся спирали над головой, на легкие дымные облака, собравшиеся в комнате — и заметил, что дым медленно перемещается в одном направлении, складываясь в движущуюся завесу, а за этой завесой ползают, извиваясь, призрачные создания.

Профессор нетвердо поднялся на ноги.

— Магнус был прав, — пробормотал он, — я болен, я должен попытаться заснуть — должен — должен.

Но пока он раздумывал, опираясь дрожащими руками о край стола, слепой страх, безрассудная жуть, с которой он боролся всю ночь, налетела на него неодолимой волной; он задохнулся, сотрясаясь от ужаса с головы до ног и не сводя взгляда с громадного светлого ящика и блестящих головок шурупов, глядевших на него, как маленькие внимательные глазки. Что-то сверкнуло на полу рядом с ящиком, и профессор бессознательно поднял отвертку. Он лихорадочно работал; оставался самый упорный шуруп, и профессор, вытирая с лица пот, к своему удивлению понял, что напевает песенку, услышанную много лет назад в мюзик-холле, в студенческие дни; затем он затаил дыхание, и последний шуруп поддался.

...Удлиненное лицо, обрамленное туманом черных волос, миндалевидные сладострастные глаза с тяжелыми веками, орлиный нос, жестокий изгиб ноздрей, чувственный рот с полными губами, застывшими в вечной издевке; он уже видел все это раньше, но теперь, вглядываясь, почувствовал некую неуловимую и ужасную перемену, почти неощутимую и все же завораживающую. Он с усилием отвернулся от мумии, попытался вернуть на место крышку, но не смог; дергаясь, он огляделся, схватил коврик с длинной

бахромой и скрыл ужас от взора.

— Магнус был прав, — повторил он, — я должен поспать.

Он добрел до кушетки, лег и спрятал лицо в подушки.

Профессор долго ворочался, но сон все не шел; в ушах снова стучало, но теперь это были гулкие молоты, сотрясавшие мозг. А этот, другой звук, заглушенный ударами молотов — не шаги ли? Он приподнялся, прислушиваясь, и заметил, что бахрома на ковре шевелится. Не веря своим глазам, профессор стал их тереть, но ковер внезапно затрясся, и странное волнообразное движение прошло по нему снизу вверх. Дрожа, профессор вскочил, прокрался к гробу и сорвал ковер. В тот же миг он увидел и осознал ту перемену, что недавно так озадачила его; знания, могущество учености, сила мужества оставили профессора Джарвиса, и он, закрыв лицо руками, принялся раскачиваться и хныкать, как малое дитя, ибо пепельно-серый цвет исчез с мертвого лица и почерневшие губы стали кроваво-красными. Некоторое время профессор продолжал раскачиваться и хныкать, закрываясь руками; затем он вдруг резким, диким, страстным жестом воздел руки над головой.

— Боже мой! — вскричал он. — Я схожу с ума — я теряю рассудок, о, что угодно, только не это — не сумасшедший, нет, не сумасшедший — я не сумасшедший — нет...

Поймав в зеркале свое отражение, он покачал головой и прищелкнул языком.

— Не сумасшедший, о нет, — прошептал он своему отражению, вновь повернулся к гробу и стал ласкать и гладить стекло.

— О, Глаза Смерти, поднимите свои веки, ибо жажду я познать тайну, что сокрыта под ними. Быть может, я и есть жрец Птомес, тот, что наложил на тебя свои чары, и возвратился я к тебе, Любимая, и душа моя вызывает к твоей, как некогда в древних Фивах. О, Глаза Смерти, поднимите свои веки, ибо жажду я познать тайну, что сокрыта под ними. Покуда душа твоя спала, моя неисчислимые столетия тосковала и устремлялась к тебе, и ныне истекло время ожи-

дания. О Господи, — прервал он себя, — она не проснется — я не в силах разбудить ее.

Он заломил пальцы. Выражение его лица тотчас изменилось, губы искривились в хитрой усмешке; он осторожно подобрался к висевшему на стене зеркальцу, быстрым движением сорвал его со стены и спрятал в карман; затем он уселся за стол и установил зеркальце перед собой.

— Они не откроются, пока я смотрю и жду, — сказал он, кивая и улыбаясь себе. — Это глаза, что хотят заставить врасплох, эти глаза исподтишка следят и наблюдают, и все же я их увижу, да, увижу.

Откуда-то из раскинувшегося внизу мира донесся долгий гудок парохода на реке, и с этим звуком, пусть далеким и еле слышным, разум вступил в свои права.

— Пресвятые небеса! — воскликнул профессор, пытаясь рассмеяться. — Что за глупость, позволить жалким останкам мертвого человека чуть не свести меня с ума от страха, да еще здесь, в Нью-Йорке! Невероятно!

Говоря так, профессор решительно повернулся спиной к мумии, потянулся к графину, налил в стакан бренди и медленно выпил; но все это время его не покидало чувство, что глаза за спиной следят за каждым его движением, и он с трудом запретил себе оборачиваться. Подавив железными тисками воли бунт восставших нервов, он аккуратно разложил бумаги и взял в руку перо.

Наше тело, если вдуматься, обладает некими качествами дворовой собаки: обругает его хозяин, и оно съежится, поскуливая; прикажет — подчинится. Профессор писал, и взор его был ясен, рука тверда. Он едва поглядывал на зеркальце, даже когда останавливался и откладывал исписанный лист в сторону.

В окнах уже занялся болезненный серый рассвет, когда он поглядел на часы.

— Еще полчаса, и мой труд будет завершен, закончен, допи...

Слова замерли у него на губах, ибо он случайно бросил взгляд на зеркальце и заметил, что глаза мумии широко раскрылись. Они долго глядели в его глаза, затем веки за-

трепетали и снова сомкнулись.

— У меня галлюцинации, — простонал он. — Это одно из последствий потери сна. Как мне хочется, чтобы вернулся Джон, ведь Джон всегда такой приземленный, такой рассудительный...

Позади него послышался шорох, мягкий и нежный звук, подобный шелесту ветра в листве или шепоту оконных гардин — что-то прошуршало по полу за его спиной. Смертный холод пронзил его, и он онемел от ужаса.

Едва осмеливаясь взглянуть, полный жутких предчувствий, он поднял глаза на зеркало. Гроб за его спиной был пуст; он резко обернулся — и там, прямо за ним, так близко, что почти можно было коснуться, притронуться, стояло Существо, которое он назвал жалкими останками человека. Медленно, дюйм за дюймом, оно подбиралось к нему, шелестя и шурша иссохшими от времени покровами:

*Дыхание мое хранит Исиды твердь,
Кто ни пробудит, встретит лишь — смерть!*

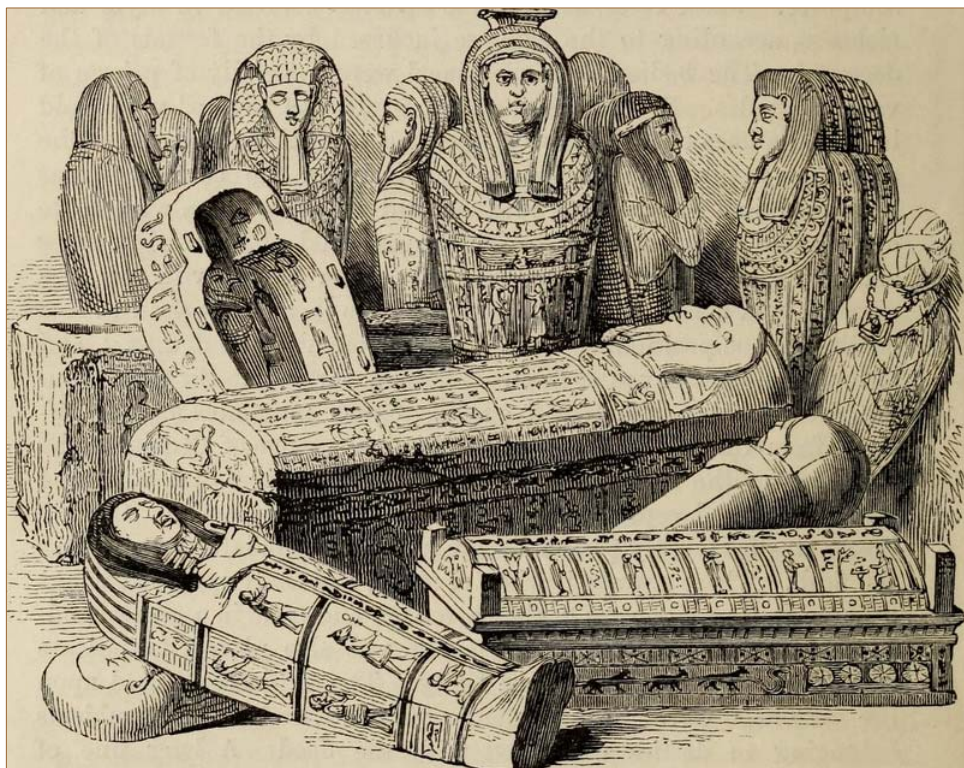
С воплем, напоминавшим не то крик, не то смех, он вскочил и набросился на Это. Раздался глухой удар, после вздох, и профессор Джарвис, раскинув руки, остался лежать на полу, спрятав лицо в складки ковра.

* * *

На следующий день в газетах появилась небольшая заметка:

«СТРАННАЯ СМЕРТЬ.

Вчера в своей квартире на ... улице был найден мертвым профессор Джарвис, знаменитый ученый; предположительно, он умер от сердечного приступа. Любопытен тот факт, что мумия, которая ранее находилась в грубо сколоченном ящике, стоявшем в противоположном углу комнаты, лежала на теле профессора».

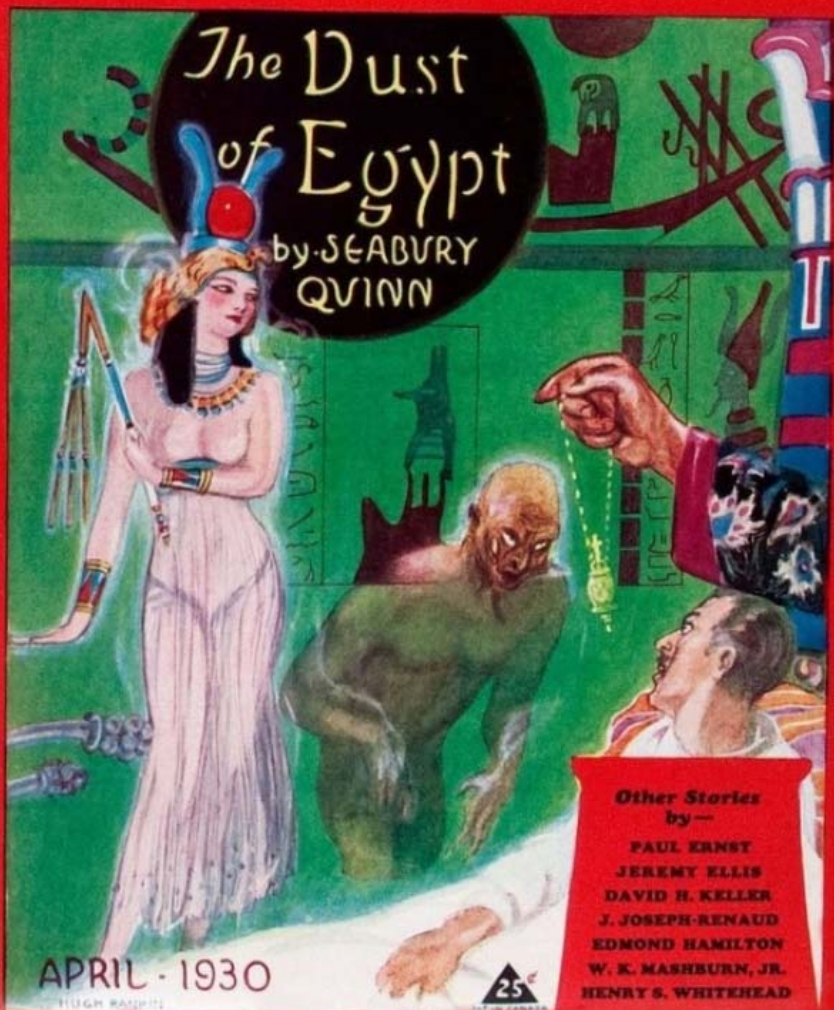

*Саркофаги и футляры для мумий. Рис. из книги Х. Вестропа
«Handbook of Archaeology. Egyptian – Greek – Etruscan – Roman»
(1867)*

Си́бери Квин
ПЫЛЬ ЕГИПТА
(1930)

Weird Tales

The Unique Magazine

APRIL - 1930

(HUGH RASCHKE)

Other Stories by—

PAUL ERNST
JEREMY ELLIS
DAVID H. KELLER
J. JOSEPH-RENAUD
EDMOND HAMILTON
W. K. MASHBURN, JR.
HENRY S. WHITEHEAD

Странную пару ввела Нора Мак-Гиннис в мою гостиную тем февральским вечером. Мужчина был невероятно привлекателен, с четкими, правильными чертами лица, увенчанного пышной короной темных волос, большим лбом и широко расставленными зеленовато-коричневыми глазами под удивительно черными бровями. Мускулистая, развитая грудь и широкие квадратные плечи говорили о необычайной силе и выносливости. Но он был не больше пяти футов ростом, и брюки его хорошо пошитого вечернего костюма мешковато висели на тонких, скелетообразных ногах. Его правая нога была искривлена и согнута в колене, и он не ходил, а неловко, болезненно ковылял; его лакированные полуботинки казались маленькими, как детская обувь. Полиомиелит ужасающим образом изуродовал некогда чудесное тело, превратив молодого человека в кентавра с совершенным торсом и жалкими конечностями калеки.

Женщина, примерно того же возраста, что ее спутник — лет двадцати пяти, как мне показалось — была во всем, за исключением уродливых последствий болезни, его абсолютным отражением. Ее коротко подстриженные, черные как смоль волосы плотной шапочкой облегали небольшую, красивую головку; точеные и правильные черты были почти незапоминающимися по причине своей симметрии; походка, это мягкое волнообразное скольжение, выдавала телесную координацию и психическую уравновешенность, столь редко встречающиеся в наш невротический век. Вечернее платье из черного атласа, украшенное кружевами, ниспадало грациозными складками почти до узких, изящно вырезанных щиколоток, крошечные изумрудные пуговицы на ее черных атласных туфельках дополнялись изумрудными серьгами-гвоздиками в маленьких ушах и, как ни странно, зелеными искрами в карих, с темными веками глазах. Она была не накрашена, лишь на губах блестела ярко-красная помада.

Я глянул на две продолговатые визитные карточки, которые Нора принесла мне, прежде чем впустить неожиданных гостей.

— Мистер Монтейт? — нерешительно спросил я.

— Это я, — ответил молодой человек с быстрой улыбкой, сразу придавшей его мрачному, задумчивому лицу своеобразное обаяние, — а это моя сестра Луэлла.

Он помолчал, будто испытывая неловкость, и снова заговорил:

— Нам сказали, что у вас есть друг, доктор де Гранден, который время от времени занимается делами сверхъестественного или кажущегося таковым свойства. Если вы будете так добры и подскажите нам, где мы можем его найти...

— *Avec beaucoup de félicité!* — со смехом прервал его Жюль де Гранден. — Протяните руку, притроньтесь ко мне, *mon ami*: я тот, кого ищете вы!

Монтейт охнул и уставился на маленького француза, не понимая, как отвечать на такое необычное приветствие.

— Ах...

— *Précisément*, — подтвердил Жюль де Гранден и жестом пригласил наших посетителей занять кресла у камина. — Вы пришли вовремя, мне думается: вечер обещал быть невыразимо скучным. А теперь перейдем к тому кажущемуся сверхъестественным делу, о котором вы хотели посоветоваться с Жюлем де Гранденом...

Он выжидающе замолчал, приподняв узкие черные брови, так что они стали походить на две одинаковые сарацинские арки.

Молодой Монтейт провел рукой по своим аккуратно причесанным черным волосам и искательно поглядел на маленького француза.

— Не знаю, с чего и начать... — признался он и обвел озадаченным взглядом комнату, словно надеясь почерпнуть вдохновение у дрезденских фарфоровых фигурок на каминной полке.

— Почему бы не с самого начала? — приободрил его де Гранден. Он достал свой тонкий золотой портсигар, любез-

но предложил его гостям и затем поднес к их сигаретам карманную зажигалку.

— Дело касается смерти моего дяди... нашего дяди, — сказал мистер Монтейт, выдыхая из ноздрей облако ароматного серого дыма. — Она казалась естественной, в свидетельстве о смерти причиной ее был указан инфаркт, и никаких юридических осложнений не имелось. Но мы с сестрой недоумеваем и, если бы вы согласились расследовать... Вот, посмотрите, — прервал он рассказ и вынул из бокового кармана небольшой пакет с бумагами, — это завещание дяди Авессалома. Начать можно и с него.

Маленький француз взял листы с красными нотариальными печатями и поднес их к свету.

— Во имя Господа, аминь, — прочитал он. — Я, Авессалом Барнстейбл — Барн-стейбл, *mon Dieu*, ну и фамилия! — находясь в ясном уме и твердой памяти, а также в полнейшем телесном здравии, но будучи уверен в скором наступлении неминуемой и неотвратимой гибели, сим выражаю, заявляю и сообщаю свою последнюю волю и завещание, тем самым отменяя любые и какие-либо распоряжения и завещания, составленные мною до настоящего времени.

Первое — я предаю свою душу на попечение Господа, Спасителя нашего, тело же завещаю похоронить на кладбище Вейл.

Второе...

— Вы можете пропустить второй, третий и четвертый пункты, — вмешался мистер Монтейт, — только пятый связан с нашим делом.

— Очень хорошо, — де Гранден перевернул страницу и продолжал:

— Я желаю, чтобы мой племянник и племянница, упомянутые выше, Дэвид и Луэлла Монтейты, поселились в моем доме под Гаррисонвиллем, Нью-Джерси, как только они будут ознакомлены с данным завещанием, и прожили в нем на протяжении не менее шести месяцев; по истечении этого срока, *если привнесенные обстоятельства до тех пор не заставят их совершить данное действие ранее либо это не станет физически невозможным*, им надлежит удалить

из указанного дома мумию жреца Сепе, со всеми предосторожностями переправить ее через океан и похоронить в песках египетской пустыни; я особо настаиваю на буквальном выполнении этого предписания в качестве условия вступления их во владение оставшейся частью моего имущества.

Де Гранден закончил чтение и перевел с брата на сестру свой странный, немигающий взгляд.

— Мы являемся наследниками очищенного от долгов имущества дяди Авессалома, — пояснил Дэвид Монтейт. — Наследство оценивается примерно в 300,000 долларов.

— *Parbleu*, за половину этой суммы я готов выкопать и снова захоронить все мумии фиванского некрополя! — воскликнул француз. — Но я не понимаю, друзья мои, в чем состоит то свойство вашего дела, которое я назвал бы *outré*? Ваш почтенный дядюшка и в самом деле был чудаковат, но эксцентричность — привилегия богатства и возраста. Отчего бы вам не устроиться со всеми удобствами в его бывшем жилище? Проведете там полгода, после с подобающими почестями похороните давно умершего египетского господина — и можете тратить наследство в свое удовольствие.

Ответила девушка.

— Доктор де Гранден, — спросила она очаровательно переливающимся контральто, — неужели вы не заметили необычный оборот речи во вводной части завещания дяди Авессалома? Если бы он написал, «будучи уверен в скором наступлении неминуемой и неизбежной смерти», мы не обратили бы на это внимания. Ему было уже за восемьдесят, и хотя он был крепок и подвижен, как шестидесятилетний, смерть естественным образом приближалась к нему. Но он говорит не о «смерти», а о «неминуемой и неотвратимой гибели».

— *Exactement*, — спокойно согласился де Гранден, однако в его круглых голубых глазках зажегся огонек интереса. — *Précisément, Mademoiselle*. Почему же?

— Я уверена, что к этому имеет отношение та ужасная древняя мумия, о которой он упоминает, — тихо и напря-

женно произнесла девушка. — Дэвид, покажи доктору перевод, — распорядилась она, повернувшись к брату.

Мистер Монтейт достал из кармана еще одну бумагу.

— Луэлла нашла эту запись в библиотеке, в старом секретере, за день до смерти дяди Авессалома, — объяснил он. — Сестра собиралась спросить дядю, что она означает, но так и не успела. Это может помочь вам пролить некоторый свет на дело. Нам же, в свете написанного, оно только кажется еще более таинственным.

— Перевод таблички, найденной в гробнице жреца Сепе, — прочитал де Гранден. — Сепе, слуга и жрец Асет, Матери Всего, Которая Была, Есть и Пребудет, обращает к каждому, кто читает сие, приветствие и предостережение:

«Нечестивый незнакомец, осквернивший святость моего склепа, будь проклят. Будь прокляты твои восходы и закаты, прокляты твои дороги и возвращения, будь проклят ты в трудах и отдыхе; да будут твои ночи исполнены ужасных видений, а дни твои болью и муками; да падет навеки гнев Асет, Которая Была, Есть и Пребудет, на тебя и на дом твой. Да станет тело твоё пищей стервятников и шакалов, да истерзает душу твою пытка Богов. Ты умрешь и не узришь гроба, бестелесным и проклятым будешь обречен ты вековечно скитаться в Аменти; да падет это проклятие на тебя и на дом твой, покуда останки мои не будут снова погребены в песках Кем. Я сказал».

Eh bien, зловещее проклятие, что и говорить, — заметил француз, завершив чтение. — А что это у нас тут?

К нижней части листа с переводом древнего проклятия была подклеена газетная вырезка:

Лондон, 16 нояб. — Смерть Ричарда Беталла, сына лорда Вестбюри, привела к новой волне слухов о губительном проклятии, нависшем над теми, кто тревожит гробницы древних правителей Египта.

Эта смерть стала десятой среди руководителей экспедиции лорда Карнарвона в египетскую Долин царей, в ходе которой была обнаружена гробница царя Тутанхамона.

Беталл, секретарь Говарда Картера, начальника экспедиции, был найден мертвым в своей постели в аристократическом Батклубе. Врачи не в состоянии определить причины смерти.

— Гм, — де Гранден отложил бумагу и снова посмотрел на посетителей прямым и пристальным взглядом. — А ваш покойный дядюшка? — осведомился он. — Расскажите мне все, что знаете о его жизни и особенно смерти.

Вновь ответила девушка.

— Дядя собирался стать проповедником-унитаристом, но так и не принял сан, поскольку встретил в Нью-Бедфорде, в Массачусетсе, молодую девушку и по уши влюбился в нее. В те годы американские клиперы еще плавали по торговым делам в Азию и на Ближний Восток. Отец мисс Гудрич, судовладелец, предложил дяде Авессалому долю в предприятии — при условии, что тот откажется от духовной карьеры. По совету будущего тестя, дядя занял должность суперкарга на «Полли Хаттон» и как-то во время трехлетнего плавания очутился в Александрии.

Похоже, у него оставалось достаточно времени для путешествий во внутренние области Египта. Он отправился вверх по Нилу и где-то возле Луксора вломился с отрядом арабов в гробницу. Им достались несколько мумий, некоторые папирусы и погребальные статуэтки. В те дни подобные вещи было довольно легко вывезти из Египта, и дядя без лишних затруднений доставил домой найденное, не сказать ли — награбленное? Как ни странно, эти находки и помогли ему склотить состояние.

Дядя Авессалом и капитан даже не знали, что пока «Полли Хаттон» находилась в плавании, мистер Гудрич успел умереть от оспы; посмертная опись имущества показала, что он практически обанкротился. Гарриет, его дочь, вышла замуж за богатого судового поставщика, и «жених», вернувшись в Нью-Бедфорд, застал ее с двумя детьми на руках.

Однако мумии, привезенные дядей Авессаломом, оказались очень ценными. Египтология только начинала развиваться и еще не превратилась в ту впечатляющую область

знаний, какой является сегодня. В папирусах из гробницы содержались важнейшие сведения; ученые из Британского музея раньше могли о них только догадываться. Они заплатили дяде за находки 200 фунтов — большую сумму по тем временам — и пообещали щедрую плату за любые древности, которые он сможет привезти.

Должна сказать, что когда дядя вернулся в Новую Англию и нашел свою будущую невесту замужней дамой, обремененной детьми, в нем произошла внезапная и разительная перемена. Скромный, погруженный в книги студент-богослов превратился в отчаянного искателя приключений. Гражданская война пять лет как закончилась, и страна входила в трудный период, завершившийся кризисом 1873 года. Многие молодые люди, служившие в армии и на флоте северян, не могли найти работу. Дяде Авессалому не составило труда набрать отряд головорезов, не знавших ни совести, ни страха перед опасностью, если только им платили.

Бедный дядя Авессалом! Боюсь, что все его подвиги в последующие двадцать лет на поверку окажутся весьма сомнительными! Первый опыт принес ему столько денег, что он стал профессиональным грабителем могил.

Большинство современных египтян были магометанами и не верили в старых богов. Тем не менее, им вовсе не нравилось, когда иностранцы оскверняли древние гробницы. Дядя и его отряд не раз встречали сопротивление; но людей, которые сражались бок о бок с Грантом, Шерманом и Фаррагутом, не могли остановить беспорядочные толпы арабов и даже недавно организованная египетская жандармерия. Они систематически грабили могилы, а добычу прятали в своего рода пиратском подземелье, устроенном в одном из оазисов в пустыне. Когда добычи набиралось достаточно, они переплавляли ее вооруженным караваном на Красное море, иногда смело направлялись к побережью Средиземного моря — и горе тем, кто вставал у них на пути!

Конечно, англичане и французы притворялись, что пытаются остановить этот грандиозный грабеж, но у обоих государств были дела поважнее. К тому же, отряд дяди не раз

помогал им укрощать мятежных туземцев; поэтому официальные лица смотрели на все сквозь пальцы. Вдобавок, большие музеи Лондона, Парижа, Берлина и Санкт-Петербурга с радостью покупали его товар и порой даже соперничали друг с другом. Дядя стал богатым и, в своем духе, уважаемым человеком. Кураторы этих музеев не слишком отличались от здешних политиков, — добавила она с улыбкой. — В Вашингтоне, когда я была еще школьницей, все перешептывались, что самые ярые сторонники сухого закона из числа сенаторов и конгрессменов слыли у бутлегеров лучшими покупателями.

Дядя Авессалом пустился в дело, как в чисто коммерческое предприятие, а попутные приключения, думал он, помогут ему забыть пережитое разочарование. Но коммерция перешла у дяди Авессалома в настоящую страсть. Он научился читать египетские иероглифы — ведь он считался в колледже первоклассным знатоком греческого, а открытие Розеттского камня Бушаром в 1799 году, как вы знаете, дало ключ к расшифровке древнеегипетской письменности. Задолго до того, как дядя оставил свою опасную профессию, он уже приобрел известность в качестве одного из лучших знатоков как древнего, так и современного Египта. Когда же дядя наконец бросил грабежи, поступили лестные предложения от двух университетов и британского правительства.

Выйдя на покой, дядя сделал ряд подарков египетским отделам музеев, которые были самыми щедрыми его клиентами, однако лучшие находки хранил в личной коллекции в своем доме под Гаррисонвиллем.

Вы вряд ли слыхали о дяде, мистер Трoubридж? — и девушка обратила ко мне странную, меланхолическую улыбку. — Он прожил за городом почти десять лет, мы навещали его, но всякий раз оказывалось, что водители такси даже не ведали о его особняке «Конец путешествия» и с трудом могли найти дорогу. Видите ли, с тех пор, как дядя поселился в доме, он почти не покидал его, а все необходимое, включая бакалею, выписывал по почте из Чикаго. Думаю,

во всем городе не найдется и пяти человек, которые были знакомы с ним или хотя бы знали о его существовании.

В прошлом месяце, получив срочное приглашение, мы с Дэвидом приехали к нему. Дядя сообщил, что собирается оставить нам наследство. Так как мы рано осиротели и являемся его единственными родственниками, нам это показалось всего лишь проявлением любви к ближним.

Он был чудесным старым джентльменом, вежливым, внимательным и очень образованным. Дядя всеми силами старался сделать наше пребывание в «Конце путешествия» как можно более приятным. Мы были бы там счастливы, если бы не царившая в доме обстановка — как бы получше выразиться — сверхъестественной таинственности. Мы с Дэвидом каким-то образом ощущали присутствие потустороннего. Мы могли читать в библиотеке, сидеть за столом или просто заниматься своими делами — и вдруг ощутить странное, жутковатое чувство того, что кто-то за нами пристально наблюдает. Стоило нам резко обернуться, как мы всегда поначалу поступали — и мы никого, разумеется, за спиной не видели; но это чувство не исчезало и, напротив, становилось все более сильным. После смерти дяди, однако, оно посещает меня чаще, чем Дэвида.

Дядя Авессалом никогда обо всем этом не упоминал, и мы, конечно, также — разве что в разговорах друг с другом. Но я уверена, что и дядя это чувствовал: в его глазах постоянно мелькало беспокойство и даже страх, и все то время, что мы оставались в доме, он казался нам каким-то загнанным. Завещание он составил всего за десять дней до смерти и, как вы помните, говорил во вступительной части не о «смерти», а о «неминуемой и неотвратимой гибели».

Я понимаю, что чувства и ощущения не могут служить достаточным основанием для нашей убежденности в том, что смерть дяди Авессалома была вызвана сверхъестественными причинами, — призналась она. — Я вряд ли смогу убедить беспристрастного слушателя, который не ощутил на себе пугающую, жутковатую атмосферу особняка, не видел выражения безнадежного страха, чуть ли отчаяния, на лице дяди Авессалома. Не уверена, что вы найдете не-

что необычайное и в описании ночи его смерти. Дэвид вам все расскажет. Как ни странно, я крепко спала в ту ночь и своими глазами ничего не видела, хотя все остальные в доме бодрствовали.

— Должен похвалить вас, *Mademoiselle*, — заявил де Гранден и с характерной любезностью отвесил девушке поклон, — вы превосходная рассказчица. Я уже убежден и с радостью возьмусь за ваше дело. А теперь, молодой *Monsieur*, — обратился он к калеке, — настала ваша очередь добавить подробности к живописному рассказу *Mademoiselle*, то есть вашей сестры. Я весь внимание.

Дэвид Монтейт приступил к рассказу.

— Дядя Авессалом умер вскоре после Нового года, — начал он, — точнее говоря, девятого января. Они с Луэллой разошлись по своим спальням около десяти часов вечера, но я оставался в библиотеке и читал. Мне — простите это признание — немного трудно одеваться и раздеваться, и иногда я ложусь поздно только потому, что невольно откладываю этот момент. В ту...

— Ему больно, — со слезами на глазах вмешалась сестра. — Порой он ужасно страдает, и...

— Луэлла, дорогая, прошу тебя! — прервал ее молодой человек. — Как я уже говорил, господа, в ту ночь я долго оставался в библиотеке и заснул над книгой. Неожиданно я проснулся и обнаружил, что ясная холодная погода сменилась бурей; ударил сильный мороз. Дул настоящий ураган, бросавший на окна липкий снег с такой силой, что я слышал звуки ударов снежинок о стекло.

Не могу точно сказать, что меня разбудило. Сперва я подумал, что это было завывание ветра, но сейчас я не так в этом уверен — дело в том, что в воспоминание о сне, который я увидел перед самым пробуждением, вплетался звук или сочетание звуков...

— *Mille pardons, Monsieur*, но что именно вы увидели во сне? — вмешался де Гранден. — Ткань, из какой сотканы наши сны, в подобных делах иногда имеет важнейшее значение.

— Ну... — Дэвид Монтейт слегка покраснел, — это была глупая мешанина, сэр, едва ли связанная с тем, что случилось после. Мне снилось, что два человека, мужчина и женщина, поднялись по лестнице из домашнего музея дяди Авессалома, находящегося на первом этаже, и прошли мимо библиотеки к комнате дяди. Сны часто бывают нелепы — вот и в этом сне мне показалось, что я могу взглянуть на них сквозь стену, как в театральных постановках, когда режиссеру нужно представить на сцене видения или воображаемые события. На них были древнеегипетские одежды и они говорили на каком-то чужеземном языке. Перед тем, как задремать, я читал «*Ostafrikanische Studien*» Мюнцигера; думаю, этим и объясняется сон.

— Хм, возможно, — согласился де Гранден. — Продолжайте, прошу вас.

— Итак, как я сказал, в минуту пробуждения мне вроде бы слышался тихий, но очень ясный перезвон, похожий на звук далеких бубенцов на санях, однако чем-то отличающийся от него. Я также расслышал тихое женское пение.

Я, все еще полусонный, откинулся в кресле, гадая, не вторгся ли какой-нибудь образ из сна в мое затуманенное сознание, как вдруг слышался иной звук, совершенно не похожий на предыдущие.

Это был голос дяди Авессалома; он говорил негромко, но горячо, с кем-то споря или кого-то упрасывая. Мало-помалу, пока я прислушивался, дядя возвысил голос, стали различимы отдельные слова, после он едва не закричал и издал резко оборвавшийся вопль, как если бы ему зажали рот или начали душить.

Я выбрался из кресла и поспешил на верхний этаж так быстро, как только мог. Но мне нужно было пройти футов двадцать по коридору, лестница на третий этаж винтовая, с крутыми ступенями, и из-за своего физического недостатка передвигался я довольно медленно.

Когда я наполовину взбирался, наполовину ковылял по лестнице, раздался женский крик: «Прешвятая Богородица, это баньши!». Я узнал голос Мэгги Гурлей, кухарки и эконо-

номки дяди. Она и ее муж Том — единственные слуги в доме и делят между собой все обязанности по хозяйству.

Добравшись наверх, я увидел Мэгги в дальнем конце холла. Ее зубы стучали, глаза выпучились от ужаса.

— Ух, миштер Дэвид, ш миштером Авешшаломом все коншено, Гошподи упокой его душу! — выпалила она. — А иж комнаты его шкакнула женшшина-баньши. Не ходите туда, миштер Дэвид: шай, она тепериша его родных поджидает.

— Ерунда, — тяжело дыша, ответил я. — Вы ведь слышали, как дядя кого-то звал? Подите сюда; нужно узнать, что ему понадобилось.

— Шур меня, шур! Ему понадобитшя шейшаш ражве швяшшеник и гробовшшик, шэр! — ответила Мэгги, не приближаясь ни на шаг.

Я не стал дожидаться, пока глупая суеверная старуха прекратит свою истерику. Быть может, дядя заболел, подумал я и громко постучался в дверь его спальни. Не услышав ответа, я толкнул дверь и вошел.

Дядя Авессалом лежал на спине. Одеяла были откинута, одна его нога свисала с кровати, как будто он собирался встать. Сплетенные пальцы согнутых рук плотно прижались к груди и лицу подушку.

Я включил свет и высвободил подушку; и тогда я понял, что он мертв. Я никогда раньше не видел только что умершего человека, но не нуждался в подсказке. Думаю, мы узнаем смерть инстинктивно, как дети узнают и боятся змей, еще не зная, что эти рептилии бывают смертельно ядовиты. Челюсть дяди отвисла, язык вывалился изо рта, словно бы мертвый соорил бессмысленную гримасу, открытые глаза остекленели.

Я растегнул его пижамную куртку, чтобы проверить сердце — и увидел чуть левее середины груди темно-красную отметину, похожую на заживающий синяк или родимое пятно, менее дюйма длиной и несколько припухшую, какой бывает полоса, оставленная плетью. Сейчас... — молодой человек достал из кармана тонкий золотой карандашик и

набросал рисунок на полях завещания дяди. — Она выглядела вот так:

— *Mordieu*, в самом деле? — тихо и напряженно проговорил де Гранден. — *Barbe d'un singe, c'est plus étrange!*

— Мне запомнилось кое-что еще, хотя в то время я не придавал этому значения, — продолжал Монтейт. — В комнате стоял отчетливый запах каких-то ароматов или курений, близко напоминавший запах в католических церквях после богослужения. Я вспомнил о нем только позднее, когда пытался восстановить в памяти все подробности.

Как только я удостоверился, что дядя Авессалом мертв, Мэгги и Том перестали бояться. Они вошли в комнату, помогли мне уложить и накрыть тело дяди и затем добраться до спальни Луэллы по другую сторону холла. Она крепко спала, и мне пришлось барабанить в дверь, чтобы ее разбудить.

— Вам, *Monsieur*? — переспросил де Гранден. — Слуги не постучались?

— Слуги? — молодой человек замолчал, словно его посетило неожиданное воспоминание. — Нет-нет, они не стучались. А знаете, доктор де Гранден, — взволнованно наклонился он к маленькому французу, — мне кажется, они намеренно держались позади. В то время я опять-таки не придавал этому значения, но когда вы спросили меня, кто постучался в дверь спальни Луэллы, я припомнил, что Мэгги поддерживала меня под одну руку, Том — под другую, но оба шли чуть позади меня. Как только мы остановились у двери, они немного отступили назад.

— Хм? — пробормотал де Гранден. — И что случилось дальше?

— Луэлла в конце концов проснулась и впустила нас. Она была совсем сонная, не понимала, что произошло, и мне пришлось даже потрясти ее за плечи. Сперва она лишь непонимающе смотрела на меня и повторяла мои слова, причем выговаривала их как-то мечтательно, ритмически.

— Хм? — снова пробормотал де Гранден. — И?

— Клянусь Богом, да! Вспомнил! В ее комнате стоял такой же запах. Я уверен, что он не чувствовался ни в холле, ни где-либо еще; только в спальнях дяди и Луэллы.

— *Tiens*, во всяком случае, это был запах святости, — прищелкнул языком француз. — Вернемся к странной отметине, которую вы увидели на груди *Monsieur*, то есть вашего дяди. Была она...

— Я как раз собирался об этом рассказать, — прервал Монтейт. — Мы срочно вызвали ближайшего врача, доктора Кэнби. Он пришел примерно через час, осмотрел тело дядя Авессалома и выдал свидетельство о смерти от инфаркта.

Я спросил его об отметине, спросил также, имеет ли она какую-то важность. Доктор недоумевающе взглянул на меня и спросил: «Какая отметина?»

Мы поспорили, и оба, боюсь, несколько вышли из себя. Наконец, преодолев отвращение, я пошел вместе с доктором в спальню дяди, расстегнул пижамную куртку покойника и указал на его грудь.

— И что же? — де Гранден нетерпеливо наклонился вперед, его маленькие глазки так и горели ожиданием.

— Ничего, — ответил Монтейт ровным, монотонным голосом. — Там ничего не было. Отметина исчезла.

— Ка-а-ак? — де Гранден медленно выпустил воздух сквозь зубы и откинулся в кресле.

— Дэйв, ты *уверен*, что видел знак на теле дяди? — мягко спросила девушка. — В волнении, в тусклом свете...

— Нет-нет, — возразил молодой человек. — Я уверен, что на груди дяди Авессалома, когда я его нашел, виднелся этот знак — и совершенно точно знаю, после он исчез.

— *Mais oui, Mademoiselle*, — вставил де Гранден. — *Monsieur*, то есть ваш брат, совершенно прав. Это дело обещает

стать интересным. Мы с доктором Тробрэйджем будем иметь честь посетить вас завтра или в ближайшее удобное для вас время.

После ухода Дэвида и Луэллы Монтейтов мы долго сидели у камина. Француз погрузился в задумчивое молчание и курил сигарету за сигаретой, глядя на пляшущее в камине пламя пристально, точно гадалка на хрустальный шар. А затем...

— Тробрэйдж, друг мой, это весьма примечательно, не правда ли? — внезапно спросил он.

— Что? — отозвался я.

— Этот знак, эта стигмат на груди *Monsieur*, то есть грабителя могил.

— Пожалуй, — согласился я. — Очень странно, что отметина проявилась через несколько минут после смерти, а после исчезла. Мне начинает казаться, что девушка, может быть, была права. Дэвиду могло привидеться, и...

— *Non*, — прервал мои рассуждения де Гранден. — Исчезновение отметины — наименее таинственное явление. Я говорю о ее форме. Разве она не показалась вам знакомой?

— Нет. Рисунок выглядел как грубое изображение сапога или...

— Ха! — воскликнул он. — Этот знак, друг мой — идеограмма, обозначающая богиню Асет, более известную нам под именем Иси́ды. Древние египтяне считали ее Матерью Всего, Которая Была, Есть и Пребудет. Именно ей, как вы помните, служил жрец Сепе, так яростно проклинаящий будущих осквернителей своей гробницы.

— Ну...

— Не иначе, точно, безусловно — я убежден, черт возьми, что мы увидим интересные вещи, прежде чем покончим с этим делом, друг мой.

На следующий день де Гранден нанес с утра визит старому священнику местной греко-православной церкви. Я зашел за ним в дом священника часа в четыре и мы вместе отправились к Монтейтам.

«Конец путешествия», старомодный георгианский особняк, где Авесалом Барнстейбл скромно прожил заключительное десятилетие своей богатой приключениями жизни и встретил таинственную смерть, был трехэтажным домом с плоской крышей, не особенно красивым, но неожиданно комфортабельным. Выстроенный из побуревшего от времени красного кирпича с белокаменной, чуть пожелтевшей отделкой, он стоял в дюжине ярдов от дороги, в редко заселенной сельской местности милях в десяти к востоку от Гаррисонвилля. Железная ограда, украшенная по моде восьмидесятых годов копиями, масками и переплетенными гирляндами, отделяла палисадник от дороги; по обе стороны от двери, к которой вели три ступеньки из белого камня, росло по небольшому кусту бирючины; кусты были аккуратно подстрижены в виде темно-зеленых пирамидок.

Весь первый этаж, за исключением кухни, кладовой и котельной, занимал музей, где хранились собранные покойным хозяином дома древности. Перегородки, разделявшие просторные комнаты с высокими потолками, были снесены, и большая часть первого этажа превратилась в громадный склад редкостей. Здесь были ярко раскрашенные футляры из-под мумий, стеклянные витрины с древними раритетами и высокие шкафы черного дерева с прочными замками, где размещались экспонаты, не предназначенные для всеобщего обозрения.

На втором этаже располагались большая и чинная гостиная, библиотека с открытым камином, напоминавшим о рыцарских замках, вдоль стен которой от пола до потолка выстроились плотно уставленные книгами полки, огромная столовая, подобная банкетному залу, и две гостевые спальни, каждая с собственной ванной комнатой. На третьем этаже находились спальни членов семьи и слуг, а также два больших чулана.

Мы приехали около шести. Том Гурлей, старый дворецкий и мажордом, встретил нас у ворот и помог внести наш багаж. На нижней лестничной площадке стояла его жена Маргарет; в платье из черного бомбазина и белом фартуке она выглядела очень сдержанной и чопорной, но подозрительное выражение лица — что-то жесткое в складке губ, какая-то холодность в глазах — заставило меня бросить на нее еще один внимательный взгляд, когда мы вслед за ее мужем стали подниматься по широкой лестнице в библиотеку, где ожидала нас хозяйка дома.

Француз также заметил странную неприязненность экономки и шепнул мне на лестнице:

— За ней стоит присматривать, друг мой Тробиридж.

Вскоре после нашего прибытия подали обед. Несмотря на все усилия де Грандена, застольная беседа не вязалась и обед прошел в мрачной обстановке. Сидевшие за столом то и дело обменивались опасливыми взглядами из-под прищуренных век, и хотя старый дворецкий казался олицетворением благовоспитанного и стоического спокойствия, я заметил, что Мэгги Гурлей, стоявшая у двери буфетной, пристально, не отрываясь, рассматривает склоненную изящную головку Луэллы Монтейт.

Кофе был подан в библиотеке. Вслед за тем де Гранден извинился и, сделав мне знак следовать за ним, молча спустился по лестнице.

— Лучшая оборона — это нападение, друг мой, — пояснил он, направляясь в кухню. Мы вошли в большое, задымленное помещение без стука, и он тут же осведомился:

— Скажите-ка, друзья мои, что вы видели в ту ночь, когда прискорбно скончался ваш бедный хозяин?

Слуги отшатнулись, словно де Гранден бросил им в лицо обвинение. Старый Томас открыл рот, облилизал губы кончиком языка, сомкнул губы и отвел глаза, как строптивый школьник, которого отчитывает учитель.

Его жена повела себя совсем иначе. Злость и вызов зажглись в ее голубых кельтских глазах:

— Почему бы вам ее не простить, шэр? Она лучше вам ответит, чем мы ш Томом. Мы-то добрые христиане.

— *Dites*, — нахмурился де Гранден. — Вы кого-то в чем-то обвиняете, моя любезная?

— Никого я не обвиняю и голош ни на кого не вожвышаю, — упрямо ответила женщина, — ошобенно когда эта мишш может ушлышать. Понимаете, шэр, — смягчилась она, как всегда случалось с женщинами, когда Жюль де Гранден глядел на них со своей проказливой, дерзкой улыбкой, — вы ш той штороны. Вы бывали в Ирландии, шлыхали о фейри?

— Ага, — усмехнулся де Гранден, — так вот откуда ветер дует, *hein*? Да, моя радость, я бывал на вашем прекрасном острове и знаком с его традициями. Что же вы увидели такое, что напомнило вам о родине?

Женщина помедлила, вызываяще и одновременно испуганно бросила взгляд на потолок и затем доверительно сказала:

— Што за народ не может трижды проижнешти имя, или трижды шьесть пишшу в один пришеншт, или выпить три штакана подряд?

Француз встретил ее вопрошающий, искренний взгляд немигающим пристальным взором.

— Фейри, и ведьмы, и призраки умерших, что выдают себя за живых, — быстро ответил он, точно излагая заученный урок. — А также те, что продались Супостату либо заключили союз с силами тьмы...

— Правда ваша, шэр, — прервала она, довольно кивая. — Вы джентльмен, шэр, не как те ученые дураки, што шмеются над штарыми иштинами и жовут их шуеверием. Тогда шлушайте:

Как они в первый раж шюда приехали, калека миштер Дэвид и та, што жовет шебя его шештрой, я штрашно ишпугалашь ее зеленых глаж, и лица, такого бледного и бешкровного, и улыбаюшшихся крашных губ, таких тонких и жештоких, ш белыми блестящими жубами жа ними. Решила я уштроить ей жападню. Когда она меня жвала, я делала вид, будто не шлышу. Раж не шлышу, другой. Жвала она дважды? Будьте покойны, шэр. Жвала в колдовшккой третий раж? *Никогда!*

«Ах, Том, говорю я швоему штарику, погляди, как она штанет ешть и пить за штолом, когда будешь обед подавать». А штоб не обманула его жлая и лживая краша этого бледного лица, я шама поднималась по штупенькам и шледила за ней из двери буфетной. Не раж и не два шледила, шэр, но никогда, Гошподь и благошловенный швятой Патрик мои швидетели, не вжяла она в рот третий кушок хлеба или мяша, не вышила третий штакан вина, хотя я яшно шказала Тому наполнять ее штакан не больше, шем наполовину, штобы она, как добрая хриштианка, жажотела ишпить и попрошила в третий раж налить иж графина.

— Хм? — де Гранден слегка подкрутил густо навощенные кончики своих миниатюрных светлых усиков. — А что еще вы можете рассказать? О ночи, когда умер ваш хозяин, например?

— Шейшас, шейшас, шэр, — с готовностью заторопилась женщина. — Было это, жначит, пошле того, как миштер Авешшалом вшкришал в шмертных муках, а миштер Дэвид, бедный мальшик, штал ковылять по лештнице шнижу, иж библиотеки. Вот тогда мы увидали, как оно вышло из его шпальни. В штрахе и ужаше я закричала, что по дому ношится баньши, только то был не баньши, шэр. Это была она — или *оно*, шэр, да поможет мне швятая Бригитта, это была она!

Швоими глазами видела, как она шкакнула иж двери в коридор: эти жештокие крашные губы раждвинуты в дьявольшкый ушшмешке, а желеные ужашные глажа так и жыркают на меня огнем в темноте. Я прямо так и жаштыла, где штояла.

Она прошла череж холл, шэр, так тихонько, што можно было покляштыся, будто она летает, потому што никогда шмертная женшшина ешше не штупала так легко. А когда она швернула за угол коридора, я поняла, што видела жлое шождение той ночью, ведьму иж крепощи фейри, што приняла облишье родни бедного миштера Авешшалома. Тут я шмогла заговорить и крикнула миштеру Дэвиду, штоб он поберегся — кто жнает, она ж убила хозяина швоим

колдовштом, а тапериша, может штатъшия, ишкала его ро-
дишей.

— Честно говоря, меня так клонит в сон, что веки сами собой закрываются! — сообщила Луэлла Монтейт спустя несколько минут после того, как мы присоединились к ней и ее брату в библиотеке на втором этаже. — Я сегодня даже не выходила из дому, но не припомню, чтобы так уставала с тех пор, как...

Она вдруг замолчала, и ее глаза расширились в испуге, если не в ужасе.

— С каких пор, *Mademoiselle*? — мягко подтолкнул ее к ответу де Гранден.

— С той ночи, когда умер дядя Авессалом, — проговорила девушка. — В тот вечер, сразу после обеда, я почувствовала ужасную сонливость, совсем как сегодня, легла в постель и сразу заснула, как убитая... Помните, с каким трудом разбудил меня Дэвид, когда пришел со слугами в спальню, чтобы сказать мне...

— *Précisément*, — согласился де Гранден. — Безусловно, *Mademoiselle*, вам необходим отдых, и мы не хотели бы вам мешать. Мы с доктором Троубриджем приехали помочь, а не путаться под ногами.

— Вы не против? — спросила она и встала. — Спокойной ночи, господа. Спокойной ночи, Дэви, дорогой. Не засиживайся допоздна.

Напольные часы в холле пробили полночь, но мы продолжали курить и беседовать в библиотеке. Дэвид Монтейт был начитан, много путешествовал и непринужденно поддерживал разговор на самые разнообразные темы. Мы как раз обсуждали некоторые комические привычки парижских консьержек и водителей такси, когда де Гранден поднял руку, призывая нас к молчанию.

Быстро и бесшумно, как кошка, он прокрался к двери, знаком велел мне потушить свет в библиотеке. Он с минуту постоял в темноте, затем все так же осторожно пересек холл и спустился по лестнице, ведущей в музей.

Минут через десять он с извиняющейся улыбкой вернулся в библиотеку.

— Де Гранден, боюсь, становится стар и нервозен, — заметил он и комически вздернул брови. — Он шарахается от теней и принимает потрескивание старых половиц за призрачные шаги. Друзья мои, уже поздно, пора и честь знать. Вы со мной согласны?

— *Non*, друг мой, не торопитесь, — сказал де Гранден, когда мы попрощались с хозяином и я собрался раздеться на ночь. — Туфли снимите, это правильно, но оставайтесь одетым. Этой ночью, боюсь, спать нам не придется.

— Но я думал, что вы устали, — заметил я. — Вы сказали...

— Разумеется, — кивнул он и сменил свои вечерние туфли на комнатные, с мягкими подошвами. — Так мать, стремясь развеять страх детей, говорит им, что ничего не слышит — сама же ясно различает, как за окном копошится взломщик. Слушайте внимательно, друг мой.

Когда мы так мило беседовали в библиотеке с мистером Монтейтом, я услышал тихие, почти беззвучные шаги на лестнице. Кто-то спускался вниз. Я тотчас же попросил вас выключить свет, чтобы не вырисовываться силуэтом в дверном проеме и не выдать себя. После этого я тихо выбрался на лестницу.

Мадемуазель Луиза бесшумно кралась вниз. Затем она вошла в музей и безошибочно направилась к одному из высоких, прочно запертых шкафов — хотя вокруг и было темно, как в подzemелье самого Плутона.

Сегодня она сказала мне, что не знает, где хранятся ключи от этих шкафов и что покойный дядя держал их в каком-то тайнике. Однако же она достала связку ключей и открыла дверцу шкафа, причем без труда нашла в темноте нужный ключ и вставила его в замок.

Вскоре мадемуазель направилась обратно. В руках она несла множество предметов; я точно не разобрал, что это, но они показались мне одеждами и украшениями — без сомнения, украденными из гробниц. Вероятно, это были пов-

седневные вещи старины, ныне ставшие невероятно ценными по причине их древности.

— Почему же вы притворились, что ничего не видели? — спросил я. — Вы подозреваете...

— Я ничего не подозреваю и ничего не знаю наверняка, — ответил он. — Я объявил свою миссию безуспешной, чтобы у молодого *monsieur* не возникли дополнительные причины для беспокойства. Мне неизвестно, что задумала или уже попыталась совершить мадемуазель Луиза. Поведение ее, в любом случае, показалось мне чрезвычайно странным, и нам лучше будет этой ночью прислушиваться и поглядывать в замочную скважину.

3

Завернувшись в халат, я уселся в одно из больших кресел сбоку от камина в спальне и закурил сигару.

Жюль де Гранден рассказывал по комнате. Он то закуривал сигарету и бросал ее в пепельницу после двух-трех затяжек, то доставал что-то из кармана халата, рассматривал и клал обратно. Наконец он пристроился на самом кончике сиденья мягкого кресла, стоявшего против камина, и застыл, как статуя.

Раза два я пробовал заговорить, но он взмахом руки оттаивал меня. Казалось, де Гранден внимательно прислушивался, ожидая услышать некий звук. Я снова задумался над тем, насколько он походил на хищника из кошачьих. Круглые голубые глаза, расширенные в охотничьем азарте; острые как иглы кончики навощенных усов, трепетавшие от нервного возбуждения; изящные узкие ноздри, то и дело раздувавшиеся, словно он надеялся обнаружить свою добычу по запаху — словом, Жюль де Гранден во всем напоминал замершего в напряженном ожидании перед многообещающей крысиной норой, но бесконечно терпеливого кота.

Время тянулось медленно. Я зевнул, потянулся, отложил сигару и задремал.

— Трубридж, *top vieux*, вставайте! — нарушил мой сон свистящий шепот де Грандена. — Проснитесь, друг мой — слышите?

Из комнаты над нами, где спал искалеченный Дэвид Монтейт, доносился неясно бормочущий что-то голос — женский голос — и с ним, как искусный аккомпанемент с пением солистки, сливался музыкальный перезвон колокольчика. Ничего подобного я раньше не слышал: словно мелодичный подбор колокольцев звучал единой нотой с двумя разнонаправленными полутонами.

— Звучит как... — начал я.

— *Zut!* Тише — пойдемте! — распорядился де Гранден.

Бесшумно, как тигр, пробирающийся по джунглям, он прошел впереди меня по коридору и стал подниматься по лестнице. У двери комнаты Дэвида он остановился и резким, грозным жестом поднял руку.

За дверью звучал голос Луэллы Монтейт, но этот голос, более низкий и вибрирующий, странно отличался от обычного контральто девушки. Она произносила слова на незнакомом языке, чем-то напоминавшие мне несколько фраз на древнееврейском, которые я выучил в молодости, когда госпитальным врачом-интерном разъезжал в карете скорой помощи по тесно заселенным кварталам иммигрантов. С холодным и монотонным женским голосом сплетался другой, мужской, дрожавший от страсти, обвиняющий, тихий и мстительный, как шипение змеи.

Быстрым движением левой руки де Гранден распахнул дверь и метнулся в спальню. Картина, открывшаяся взгляду, заставила меня в изумлении остановиться.

Света в комнате не было, но эта живая картина вырисовывалась отчетливо, словно в ярком лунном свете — серебристое, искристое свечение заливало всю спальню, превратившуюся в египетский храм.

На кушетке, скорчившись, с глазами, расширенными в неодолимом, неопишемом ужасе, лежал Дэвид Монтейт. На ковровой дорожке, в позе, выражавшей одновременно

преклонение и рабскую покорность, стоял на коленях мужчины в одной набедренной повязке. Бритая голова подчеркивала жестокие черты худощавого лица. Он простер длинную костлявую руку, яростно указывая на Монтейта, и мне показалось, что эта указующая рука была оружием, извергавшим непрерывный поток проклятий, которыми колено-преклоненное существо осыпало лежащего человека.

Но в первую очередь мое внимание приковала к себе озаренная лучезарным лунным свечением женщина, застывшая в царственном, чудовищном величии. На ее голове высилась корона Исиды с крыльями из чеканного золота и голубой эмали и головой коршуна с драгоценными камнями вместо глаз, выше два воздетых рога, между которыми сверкал лунный диск красного золота, а под ним урей, эмблема Осириса.

Ее шею охватывало широкое золотое ожерелье; золотую чеканку густо усеивали изумруды и сердолики. На запястьях были золотые браслеты с сияющей голубой эмалью, отделанные изумрудами и кораллами. Грудь была обнажена и высоко подхвачена голубовато-золотистым пояском; с него ниспадало складками прозрачное одеяние из тончайшего льна, присобранное в бесчисленные узкие складки и отороченное у подола искрящимися самоцветами, которое открывало узкие, резные щиколотки ее маленьких белых ножек. В одной руке она держала усеянный драгоценными камнями золотой предмет в виде креста с удлиненной петлей наверху, в другой — золотой треххвостый бич египетских фараонов.

Все это я рассмотрел мельком, будто в полусне. Ее ослепительный безжалостный взгляд парализовал меня. Он был подобен взгляду тигрицы или львицы, глаза горели ужасающим, шедшим изнутри светом, словно подсвеченные фосфоресцирующим сиянием всепожирающего хладного пламени.

Пока мы медлили, замороженные этим видением, она подняла свой золотой бич и направила его на лежащего, а колено-преклоненное существо у ее ног издало безудержный, громкий смех — торжествующий смех нашедшей выход не-

ненависти и исполнившегося отмщения. Дэвид Монтейт, не выдержав жесточайшей муки, тихо и слабо застонал — казалось, кто-то выдирает его истерзанную душу из страдающего тела и она, влекомая прочь, распарывает на куски искалеченную плоть.

С криком ужаса я бросился вперед, но Жюль де Гранден опередил меня.

— Проклятые Богом! — вскричал он суровым и хриплым голосом, напоминавшим боевой клич. — Падшие враги Господа Иеговы, осмелившиеся восстать против власти Всевышнего, *in nomine Domini, conjuro te, sceleratissime, abire ad tuum locum!* Презренные отродья ложной и бесплодной веры, именем Того, кто осилил вас, повелеваю вам — изыдите!

На мгновение — или вечность — в странно освещенной комнате воцарилась мертвая тишина. Все актеры этой драмы недвижно замерли, уподобившись скульптурам или рельефам на погребальном саркофаге, и только бешеное биение сердца отдавалось у меня в ушах.

Француз опустил правую руку в карман халата и достал крошечный предмет, маленький золотой реликварий в форме креста, инкрустированный скромными розовыми аметистами, такой миниатюрный, что он потерялся бы на мужской ладони — и пропустил сквозь пальцы тонкую золотую цепочку, позволив предмету раскачиваться взад и вперед наподобие кадила.

— Силой изгнавшего тебя, о Асет, Асет ушедшего Египта, памятью Кирилла Александрийского заклинаю тебя, — нараспев произнес де Гранден. — Узри то, что привез я из земли Кем; то, что поднял на тебя и твою власть древний святой: узри и устрась!

Он торжественно поднял перед собой золотой крестик и двинулся вперед.

Припавшее к полу человекоподобное существо оборвало свой ужасающий смех и, разинув челюсти, не то заковыляло, не то поползло от него, подняв худые когтистые руки и точно защищаясь от волны невидимой силы, исходившей из крошечного золотого предмета в руке де Грандена.

Затем существо, просительно лепетавшее обрывки слов на неведомом мне языке, начало отступать назад. Де Гранден неумолимо шел на него.

Я в ужасе затаил дыхание и чуть не вскрикнул, когда француз и его противник дошли до стены — затравленное существо *прошло прямо сквозь нее*, словно кирпич и камни были лишены всякой плотности!

Маленький француз равнодушно отвернулся и подошел к живой статуе Исиды, стоявшей без движения у кровати. Но теперь это была уже не богиня, а простая девушка. Да, она была прекрасна в своем варварском наряде, но серебристый лунный свет больше ни сиял вокруг нее, в ней не было ничего ужасного или пугающего, и жуткие горящие глаза, наполнившие мою душу страхом, стали тем, чем были на самом деле — подобием пристально устремленных, мстительных глаз, *изображенным светящейся краской на ее смеженных веках!*

— Ступайте к себе, мадемуазель, я приказываю! — неромко и властно приказал де Гранден. Затем он обратился ко мне:

— Займитесь месье Дэвидом, Тробрайдж, друг мой. Полагаю, он испытал нервное потрясение, но в остальном не пострадал.

Я быстро осмотрел лежавшего на кушетке человека, лишившегося чувств, влил в его горло разбавленный водой бренди, поднес к ноздрям пузырек с нюхательной солью и начал растирать его руки и виски. Он чуть пошевелился, раз или два глубоко вздохнул и погрузился в обычный глубокий сон. Когда голова Монтейта наконец замерла на подушке, я расстегнул его пижамную куртку, собираясь прослушать сердце, и увидел на левой стороне груди маленький и еле заметный, но все же узнаваемый красноватый знак:

Я заторопился к де Грандену, чтобы рассказать ему о своем открытии. Он на цыпочках выходил из комнаты Луэллы.

— Тише, друг мой, тише! — предостерегающе поднял он палец. — Она спит.

— Где Дэвид? — спросила на следующее утро Луэлла Монтейт, присоединившись к нам за завтраком. — Он, как правило, рано встает. Надеюсь, он не заболел?

Она встала и направилась было к лестнице, но вытянутая рука де Грандена задержала ее.

— У вашего брата выдалась довольно беспокойная ночь, *Mademoiselle*, — сказал он. — Доктор Троубридж дал ему снотворное; пройдет некоторое время, прежде чем он проснется.

— Ах, — сказала она с выражением искреннего беспокойства в глазах, — только не говорите мне, что у бедного мальчика снова был приступ! Он так страдает! Обычно, если ему становится плохо по ночам, он зовет меня, и я стараюсь ему помочь, как могу. Но прошлой ночью я ничего не слышала и спокойно спала. А вы...

Лицо девушки просветлело, словно какая-то утешительная мысль пришла ей на ум.

— Ну конечно, — улыбнулась она. — Зачем ему звать меня, если в доме гостят два врача? Я уверена, что вы позаботились о нем, джентльмены.

— Безусловно, *Mademoiselle*, — уклончиво ответил Жюль де Гранден и, отрешившись от всего, начал уплетать яичницу с беконом.

— Нет! Говорю вам, я никогда больше по собственной воле не взгляну на эту дьяволицу! — почти прокричал Дэвид Монтейт в лицо де Грандена. — Можете сколько угодно напоминать мне, что она — моя сестра. Это самое злобное, нечестивое создание в мире, которое нужно вздернуть на виселицу! О Боже, почему нынешние законы не признают ведовство? Я был бы счастлив лично приговорить ее к смерти и увидеть, как она горит на костре.

Он откинулся на подушку, обессилив от наплыва чувств, но продолжал смотреть на нас глубоко посаженными зелено-кариими глазами, горевшими яростью.

— Она убила дядю Авессалома. Я точно знаю. Теперь я понимаю, что имела в виду старая Мэгги Гурлей, когда предупреждала меня о баньши. Она говорила о Луэлле — о моей собственной сестре! Да, это она убила нашего дядю, а прошлой ночью чуть не покончила со мной. Говорю вам...

— А я говорю *вам*, месье Дэвид, что вы ведете себя необычайно глупо! — резко прервал его обвинения де Гранден. — Выслушайте меня, прислушайтесь ко мне, обратите внимание на мои слова и выбросьте свои глупости из головы! Вы говорите о сожжении ведьм и, *parbleu*, несете чушь, уподобляясь тем пустоголовым болванам минувших времен, которые отправляли невинных женщин на костер!

Non, вы будете слушать, — сказал он, заметив, что Дэвид собирается заговорить. — И вы выслушаете меня до конца, даже если для этого мне придется огреть вас чем-нибудь по голове и привязать к кровати!

История смерти вашего дяди с самого начала очень заинтересовала меня. Я всерьез не рассматривал версию о том, что к ней был причастен Сепе, жрец Асет или Исиды, как мы называем ее сегодня — но был убежден, что к этой смерти имела прямое отношение постоянная, неотвязная и подсознательная *мысль* о проклятии древнего жреца. Вам ведь известно, друг мой, как полдюжины человек, думающих об одном и том же, могут порой повлиять на одного из людей в своей компании? Так произошло и в нашем деле, только в более выраженном, гораздо более выраженном виде. Многие поколения обитателей Египта поклонялись Асет, Матери Всего, почитая ее как ту, что Была, Есть и Пребудет. Не столь важно, существовала такая личность или нет — мысли достаточного количества людей, веривших в нее, создали мыслительный образ такой силы, что одному *le bon Dieu* известны ее пределы.

То же и с мнением мертвых. Сменилось больше поколений, чем волос на вашей голове, и все это время египтяне безоговорочно верили, что человек, нарушивший по-

кой мертвых, подвергает себя их неотвратимой мести. Дабы укрепить эту веру, египтяне имели обыкновение помещать в гробницах таблички с проклятиями, подобными тому, какое Сепе обрушил на вашего покойного дядю. Да, это так.

Оплакиваемый вами умерший родственник провел много лет среди древних гробниц и неизбежно обрел некую наполовину агностическую веру в действенность древних проклятий. Таким представлениям свойственно со временем овладевать человеком целиком.

Позднее он вышел на покой и занялся переводом различных собранных им табличек и папирусов. В конце концов ваш дядя нашел табличку с проклятием из гробницы Сепе.

Мы не чувствуем, как анкилостома заражает нас своими яйцами, но после страдаем от сонливости, малокровия и отеков. У нас ни на что нет сил, мы мечтаем только лечь и заснуть — яйца созрели, и у нас болезнь под названием анкилостомоз. Похожее произошло и с проклятием Сепе. *Monsieur*, то есть ваш дядя, перевел проклятие с таблички и сперва даже не задумался над ним. Тем не менее, мысль об ужасающей гибели, ожидающей грабителя могилы зловещего древнего жреца, твердо укоренилась в его подсознании и там созревала, разрастаясь до чудовищных размеров, как яйца паразита созревают в теле жертвы. Затем ваш дядя прочитал заметку о смерти молодого англичанина, где говорилось, что эта смерть была десятой среди руководителей экспедиции, обнаружившей гробницу Тутанхамона. Все его сомнения исчезли. Он сам приговорил себя к смерти от проклятия мстительного Сепе.

Ваша сестра, чувствительная к мыслительным влияниям, в итоге также заразилась. Ваш дядя, сам того не зная, передал ее подсознанию свои страхи — так гипнотизер навязывает испытуемому свою волю и желания. Ваша сестра высокого роста, она величественна, красива. У нее особенные, зеленоватые глаза, излюбленные мистиками. Что могло быть более естественным для вашего дяди, чем представить себе богиню Асет в образе вашей сестры? Но тем

самым он заронил эту мысль в ее подсознание. И ему, и себе она представлялась самым воплощением древней — и, вероятно, несуществующей — богини, чей гнев пал на *Monsieur*, то есть вашего родственника, благодаря табличке с проклятием Сепе.

Очень хорошо. Итак, в ту ночь, когда умер ваш дядя, сестра ваша встала, спустилась по лестнице в музей и запаслась одеждами какой-то египетской жрицы. Только подумайте: она не знала, что хранится в музейных шкафах, не знала, какие ключи подходят к замкам, не знала — не обладая познаниями в археологии — как одевались древние жрицы, и все-таки она безошибочно выбрала необходимый шкаф, нашла нужные одежды и надела их правильным образом. Почему? *Потому что ее направляла мысль вашего дяди!*

Все это она проделала, движимая своим подсознанием. Сознание, при посредстве которого ваша сестра воспринимает внешний мир, все это время крепко спало. Подсознание так искусно направляло ее, что она даже изобразила флуоресцирующей краской на своих веках подобие открытых и пристально глядящих глаз.

После этого, в одеждах Асет, она направилась в комнату вашего дяди — в сопровождении другой мыслительной идеи, вызванного и порожденного мыслью подобия давно умершего Сепе.

Вместе с древним ритуалом она осуществила гибель вашего дяди, ту гибель, которую он навлек на себя навязчивыми мыслями. Бедняга — веря, что смерть пришла — действительно умер, прежде всего от страха.

Теперь относительно вас. Как и вашей сестре, вам было известно о проклятии; как и она, вы прочитали заметку о смерти молодого англичанина, осквернившего гробницу Тутанхамона. Очень хорошо. Подсознательно вы боялись, что и на вас падет проклятие, которое Сепе адресовал вашему дяде и его близким. Вы пытались избавиться от этой мысли, но она не исчезала: чем сильнее вы старались вытеснить ее из сознания, тем глубже она укоренялась в подсознании, вызывая гноение, как ранка на пальце.

Прошлая ночь стала переломной. *Mademoiselle*, то есть ваша сестра, снова надела нечестивый наряд Асет; и вновь, исполняя проклятие Сепе, она попыталась погубить одного из близких вашего дяди. И, *parbleu*, ей это почти удалось! Боюсь даже подумать, что бы случилось, если бы друг мой Трубридж и я хоть на миг опоздали.

— Но был еще знак — знак на груди дяди Авессалома! Такой же заметил и на моей груди доктор Трубридж. Откуда он тогда взялся?

— Вы, возможно, такого не видели, но я видал, — ответил де Гранден. — Гипнотизер способен одним только мысленным приказом заставить кровь отхлынуть от руки испытуемого: конечность становится белой и холодной, как у мертвеца. То же касается и знака смерти на вашей груди, а также на груди вашего дяди. Это не более чем стигматизация мысленного приказа — физическое выражение мысли.

— Но что вы сделали, что использовали? — продолжал спрашивать Монтейт. — Я заметил, что вы изгнали призрак Сепе из комнаты с помощью какого-то предмета. Что это было?

— Чтобы понять это, вам необходимо узнать историю Исиды, — ответил де Гранден. — Культ ее был одним из самых распространенных в античном мире. Несмотря на сильное сопротивление этому культу, у Исиды имелись приверженцы как в Греции, так и Риме, а в Египте она пережила всех богов старого пантеона. Невзирая на христианизацию страны и могущество александрийской церкви, храм Исиды на Филах привлекал паломников вплоть до шестого века нашей эры.

В те времена, когда христианство еще боролось с остатками старых верований, в Александрии жил один священник по имени Кирилл, человек святой и благочестивый, творивший многие чудеса. Женщины из его прихода часто уверяли, что их околдовала древняя богиня Асет, и Кирилл разрушал чары с помощью священного амулета — маленького золотого реликвария в виде креста, предположительно содержавшего частичку Креста Господня. Этот священный реликварий ныне хранится у настоятеля греко-правос-

лавной церкви в Гаррисонвилле. Я не раз слышал, как старик рассказывал о нем.

Когда мы решили приехать сюда и потягаться с древними богами Египта, я попросил хранителя одолжить мне реликварий и привез его с собой.

Как я уже говорил, мысли обладают силой воздействия. Мысль о древнем проклятии жреца Сепе привела к смерти вашего дядю и едва не погубила вас; но я был вооружен крошечным кусочком золота, многие столетия концентрировавшим в себе иную мысль. Поколения благочестивых христиан восхищались этим амулетом, рассеивавшим чары; некогда он считался эффективным средством борьбы с древней богиней, овладевшей вашим домом. Реликварий идеально подходил для моей цели. Я боролся с мыслью при помощи противомысли; мыслительным образам Асет и ее жреца Сепе я противопоставил защитную мыслительную силу Кирилла, монаха из Александрии, который в свое время изгонял Асет из тел околдованных прихожанок. В маленьком реликварий у меня в руке сосредоточились мысли, нейтрализовавшие губительную силу Асет и ее приверженцев, и — Асет и ее призрачный жрец исчезли. Если...

— Я... не верю... ни единому... слову! — медленно проговорил Монтейт. — Вы говорите все это, потому что хотите выгородить Луэллу. Она — воплощение всего плохого и злого, и я больше не желаю ее видеть. Я...

— *Monsieur!* — голос де Грандена прорезал воздух, как бритва. — Взгляните сюда!

Он вновь достал из кармана маленький золотой крест Кирилла и теперь держал его, чуть покачивая, перед глазами молодого человека. Монтейт вопросительно посмотрел на крестик.

— Вы будете слушать и подчиняться, — тихо и внушительно произнес француз. — Вы проспите полчаса и затем проснетесь. Проснувшись, вы забудете все события прошлой ночи. Вы будете помнить только одно — того, что преследовало вашу семью и вторглось в ваш дом, больше нет. Спите. Спите и забудьте. Я приказываю!

— Вот и все, друг мой, — объявил де Гранден, когда по его приказу веки Монтейта сомкнулись.

— Что дальше? — спросил я.

— Нам нужно, я думаю, сжечь мумию жреца Сепе и перевод таблички с проклятием, — ответил он. — Согласно завещанию, наследники избавлены от необходимости хоронить мумию, если это становится физически невозможным. Я предлагаю воспользоваться этим пунктом. Пойдемте, пора кремировать древнего жреца.

Мы перенесли мумию в котельную и принялись расчленять иссохший труп египтянина, бросая части его тела на раскаленные угли топки. Куски мумии сгорали в ярких и резких вспышках пламени, быстро превращаясь в легкий серый пепел, уносившийся в трубу.

— А что вы скажете об ощущении потустороннего взгляда, на которое жаловалась Луэлла, де Гранден? — спросил я. — Помните, она говорила, что ей постоянно казалось, будто кто-то за ней наблюдает?

— *Mais oui*, — прищелкнул он языком, скармливая огню мумифицированную руку. — Скажу, что у нее была для этого хорошая причина. Разве добрая старая Мэгги и ее муж не следили все время за Луэллой, не сверлили ее потихоньку взглядами, подсчитывая, съела ли она третий кусочек мяса и выпила ли третий бокал вина? *Parbleu*, мадемуазель хочет сохранить мальчишескую фигуру и потому мало ест — а эта достойная ирландская пара видит в ней фейри, судит ее и находит виновной! *C'est drôle, n'est-se-pas?*

Когда мы вернулись наверх, Дэвид Монтейт расправлялся с превосходным завтраком.

— Милая Лу, — сказал он сестре, — ну конечно. Я совсем не был болен этой ночью, спал как дитя и даже проспал. Я ведь опоздал к завтраку на целый час?

Он улынулся и потрепал сестру по руке.

— Ах, *parbleu*, ты умен, Жюль де Гранден! — радостно промурлыкал маленький француз. — Ты спас этих молодых людей от опасности и сделал их счастливыми, изгнав демона плохих воспоминаний. О да! Пойдем со мной, Жюль де Гранден: я угощу тебя в библиотеке великолепным виски.

Э. Ф. Бенсон

ОБЕЗЬЯНЫ

(1934)

Доктору Хью Моррису было немногим больше тридцати, но он уже успел по праву завоевать репутацию одного из самых искусных и смелых хирургов в своей отрасли медицины. Он вел частную практику, добровольно трудился в известной лондонской больнице и по числу удачных операций далеко оставил позади всех коллег. Моррис верил, что вивисекция является наиболее плодотворным методом развития хирургии и, справедливо или нет, считал, что страдания животных (которым он старался не причинять излишнюю боль) были оправданы, если имелась резонная надежда пополнить знания о возможностях проведения схожих операций на людях. Вивисекция могла спасти жизнь, облегчить страдания больного; мотивы были достойными, польза — неимоверной. Однако Моррис испытывал только презрение к тем представителям рода человеческого, что по собственной прихоти выезжали со стаями гончих в поля и затравливали лис или устраивали состязания между двумя борзыми, споря о том, какая из них первой перегрызет горло несчастному испуганному зайцу; такие развлечения казались ему бессмысленными и совершенно неоправданными пытками. Год за годом Моррис работал, не зная отдыха, а свободные часы в основном посвящал исследованиям.

Однажды, теплым октябрьским вечером, Моррис и его приятель Джек Мэдден обедали в доме хирурга, выходившем окнами на Риджентс-парк. Окна гостиной на первом этаже были открыты, и после обеда они устроились на широком диване у окна и закурили. На следующий день Мэдден уезжал в Египет, где занимался археологическими раскопками. Он давно пытался убедить Морриса провести месяц в Египте, тем более что сам намеревался всю зиму изучать недавно открытый некрополь на противоположном от Луксора берегу Нила, близ Мединет-Абу. Но все было напрасно.

— Когда мое зрение ослабеет, а руки начнут дрожать, — сказал Моррис, — придет время думать об отдыхе. К чему мне отдых? Я буду постоянно мечтать о возвращении к ра-

боте. Что поделаться, я чистейший эгоист: работать мне нравится больше, чем бездельничать.

— Так побудь хоть раз альтруистом, — парировал Мэдден. — Кроме того, отдых полезен для работы. Человеку вредно все время работать и никогда не отдыхать. Наберешься сил, это тоже что-нибудь да значит.

— Значит это ничтожно мало, когда человек твой полон сил, как я. Мне думается, что одно из условий успеха — непрерывная концентрация. Да, устаешь, ну и что с того? Если я чувствую себя усталым, то не берусь за опасные операции, а это самое главное. К тому же и времени осталось немного... Лет через двадцать лет начнется закат. Вот тогда я позволю себе отдых, а отдохнув, сложу руки на груди и засну на веки вечные. Слава Богу, я не боюсь, что за гробом есть какая-то жизнь. Искра жизни в нас сходит на нет и гаснет, как свеча на ветру. Что касается моего тела, то какое мне дело до того, что с ним случится, когда оно отслужит свой срок? От меня ничего не останется, кроме скромного вклада в хирургию, если мне повезет его сделать, да и тот в течение нескольких лет устареет. Не считая этого, я исчезну — целиком и полностью.

Мэдден нацедил в свой стакан содовой.

— Ну, если ты вполне уверен, что... — начал он.

— Не я — наука, — сказал Моррис. — Тело переходит в другие формы: им питаются черви, оно удобряет землю, и на земле вырастает трава, а после какое-нибудь животное съедает траву. Но разговоры о том, что после смерти сохраняется индивидуальный дух человека, беспочвенны — пусть мне сперва покажут хоть малейшее научное доказательство. Далее, если дух сохраняется, то сохраняется и все злое, порочное в нем. Почему смерть тела должна избавлять дух от этих качеств? Кошмарно даже думать о таком — но, как ни странно, потерявшие рассудок люди наподобие спиритуалистов стремятся утешить нас, утверждая, что этот кошмар является правдой. Еще безумней твои древние египтяне, которые видели в своих покинутых телах нечто священное. Ты говорил, кажется, что они писали на своих гробах проклятия в адрес тех, кто потревожит их кости?

— Постоянно, — ответил Мэдден. — Собственно говоря, так было принято. Эти страшные проклятия писались иероглифами на футлярах для мумий или высекались на саркофагах.

— Что не помешает тебе зимой вскрыть все гробницы, которые ты обнаружишь, и вытащить из них все самое интересное или ценное.

Мэдден рассмеялся.

— Конечно, нет, — сказал он. — Я изымаю из гробниц произведения искусства и разворачиваю мумии в поисках скарабеев и украшений. Но у меня есть нерушимое правило: я всегда хороню тела. Не скажу, что верю в силу проклятий — однако выставлять мумии в музеях кажется мне непристойным.

— Представим, что ты найдешь мумифицированное тело с любопытными пороками развития. Разве ты не отправишь его в какой-нибудь анатомический институт? — спросил Моррис.

— Такого еще не бывало, — сказал Мэдден. — Но я убежден, что делать этого не следует.

— В таком случае, ты — суеверный варвар и антинаучный вандал, — заметил Моррис. — Эй, что это?

Он высунулся из окна. В свете, падавшем из комнаты на газон, ярко вырисовывался квадрат травы, и по нему медленно ползло, подергиваясь, небольшое животное. Хью Моррис выпрыгнул из окна и вскоре вернулся, бережно неся на ладонях маленькую серую обезьянку, как видно, сильно покалеченную. Ее застывшие и вытянутые задние ноги казались частично парализованными.

Моррис осторожно ощупал тельце обезьянки опытными пальцами хирурга.

— Интересно, что случилось с бедняжкой, — сказал он. — Паралич нижних конечностей: судя по всему, поврежден позвоночник.

Он продолжил осмотр. Обезьянка неподвижно лежала, глядя на него огромными страдающими глазами.

— Да, так я и думал. Перелом одного из поясничных позвонков. Мне повезло! Повреждение редкое, но я часто

размышлял... Может, и обезьянке повезло, хотя вряд ли. Будь это мой пациент, я не пошел бы на риск. Но с обезьяной...

На следующий день Джек Мэдден выехал на юг и в середине ноября приступил к раскопкам на новонайденном некрополе. Он и еще один археолог-англичанин руководили работами, за которыми присматривали чиновники Департамента древностей египетского правительства. Археологи решили поселиться поближе к месту раскопок и избежать тем самым необходимости ежедневно переправляться через Нил на луксорском пароме. Они сняли пустой и просторный туземный дом в соседней деревне Гурна. Гряда низких скал, сложенных из песчаника, шла отсюда на север к храму и террасам Дейр эль-Бахри; на склоне и уровне ниже находился древний некрополь. Понадобилось убрать большое количество песка, прежде чем археологи смогли приступить к исследованию гробниц. Пробные раскопы у подножия скальной гряды говорили о значительных размерах некрополя.

Склепы наиболее знатных лиц, как они обнаружили, были высечены непосредственно на склоне холма. Многие из них были разграблены еще в древние времена. Археологи находили расколотые плиты, когда-то закрывавшие входы, и мумии с размотанными бинтами. Но время от времени Мэддену попадались гробницы, где не успели побывать мародеры. В одной из них он нашел саркофаг жреца девятнадцатой династии, и это вознаградило его за несколько недель бесплодного труда. В гробнице было до сотни фигурок-*ушебти*, покрытых прекрасной голубой глазурью; четыре алебастровых сосуда с внутренностями умершего, извлеченными перед мумифицированием; стол на ножках из резной слоновой кости и черного дерева, доска которого была выложена квадратами разноцветного стекла; сандалии

жреца, изукрашенные тончайшей серебряной филигранью; его посох, инкрустированный ромбовидным узором из золота и сердоликов — рукоятка его представляла собой вырезанную из аметиста фигурку припавшей к земле кошки; и сама мумия, на шее которой, под бинтами, обнаружилось ожерелье из золотых пластин и ониксовых бусин. Все находки были отправлены в музей Гизе в Каире, и Мэдден похоронил мумию у подножия холма, под склепом. Он написал Хью Моррису письмо, где рассказал о своем открытии и подчеркнул великолепие прозрачных зимних дней; описал медленное, от восхода до заката, путешествие солнца в синеве небес и прохладные ночи, когда над ясным горизонтом пустыни искрились звезды. Если Хью случаем передумает, писал он, места в доме археологов в Гурне более чем достаточно, и ему будут очень рады.

Две недели спустя Мэдден получил от своего друга телеграмму. В ней говорилось, что Моррис чувствует себя неважно и немедленно отплывает на пароходе в Порт-Саид, откуда сразу же приедет в Луксор. В надлежащий срок он сообщил о своем прибытии в Каир. Наутро Мэдден выехал ему навстречу, пересек реку и с облегчением нашел друга, как всегда, жизнерадостным и бодрым. Моррис загорел до бронзового цвета и казался воплощением здоровья. Тем вечером они были в доме одни, так как коллега Мэддена предпринял недельную поездку вверх по Нилу. Пообедав, они вышли в закрытый двор, примыкавший к дому. Моррис, уклонявшийся от любых вопросов о себе и своем здоровье, наконец заговорил.

— Теперь я расскажу, что со мной не так, — начал он. — Я знаю, что в роли инвалида выгляжу полнейшим самозванцем, да и физически чувствую себя превосходно. Все органы работают как часы, кроме одного — а в нем что-то сломалось лишь однажды. Вот как это было.

С месяц после того, как ты уехал, все продолжалось как обычно: я был крайне занят, дела шли ровно и, я бы сказал, вполне удачно. Затем я как-то утром приехал в больницу, где меня ждала совершенно заурядная, но довольно серьезная для пациента операция. Пациента привезли в опе-

рационную под наркозом, и не успел я сделать быстрый разрез брюшной полости, как увидел, что у него на груди сидит маленькая серая обезьянка. Она смотрела не на меня, а на складку кожи, которую я прихватил большим и указательным пальцами. Я знал, конечно, что там нет никакой обезьянки и что я вижу галлюцинацию. Я продолжил операцию, отлично соображая, что делаю, и моя рука ни разу не дрогнула. Ты согласишься, думаю, что мои нервы были в порядке. Правда, выбора у меня не было. Я не мог сказать: «Пожалуйста, уберите эту обезьянку» — ведь я знал, что никакой обезьянки в операционной и в помине не было. Не мог и сказать: «Пусть кто-нибудь меня заменит, у меня неприятная галлюцинация, я вижу на груди у пациента обезьянку». Как хирургу, мне пришел бы конец, даже не сомневайся. Пока я работал, обезьянка по большей части следила за операцией, заглядывала в брюшную полость пациента, но иногда смотрела прямо на меня и верещала от злости. Она даже потрогала зажим, который я наложил на перерезанную вену; это был худший момент, доложу тебе... В конце концов пациента увезли — вместе с обезьянкой, которая по-прежнему сидела у него на груди... Я бы выпил, пожалуй. Покрепче, будь добр... Благодарю.

Моррис сделал глоток и продолжал:

— Гадостное переживание, короче говоря... Из больницы я, не откладывая, пошел на прием к своему старому другу Роберту Ангусу, психиатру и специалисту по нервным заболеваниям. Я в деталях рассказал ему о том, что со мной случилось. Он сделал несколько анализов, проверил глаза, рефлексы, измерил давление крови — все было в полном порядке. Затем он начал задавать вопросы о состоянии моего здоровья и образе жизни. Среди них был один, который, я уверен, уже пришел тебе в голову: не произошло ли со мной в последнее время что-либо, что прямо или косвенно заставило бы меня представить себе обезьянку. Я рассказал ему, что несколько недель тому ко мне на газон заползла обезьянка со сломанным поясничным позвонком, что я провел операцию и попытался соединить позвонок

провоолокой, так как давно взвешивал возможность такого лечения. Ты помнишь тот вечер, конечно?

— Отлично помню, — ответил Мэдден. — Кстати, а что с обезьянкой?

— Она прожила два дня. Я был доволен, поскольку ожидал, что она умрет либо под наркозом, либо от шока, сразу после операции. Вернусь к рассказу. Покончив со своими вопросами, Ангус задал мне хорошую трепку. Он заявил, что я на протяжении многих лет упрямо перетруждал свой мозг, не позволяя ему ни отдохнуть, ни сменить поле деятельности, и что если я хочу принести миру какую-то пользу, то обязан сейчас же бросить работу и отдохнуть пару месяцев. Мой мозг устал, а я настойчиво продолжал его стимулировать, сказал он. По его словам, такие люди, как я, ничем не лучше запойных пьяниц, и предупреждением мне должен послужить легкий приступ обычной в таких случаях белой горячки. Мне необходимо на время прекратить работу, как пьянице — бросить пить, вот и все лекарство. Ангус очень злился и выложил все напрямую: он сказал, что по собственной глупости я довел себя буквально до нервного срыва, хотя физически я нахожусь в прекрасной форме, и что это настоящий позор. Главное же — и это показалось мне весьма разумным советом — я не должен подавлять мысли о случившемся, иначе я могу загнать пережитое в подсознание, и тогда мне придется плохо. «Все время думай о том, что произошло. Осознай, каким ты был дураком», — сказал Ангус. «Размышляй, анализируй, пусть тебе станет стыдно перед самим собой». И еще одно: мне никак не стоило гнать от себя мысли про обезьян. Напротив, Ангус посоветовал мне, не откладывая, посетить Зоологический сад и провести часок у клеток с обезьянами.

— Странная терапия, — заметил Мэдден.

— Нет, блестящая! Мой мозг, объяснил Ангус, восстал против рабства и поднял красный флаг с изображением обезьянки. Я должен показать ему, что не боюсь фальшивых обезьян. Нужно ответить ударом на удар, заставить себя глядеть на десятки реальных обезьян, которые способны укусить или избить меня до полусмерти, а не на поддельную

мелкую обезьянку, которая и вовсе не существует. В то же время, мне следует отнестись к красному сигналу мозга со всей серьезностью, признать наличие опасности, отдохнуть. После этого, обещал Ангус, поддельные обезьяны перестанут меня беспокоить. Между прочим, в Египте есть настоящие?

— Нет, насколько я знаю, — ответил Мэдден. — Но когда-то они, должно быть, здесь водились: их часто рисовали на фресках в гробницах и храмах.

— Очень хорошо. Рисунки будут освежать мою память, а заодно и мозг. Вот, пожалуй, и все. Что скажешь?

— Жутковато, — сказал Мэдден. — Нужны стальные нервы, чтобы продолжать операцию под взглядом обезьяны.

— Мне пришлось адски трудно. Из какого-то глубокого болота у меня в голове выползло это непрошеное видение и предстало передо мной, выдавая мираж за действительность. Заметь, оно не было внешним. Не глаза сообщили мозгу, что на груди пациента сидит обезьянка, а мозг одурачил глаза, вынудив ее видеть — будто кто-то, кому я абсолютно доверял, предал меня... Признаться, я также подумал, что какой-то подсознательный инстинкт во мне, возможно, восстает против вивисекции. Разум говорит, что вивисекция оправдана, что таким путем мы узнаем, как отдалить смерть и облегчить боль. Но что, если мое подсознание убедило мозг в необходимости сопротивляться и он — улучив момент, когда я использовал на практике знания, почерпнутые из боли и смерти животных — создал и показал мне образ обезьянки?

Моррис внезапно поднялся на ноги.

— Не пора ли спать? — спросил он. — Когда я работал, мне хватало пяти часов сна, но сейчас, кажется, могу проспать хоть день напролет.

Молодой археолог Вильсон, коллега Мэддена по экспедиции, вернулся на следующий день, и работа вошла в свою колею. Вскоре после восхода один из ученых подавал сигнал к началу работ; затем он же или оба — за исключением времени дневного перерыва, который начинался около полудня и продолжался несколько часов — следили до заката за ходом работ. Если речь шла лишь о расчистке склона холма и уборке мягкого грунта, достаточно было присутствия только одного археолога: требовалось всего-навсего присматривать за рабочими, пока те усердно копали или шли цепочкой с наполненными землей и песком корзинами на плечах к местам сброса, уходившим от места раскопок ширящимися полуостровами истоптанной земли. Но с продвижением вдоль скальной гряды на склоне время от времени показывались гладкие прямоугольники, вырубленные рукой человека, и тогда обоим приходилось быть начеку. Расчистка обтесанной плиты, служившей дверью, всегда становилась волнующим событием: избежала ли гробница визита древних грабителей, по-прежнему ли стоит нетронутой в ожидании современных исследователей? Однако вот уже много дней подряд им попадались одни давно ограбленные склепы. Грабители обычно срывали с мумий бинты, надеясь найти скарабеев и ожерелья, и на полу таких гробниц валялись разбросанные кости. Мэдден их непременно с тщанием собирал и хоронил.

Сперва Хью Моррис старательно посещал раскопки, но день шел за днем, ничего интересного не происходило, и деятельный хирург изнывал от скуки, глядя, как рабочие часами переносят песок с одного места на другое. Постепенно он стал появляться на раскопках все реже и реже. Он побывал в Долине царей, пересек реку и осмотрел храмы Карнака, однако древности не слишком привлекали его. Иногда он уезжал верхом в пустыню или проводил время с приятелями в какой-нибудь из гостиниц Луксора. Однажды Моррис вернулся из Луксора в необычайно приподнятом настроении и рассказал, что играл в лаун-теннис с женщиной, которой полгода назад вырезал злокачественную опухоль; теперь она скакала по корту, как бойкая девчонка.

— Господи, как я хочу вернуться к работе! — воскликнул он. — Может, стоило остаться и строго-настрого приказать мозгу не пугать меня всякой чепухой?

Неделя шла за неделей. До отъезда Морриса в Англию оставалось два дня. Он надеялся сразу же приступить к работе; билеты уже были куплены, каюта заказана. Утром, когда он завтракал с Вильсоном, пришел землекоп с запиской от Мэддена. Археолог писал, что нашел, по всей видимости, нетронутую гробницу; потревоженная входная плита была на месте. Вильсон умчался, сияя, точно мореплаватель на необитаемом острове, который увидел на горизонте долгожданный парус. Через четверть часа Моррис последовал за ним и пришел вовремя — рабочие как раз отодвигали плиту. Саркофага в гробнице не оказалось, так как роль его играли каменные стены; однако в центре, сияя лаком и яркой росписью, словно был изготовлен вчера, располагался футляр для мумии, грубо напоминавший очертаниями человеческое тело. Рядом стояли алебастровые вазы с внутренностями умершего. По углам склепа, словно колонны, поддерживающие свод, в песчанике были высечены массивные фигуры сидящих на корточках обезьян. Рабочие извлекли футляр и на сколоченных из досок носилках перенесли его во двор дома археологов в Гурне, где ученым предстояло открыть гроб и распеленать мумию.

Вечером, наскоро поев, археологи принялись за работу. На крышке футляра было изображено лицо девушки или молодой женщины. Расшифровав иероглифическую надпись, Мэдден объявил, что внутри покоится тело А-пен-ары, дочери надзирателя за стадами в имении Сенмута.

— Далее следуют обычные формулы, — сказал он. — Так, так... Ага, вот это тебя заинтересует, Хью — ты как-то спрашивал меня о проклятиях. А-пен-ара проклинали всякого, кто осквернит ее гробницу или потревожит ее останки. Если же такое случится, хранители ее склепа отомстят нечестивцу: он умрет бездетным, в страхе и муках; хранители вырвут глаза из его глазниц и волосы с его головы, а также оторвут большой палец его правой руки, как человек срывает стебель тростника.

Моррис рассмеялся.

— Какие милые проклятия, — сказал он. — Но кто же они, хранитель склепа этой молодой красавицы? Те четыре огромные обезьяны, вырезанные по углам?

— Без сомнения. Но мы их не побеспокоим, так завтра я с подобающими почестями похороню кости мисс А-пенары в траншее у подножия ее склепа. Там она будет в безопасности. Если вернуть мумию в гробницу, через несколько дней кусками ее будет торговать половина погонщиков ослов в Луксоре. «Купите руку мумии, госпожа!.. Ступня египетской царицы, всего десять пиастров, всего десять, господа!» Ну что ж, приступим к распеленанию.

Стемнело. Вильсон принес парафиновую лампу; огонек ровно, не подрагивая, горел в неподвижном воздухе. Крышка футляра отделилась легко. Внутри лежало узкое спеленутое тело. Труд бальзамировщиков никак нельзя было назвать искусным — кожа и плоть головы разложились, оставив только коричневые от битума кости черепа. Череп окружали космы волос; на воздухе они опали, как тесто, и рассыпались в прах. Твердые и хрупкие от времени бинты крошились, однако археологам улыбнулась удача: шею, наподобие ветхого ошейника, охватывало любопытное и редкое кольцо — фигурки присевших на корточки обезьян чередовались с серебряными бусинами. Нить, на которую они были нанизаны, от прикосновения распалась, и фигурки пришлось собирать по одной. На костях запястья висел браслет из сердолика с маленькими резными скарабеями. Археологи сняли украшение и перевернули тело, чтобы добраться до оставшегося фрагмента ожерелья. Сгнившие покровы соскользнули со спины, обнажив лопатки и позвоночник до самого таза. Здесь мастера поработали тщательней: кости все еще держались на остатках мышц и хрящей.

Хью Моррис внезапно вскочил.

— Боже мой, только посмотрите! — закричал он. — Один из люмбальных позвонков, вон там, у основания позвоночника, был сломан — и скреплен металлической полосой. К черту ваши древности! Я должен осмотреть кое-что куда более современное, чем все мы вместе взятые!

Он оттолкнул Джека Мэддена в сторону и уставился на чудо хирургии.

— Лампу ближе, — распорядился он, точно в операционной. — Да, позвонок был сломан пополам и вновь скреплен. Никто и никогда, насколько я знаю, не пытался провести подобную операцию, кроме меня; да и я осмелился испробовать ее только на маленькой парализованной обезьянке, которая однажды приползла ко мне в сад. Но какой-то египетский хирург, более трех тысяч лет назад, провел такую операцию на человеке, на женщине. И поглядите, поглядите! Она выжила, и сломанный позвонок образовал костистый нарост, наползающий на металлическую полосу. Это свидетельство заживления. Процесс был долгим, но непременно происходил при жизни — ткани трупа не могут заживать. После операции эта женщина прожила еще долго; вероятно, она полностью исцелилась. А моя несчастная обезьянка продержалась лишь два дня и все это время мучилась...

Знающие, чуткие пальцы хирурга могли поведать больше, чем зрение. Он закрыл глаза и кончиками пальцев начал бережно ощупывать металлическую полосу и трещину в сломанном позвонке.

— Полоса не идет кольцом вокруг кости, — сказал он, — и не ввинчена в нее. Видимо, имелась какая-то пружина, сопротивление которой при растяжении придавало всей конструкции жесткость. Это нечто вроде скобы, надетой на позвонок сверху. Очевидно, хирургу понадобилось сперва зачистить позвонок. Я отдал бы два года своей жизни, чтобы увидеть эту операцию, этот шедевр хирургического искусства! И, безусловно, стоило пожертвовать двумя месяцами работы, чтобы увидеть ее результат. Перелом позвонка — очень редкое повреждение. Что-то похожее происходит с осужденным на виселице, но такое уже не исправишь! Слава Богу, мой отдых все же не был напрасной тратой времени!

Мэдден решил, что футляр не стоит отправлять в музей, так как он относился к весьма распространенному типу. Когда осмотр был завершен, ученые положили мумию обрат-

но в футляр, собираясь на следующий день вернуть покойницу земле. Давно наступила полночь, и вскоре дом погрузился в темноту.

Комната Хью Морриса находилась на первом этаже и выходила во двор, где лежал футляр. Он долго не мог заснуть, дивясь поразительному мастерству древнего хирурга — операция, по словам Мэддена, была выполнена около тридцати пяти столетий назад. И вдруг удивление и восторг сменились беспокойством: он осознал, что материальное доказательство, единственное свидетельство операции будет завтра предано земле и потеряно для науки. Нужно убедить Мэддена, что необходимо отделить хотя бы три позвонка — сломанный и два соседних. «Я увезу их в Англию и покажу всем, что может быть достигнуто в медицине», — подумал Моррис. — «Прочитаю о них лекцию и передам позвонки в Королевскую коллегия хирургов как пример для подражания и вдохновения». Коллеги обязаны своими глазами увидеть достижение неведомого хирурга девятнадцатой династии... Но что, если Мэдден откажется? Он всегда настаивает на захоронении останков. Для него это вопрос принципа. Несомненно, здесь не обошлось без какого-то комплекса, связанного с суевериями; бороться с подобными вещами труднее всего по причине их полной иррациональности. Иными словами, существует риск натолкнуться на отказ, а это допускать никак нельзя.

Он встал с кровати, помедлил у двери, прислушиваясь, и тихо вышел во двор. Взошла луна, звезды утратили яркость, и хотя прямые лунные лучи не попадали в окруженный стенами двор, темноту рассеивало бесцветное свечение неба. Лампа ему не понадобилась. Он снял крышку гроба и откинул истлевшие покровы, которыми Мэдден вновь укрыл тело. Хирург думал, что нижние позвонки отделить будет нетрудно, ведь мускулы и хрящи, удерживавшие их на месте, должно быть, почти разложились. Однако позвонки держались крепко, точно были привязаны; ему пришлось приложить всю силу крепких пальцев, чтобы сломать позвоночник. Кости треснули с громким звуком револьверного выстрела. Но в доме никто не пошевелился —

ни шагов, ни света в окнах. Хирург вторично сломал позвоночник — и драгоценная реликвия очутилась у него в руках. Перед тем, как вернуть на место полусгнившие ткани, он снова поглядел на перепачканные, лишенные плоти кости. В пустых глазницах залегли тени, словно бы оттуда пристально смотрели на него черные запавшие глаза; безгубый рот кривился и гримасничал. Какая-то неуловимая перемена произошла с мумией, и на миг ему показалось, что на него глядит большая коричневая обезьяна. Но иллюзия тотчас рассеялась, и хирург, закрыв крышку, вернулся в свою комнату.

На следующий день мумию похоронили. Два дня спустя Моррис выехал ночным поездом из Луксора в Каир. В Порт-Саиде он должен был сесть на отплывавший в Англию пароход. До отплытия оставалось несколько часов, и он, сдав багаж, включая тщательно запертую на замок кожаную сумку, завернул перекусить в кафе «Туфик» на набережной. Столики стояли в саду с пальмовыми деревьями и решетками, увитыми яркими бугенвиллиями; Моррис сидел у низкой деревянной перегородки, отделявшей кафе от улицы. Он ел и рассматривал цветистый карнавал восточной жизни, текущей мимо: египетские чиновники в сюртуках шелковистого сукна и красных фесках; босые косолапые феллахи в голубых кафтанах; женщины в белых чадрах, украдкой строившие глазки прохожим; полуголые уличные мальчишки, один с ярко-красным цветком гибискуса за ухом; путешественники из Индии в тропических шлемах, выказывающие всем своим видом надменное британское превосходство; разношерстные сыны Пророка в зеленых тюрбанах; величественных шейх в белом бурнусе; француженки из профессиональной гильдии с отороченными кружевами зонтиками и призывными взглядами; дервиш в широкой плиссированной юбке, с безумным взором и пеной у рта, жующий бетель. Грек-чистильщик постукивал обувными щетками по коробке с начищенными медными пластинами, зазывая клиентов; девочка-египтянка сидела на корточках в грязи рядом с граммофоном; пароходы гудели, выходя в Суэцкий канал.

По краю тротуара прохаживался молодой итальянец с шарманкой; одной рукой он извлекал из своего инструмента звуки популярной арии Верди, в другой держал оловянную кружку для пожертвований меломанов; на шарманке восседала обезьянка в желтом жилете, привязанная к его запястью поводком. Шарманщик остановился напротив стола, за которым сидел Моррис; хирургу понравилась веселая мелодия, и он, нащупав в кармане пиастр, поманил юношу к себе. Тот расплылся в улыбке и подошел ближе.

Обезьянка с печальными глазами внезапно соскочила с шарманки и прыгнула на столик. Она бесновалась, подпрыгивая на месте и вереща от ярости, среди осколков разбитого стекла. Ваза с цветами перевернулась, тарелка соскользнула на пол. Черная жидкость выплеснулась на скатерть из кофейной чашки Морриса. В следующую секунду итальянец дернул поводок и потянул обезумевшего зверька к себе; обезьянка упала головой вниз на тротуар. В сумятице голосов слышались пронзительные выкрики, официант поспешил к столику, издавая многословные проклятия, полицейский пнул распростертое на земле тельце обезьянки, шарманка рухнула на мостовую. Затем все успокоилось; итальянец поднял с тротуара маленькое тельце и протянул его на ладонях Моррису.

— *E morto*, — сказал он.

— И поделом, — бросил Моррис. — Зачем она на меня накинулась?

Он отплыл в Лондон, и день за днем, в часы ленивого безделья на палубе, когда человек с одинаковой рассеянностью смотрит на страницы книги и морские волны, в памяти его всплывало, окрашивая все мысли, воспоминание об этом мелком трагическом происшествии, в котором сам он никак не был повинен. Порой, когда тень чайки скользила к нему по палубе, в сознании хирурга, во
ж
всплывал бредовый образ готовой наброситься на него обезьянки. Как-то с запада налетел штормовой ветер, пароход дернулся, тяжело нагруженный стюард потерял равновесие, и разбитое стекло зазвенело рядом с Моррисом; тот вскочил, подумав, что на столик снова вспрыгнула обезьян-

ка. В другой раз в кают-компании проходила кинематографическая лекция — путешествующий натуралист демонстрировал съемки животных в индийских джунглях; когда на экране запрыгала в деревьях стая обезьян, Моррис невольно сжал подлокотники в приступе дикого ужаса, который продолжался лишь долю секунды: он вовремя напомнил себе, что всего-навсего смотрит фильм в кают-компании парохода, плывущего вдоль берегов Португалии... Однажды он сонным вернулся в каюту и вдруг заметил какое-то животное, свернувшееся рядом с кожаной сумкой. Он замер, не в силах вздохнуть, пока не понял, что это дружелюбный корабельный кот, который как раз потянулся, выгнув спину и поблескивая глазами...

Несуразная, безрассудная тревога выводила Морриса из себя. Видение обезьянки не повторялось, но некое мысленное представление о ней — некая *идея* обезьянки — судя по всему, по-прежнему глубоко сидело в сознании. Хирург подумал, что по приезду нужно будет посоветоваться с Робертом Ангусом. Вероятно, происшествие в Порт-Саиде вновь пробудило дремавшее нервное расстройство; но теперь к нему примешивалось и другое — Моррис понимал, что начал бояться и настоящих обезьян, что где-то, в темном уголке его сознания, затаился ужас. Но считать, что все это связано с похищенным сокровищем... какое примитивное, детское суеверие, недостойное даже усмешки, с которой размышлял о нем Моррис. Он часто раскрывал сумку и рассматривал украденное чудо хирургии — свидетельство забытого мастерства, что отныне вновь будет служить людям.

Хорошо было вернуться в Англию! В последние три дня плавания прежние страхи растворились в неведомых темных глубинах; да, безусловно, он совершенно напрасно беспокоился. Стоял теплый мартовский вечер. Риджентс-парк окутывал легкий туман, шел мелкий дождь. Моррис договорился с психиатром об утреннем визите, затем позвонил в больницу и сообщил, что вернулся и готов немедленно приступить к работе. За обедом он был в прекрасном настроении, болтал со слугой и, как выяснилось, показал

ему драгоценные кости, добавив, что они принадлежали мумии, которую распеленали на его глазах, и что он собирается прочитать о них лекцию. Затем хирург удалился в спальню, взяв кожаную сумку с собой. Кровать, после корабельной койки, показалась ему верхом комфорта; из раскрытого окна доносился мягкий шум дождя, падавшего на кусты.

Комната слуги располагалась над спальней. Незадолго до рассвета он был внезапно разбужен ужасными криками, раздававшимися где-то поблизости. После знакомый голос отчаянно захрипел:

— Помогите! Помогите! О Господи, О Боже! А-а-а...

Нечленораздельная речь вновь перешла в вопль.

Слуга поспешил вниз, распахнул дверь спальни хозяйна и зажег свет. Крики прекратились, с кровати доносились лишь тихие стоны. Над нею склонилась громадная обезьяна и что-то делала руками; затем она подняла лежащее на кровати тело за шею и ноги, выгнула его назад и сломала, как тростинку. После обезьяна разорвала лежавшую на тумбочке кожаную сумку и, зажав что-то белое и блестящее в мокрых пальцах, проковыляла к окну и исчезла.

Врач прибыл через полчаса, но было уже поздно. С головы убитого были содраны, вместе с кожей, большие пучки волос, оба глаза были вырваны из глазниц. Большой палец на правой руке оказался оторван, а позвоночник сломан в области нижних позвонков.

Никакого разумного объяснения трагедии так и не было найдено. Ни единая крупная обезьяна не сбежала в те дни из находящегося поблизости Зоологического сада или откуда-либо еще; чудовищного ночного гостя никто больше не видел. Слуга Морриса успел лишь мельком разглядеть его, и данное им описание не соответствовало ни одному из изве-

стных видов человекообразных обезьян. Продолжение было еще таинственней: Мэдден, вернувшись в Англию, подробно расспросил слугу Морриса, что именно показывал ему хозяин в ночь перед смертью, особо останавливаясь на том, не являлось ли это нечто фрагментом мумии, которая была распеленута на глазах хирурга, и получил такие же подробные ответы. Следующей осенью, продолжая исследования некрополя Гурны, он снова выкопал футляр с мумией А-пен-ары и раскрыл его. Все позвонки были на месте, все были целы, и на одном из них поблескивала серебряная скоба, которую Моррис с восхищением называл непревзойденным достижением хирургии.

Рабочие испанско-египетской экспедиции извлекают так называемый «крылатый» футляр с мумией Неба, высокопоставленного чиновника XVII династии, в некрополе Дра Абул-Нага на западном берегу Нила в Луксоре (2014)

Роберт Блох

ГЛАЗА МУМИИ

(1938)

Египтом я восхищался всегда; Египет — страна древних нераскрытых тайн. Я читал о пирамидах и правителях, рисовал в своем воображении бескрайние мрачные империи, обреченные на смерть, тень которой и сегодня отражается в пустых глазах Сфинкса. Именно о Египте я писал в более поздние годы — ведь благодаря своим загадочным верованиям и культам эта земля стала для меня средоточием всего непонятного.

Не то, чтобы я верил в гротескные легенды древних времен; я не разделял веры в антропоморфных богов с головами и конечностями животных. Вместе с тем, мне казалось, что мифы о Баст, Анубисе, Сете и Тоте — это аллегории забытых былей. Сказки о животных известны во всем мире, они есть в мифах любых наций и стран. Легенда об оборотне, беглые упоминания о которой встречаются еще во времена Плиния, ныне распространилась повсюду в неизменном виде. Не удивительно, что при моем увлечении сверхъестественным, Египет стал для меня ключом к древним знаниям.

Но я не верил, что существа, жившие в дни расцвета Египта, встречаются на свете до сих пор. Самое большее, что я допускал, — это связь древних легенд с еще более ранними временами, когда по первобытной земле ходили чудовища, появившиеся в результате эволюционных мутаций.

Как-то вечером на карнавале в Новом Орлеане я наткнулся на ужасное доказательство своих теорий. В доме чудаковатого Генрикуса Ваннинга я участвовал в странной церемонии, проводившейся над телом жреца из храма Себека, божества с головой крокодила. Археолог Вейлдан тайно ввез мумию в страну, и мы обследовали ее, несмотря на заклинания и предостережения. Что со мной было в тот раз — не помню; по сей день не могу сказать, что именно тогда произошло. Перед нами был странный экземпляр в маске крокодила, и события развивались, как в кошмарном сне. Когда я выскочил из дома на улицу, Ваннинг был мертв, он погиб от руки жреца — или от клыков, торчавших из маски (если это была маска).

Более подробно описать упомянутое событие не могу; не отваживаюсь. Однажды я изложил эту историю, а потом решил, что навсегда брошу писать о Египте и его древних обычаях.

И я держал слово до тех пор, пока сегодняшний страшный эпизод не заставил меня рассказать о том, о чем я не могу умолчать.

Вот мой рассказ. Все сложилось очень просто, но это наводит на мысль, что я вовлечен в какую-то ужасную взаимосвязь событий, подстроенную жестоким египетским богом Судьбы. Словно древним не понравилось, что я встал у них на пути, и теперь они заманивают меня, увлекая все дальше и дальше к жуткому финалу. После случая в Новом Орлеане я вернулся домой с твердым намерением навсегда бросить изучение египетской мифологии, но затем вновь обратился к ней.

Меня разыскал профессор Вейлдан. Это он привез из храма Себека мумию жреца, которую я видел в Новом Орлеане; мы познакомились в тот неопиcуемый вечер, когда на землю сошел ревнивый бог или его посланник, исполненный жажды мести. Вейлдан знал о моем увлечении и со всей серьезностью стал рассказывать об опасностях, грозящих тому, кто пытается заглянуть в прошлое.

И вот теперь этот низенький бородач, похожий на гнома, подошел ко мне с понимающим видом и поздоровался. Должен признаться, что мне не особо хотелось его видеть, поскольку своим присутствием он напоминал о том, что я изо всех сил стремился забыть. Несмотря на мои попытки перевести разговор в более безопасное русло, он упорно возвращался к нашей первой встрече. По его словам, после смерти отшельника Ваннинга группка оккультистов, собравшихся в тот вечер над мумией, распалась.

Но он, Вейлдан, не оставил попыток разгадать тайну культа Себека. Это, как он объяснил, и заставило его отправиться в путешествие, чтобы встретиться со мной. Никто из бывших единомышленников не поможет ему осуществить задуманное. Это интересует разве что меня.

Я решил никогда больше не связываться с египтологией. О чем тут же ему сообщил.

Вейлдан рассмеялся. Сказал, что понимает, почему я отказываюсь, но просит его выслушать. Его план не имеет ничего общего с искусством колдовства или ворожбы. С веселым видом он объяснил, что это просто-напросто возможность свести счеты с силами тьмы — если я по незнанию привык так их называть.

Он изложил свой план. Короче говоря, он хотел, чтобы я отправился с ним в Египет, в частную экспедицию. От меня не требовалось никаких расходов, ему был нужен молодой ассистент, поскольку он не хотел доверяться профессиональным археологам, с которыми, как правило, хлопот не оберешься.

В последние годы его занимали легенды, связанные с поклонением крокодилу, и он упорно, не щадя сил, исследовал тайные погребения жрецов культа Себека. А теперь благодаря достоверному источнику — то есть проводнику, нанятому из местных, — он обнаружил еще одно секретное место: подземную гробницу, где лежала мумия слугителя храма Себека.

Он не стал терять время, вдаваясь в подробности; основная мысль его рассказа сводилась к тому, что до мумии можно легко добраться, нет нужды прилагать особые усилия и проводить раскопки, кроме того, мы ничем не рискуем, нам не грозит ни проклятье, ни месть. Поэтому мы можем отправиться туда без сопровождения, вдвоем, сохранив все в тайне. Это будет прибыльная поездка. Он не только утверждал, что мумию, по всем данным, никто не трогал, но и готов был поклясться своим именем, что источнику информации можно доверять и что с мумией законпано множество священных украшений. Так что он предлагал мне надежный, верный и тайный способ разбогатеть.

Должен признаться, звучало это заманчиво. Несмотря на печальный опыт прошлого, я, пожалуй, пошел бы на решительный шаг ради соответствующего вознаграждения. К тому же, хоть я и намеревался избегать любого неуме-

лого вторжения в мистическое, меня подстегивал авантюрный дух этой затеи.

Вейлдан умело сыграл на моих чувствах; теперь я это понимаю. Мы беседовали несколько часов и вернулись к разговору на следующий день, пока, наконец, я не согласился.

Мы отплыли в марте и через три недели, после небольшой остановки в Лондоне, высадились в Каире. Восторг, вызванный поездкой за границу, затмил воспоминания об общении с профессором; помню только, что он всю дорогу обращался ко мне заискивающе-приободряющим тоном и всячески старался убедить, что наша небольшая экспедиция совершенно безобидна. Он полностью отверг все мои возражения о том, что недостойно заниматься разорением гробниц; с нашими визами и заранее продуманной легендой власти сами должны были пустить нас к захоронениям.

Из Каира мы отправились на поезде в Хартрум. Там профессор Вейлдан планировал встретиться со своим «источником информации» — местным проводником, который оказался шпионом, затесавшимся в археологическую среду.

Это открытие смутило меня не больше, чем если бы оно произошло в более прозаичной обстановке. Пустыня была благодатной почвой для интриг и тайных сговоров, так что я впервые понял психологию путешественника и искателя приключений.

Страшновато было красться по извилистым улочкам арабского квартала, когда вечером мы с Вейлданом отправились в хибару шпиона. Мы вошли в темный зловонный дворик, и высокий бедуин с орлиным носом впустил нас в свое сумрачное жилище. Он встретил профессора тепло. Взял деньги. Затем араб и мой спутник удалились в дальнюю комнату. До меня донесся громкий шепот — нетерпеливые вопросы Вейлдана чередовались с гортанным английским хозяина. Я сел в темноте и стал ждать. Голоса становились все громче, как бывает во время спора. Вейлдан, похоже, успокаивал, убеждал, а в голосе проводника звучали нотки предостережения, сомнения и страха. К ним доба-

вился гнев, когда Вейлдан попытался прикрикнуть на своего компаньона.

Потом раздались шаги. Дверь, ведущая в дальнюю комнату, распахнулась, и на пороге появился араб. Он устался на меня, словно хотел о чем-то попросить, а из его уст неслась какая-то тарабарщина: похоже, он пытался предостеречь меня и был так возбужден, что перешел на родной арабский. Да-да, он хотел именно предостеречь, в этом не было сомнений.

Хозяин простоял так секунду, но тут рука Вейлдана опустилась ему на плечо и увлекла за собой. Дверь захлопнулась, и голос араба зазвучал еще громче, почти переходя в крик. Вейлдан прокричал что-то неразборчивое, раздались звуки драки, затем шорох, и наступила тишина.

Прошло несколько минут, прежде чем дверь открылась и, утирая лоб, вышел Вейлдан. На меня он не смотрел.

— Парень взвинтил цену, — объяснил он, обращаясь в пол. — Впрочем, дал информацию. Он заходил к вам просить денег. В конце концов пришлось вытолкать его через заднюю дверь. Он струсил, когда я взорвался; местные жители такие впечатлительные.

Я молчал, когда мы покидали дом, и не стал спрашивать, почему Вейлдан зайцем петляет по закоулкам, стараясь, чтобы нас не увидели.

Я сделал вид, что не заметил, как он вытер руки платком и быстро запихнул его обратно в карман.

Наверняка ему было бы трудно объяснить, откуда взялись эти красные пятна...

Я должен был заподозрить неладное, должен был сразу отказаться от нашего плана. Но мог ли я знать на следующее утро, когда Вейлдан предложил мне прокатиться в пустыню, что целью нашей поездки будет гробница?

Все было подстроено будто случайно. Две лошади, под седлами у которых лежала небольшая закуска и легкая палатка («Чтобы в полдень спрятаться от жары», — сказал Вейлдан), и вот мы уже одни скачем вдаль. Никаких сборов и приготовлений, прихватили только то, что нужно к пик-

нику. Комнаты в отеле оставались за нами, никому не было сказано ни слова.

Мы выехали за ворота и оказались в тихой и ровной пустыне, простиравшейся под безмятежно-синим небом. Около часа мы скакали под яркими, если не сказать палящими лучами солнца. Вейлдан был чем-то озабочен, то и дело вглядывался в горизонт, словно ожидал, что там появится какой-то знак, но ничто в поле зрения не привлекало его внимания.

Я увидел камни, лишь когда мы оказались почти рядом с ними; это было большое скопление белых валунов, торчавших по песчаным склонам невысокого холма. Создавалось впечатление, что видимая часть — это лишь бесконечно малый фрагмент каменных глыб, скрытых под зыбким песком, впрочем, в их размерах, очертаниях и композиции не было ничего необычного. По склону холма была разбросана еще по крайней мере дюжина небольших каменных нагромождений, мимо которых мы успели проехать.

Вейлдан все время молчал, только предложил спешить, поставил нашу походную палатку и достал закуску. Мы с ним вбили колышки и подтащили несколько небольших плоских камней, они должны были служить столом и стульями; вместо подушек мы положили на них походные одеяла.

Лишь во время еды Вейлдан сообщил свою сногшибательную новость. Камни, находящиеся возле палатки, — заявил он, — это замаскированный вход в гробницу. Ветер, песок и пустыня сделали свое дело, надежно защитив святилище от непрошеного вторжения. Пользуясь приметам и слухами, сообщник Вейлдана смог найти это место, но не рассказал, как ему удалось это сделать. В любом случае, это была гробница. Рукописи свидетельствовали, что она никак не охраняется. Требовалось лишь отодвинуть несколько валунов, закрывавших вход, и спуститься. Вейлдан еще раз настойчиво повторил, что я ничем не рискую.

Я не стал больше ему подыгрывать и спросил прямо, почему жреца из храма Себека похоронили в таком пустынном месте?

— Вероятнее всего, он бежал со свитой на юг, и тут его настигла смерть, — ответил Вейлдан. — Возможно, его изгнал из храма новый фараон, кроме того, в более поздние времена жрецы становились магами и колдунами, их часто преследовали и выгоняли из городов разгневанные жители. Этот жрец во время бегства скончался и был похоронен здесь.

Вейлдан объяснил, что такие мумии, разумеется, встречаются редко. Жрецов обычно хоронили в тайных склепах городских храмов — так требовал чудовищный культ Себека. Эти усыпальницы давно были разорены. Вот почему только в тех редких случаях, когда изгнанного жреца хоронили в каком-нибудь тайном месте, можно обнаружить его мумию.

— А сокровища? — настаивал я.

Жрецы были богаты. Беглый чародей забирал сокровища с собой. Когда он умирал, их, естественно, хоронили вместе с ним. У некоторых жрецов-отступников, увлекшихся волшбой, был странный обычай: они требовали, чтобы их бальзамировали, сохраняя жизненно важные органы, так как были суеверны и считали возможным земное воскрешение. Вот почему мумия может стать необычной находкой. Видимо, усыпальница представляет собой пустое помещение с каменными стенами, в котором находится саркофаг, так что никто не успеет вызвать духов, навлечь на нас проклятье или сделать какую-нибудь пакость, как я опасался. Мы проникнем внутрь беспрепятственно, и добыча станет нашей. В свите таких жрецов наверняка было несколько опытных мастеров из храма, которым предстояло надлежащим образом забальзамировать тело; требовались некоторые навыки, чтобы, не удаляя основные органы, как следует выполнить эту процедуру, которая в силу своего религиозного содержания совершалась всегда. В общем, не было сомнений, что мы найдем мумию в целости и сохранности.

Вейлдан разволновался. Даже слишком. Объяснил, как легко будет провезти саркофаг с мумией, завернув его в наши палатки, как можно будет устроить контрабандный вы-

воз мумии и сокровищ с помощью местной экспортной фирмы.

Он отмахивался от всех возражений. Зная, что Вейлдан считался признанным архитектором, — невзирая на свои человеческие качества — я был вынужден уступить его авторитету.

Лишь одно меня слегка беспокоило — он вскользь упомянул о суеверии, связанном с возможностью земного воскрешения. Мумия, у которой при захоронении оставили все органы, — это как-то подозрительно. Помня о связи жрецов с черной магией и колдовскими ритуалами, в глубине души я знал, что все равно остается вероятность потерпеть фиаско.

И все же он меня, в конце концов убедил, так что, перекусив, мы вышли из палатки. Выяснилось, что валуны — не слишком большая помеха. Установлены они были мастерски, но оказалось, что они всажены в землю не так уж прочно, как казалось. Немного раскачав глыбы и убрав более мелкие обломки, нам удалось отодвинуть четыре больших камня, которые закрывали черный тоннель, плавно уходящий в землю.

Мы нашли гробницу!

Осознав это и увидев перед собой черную зияющую дыру, я почувствовал, что меня опять щекочат и теребят былые страхи. Я вспомнил все, что знал об ужасных верованиях, связанных с Себеком; об этом невероятном смещении мифа, выдумки и искривленной гримасы реальности.

Я думал об обрядах в подземельях храмов, обращенных сегодня в пыль, о ритуалах поклонения большим золотым идолам — человеческим фигурам с крокодильими головами. Мне пришли на ум рассказы о мрачных повторениях этих ритуалов, связанных с первоисточником так же, как сатанизм с христианством, вспомнились упоминания о жрецах, вызывавших богов со звериными головами, как вызывают демонов, а не милосердные божества. Себек был из тех двуликих богов, которых жрецы поили кровью. В некоторых храмах были склепы, а в склепах — изображения божества в виде золотого крокодила. Существо открывало

пасть с острыми зубами, в которую бросали девственниц. Затем пасть закрывалась, клыки из слоновой кости раздвигали жертву, кровь стекала в золотую глотку, и божество оставалось довольным. Непонятным силам предназначались эти жертвы, зловещие дары преподносили жрецы, удовлетворяя звериное вожделение божества. Ни к чему удивляться, что таких служителей изгоняли из храмов, а сами обители греха разрушали.

Один такой жрец бежал в эти края, где и умер. Теперь он лежал здесь, внизу, охраняемый своим бывшим злобным владыкой. Вот какие мысли лезли мне и голову, и надо сказать, что от них было неуютно.

Ядовитый фимиами, поднимавшийся из отверстия в земле, также меня не воодушевлял. Это были не гнилостные испарения, а почти осязаемый запах непостижимой древности. Удушливый и едкий смрад ветхости хлынул на нас, обволакивая густой пеленой легкие.

Вейлдан обвязал лицо носовым платком, закрыв нос и рот, а я последовал его примеру.

Он щелкнул выключателем карманного фонаря, и мы пошли вперед. Его ободряющая улыбка растворилась во мраке, когда мы спускались по покатоному каменному полу коридора, который вел нас внутрь.

Я шел сзади. Пусть он будет первым, если нас ждет ловушка, если какой-нибудь камень вдруг провалится, если мы встретим любой другой способ защиты от непрошенных гостей, — пусть он, а не я, расплачивается за свое безрассудство. Кроме того, я мог оглядываться на спасительное голубое пятно, очерченное краями каменного отверстия.

Впрочем, это продолжалось недолго. Спуск не был прямым, пришлось повернуть. И вот уже мы шли в мерцании теней, пляшущих вокруг света слабого фонаря, нарушавшего ночной мрак гробницы.

Догадки Вейлдана оправдались; это была просто каменная пещера, которая вела в наспех построенное внутреннее помещение. Именно там мы обнаружили плиты, закры-

вавшие саркофаг. Лицо ученого победно сияло, когда он обернулся ко мне, радостно показывая находку.

Легко, слишком легко все получилось, теперь я это понимаю. Но тогда мы ни о чем не подозревали. Даже моя бывшая тревога стала потихоньку уходить. В конечном счете, дело оказалось самым обыденным; единственное, что беспокоило, так это мрак — да и тот ничем не отличался от темноты самой обычной угольной шахты.

В конце концов, мой страх улетучился. Мы с Вейлданом столкнули каменные плиты на пол и стали рассматривать лежавший под ними симпатичный саркофаг. Затем аккуратно вытащили его и приставили к стене. Профессор бросился назад и нагнулся над выемкой в камне, где до этого лежал саркофаг. Там было пусто.

— Странно, — пробормотал он. — Сокровищ нет! Наверное, они в саркофаге.

Мы положили тяжелый деревянный футляр на камни, и профессор приступил к работе. Действовал он медленно, аккуратно снимая крепления и наружный слой воска. Саркофаг был оформлен весьма искусно, инкрустирован золотыми и серебряными пластинами, подчеркивавшими бронзовую патину нарисованного лица. На саркофаге было множество надписей, сделанных мелкими иероглифами, но археолог не стал их расшифровывать.

— Успеется, — сказал он. — Надо посмотреть, что там внутри.

Прошло некоторое время, прежде чем ему удалось снять крышку. Возможно, прошло даже несколько часов, — настолько тщательно и осторожно работал Вейлдан. Фонарь начал тускнеть; садилась батарейка.

Второй саркофаг был уменьшенной копией первого, разве что детали лица были прорисованы более четко. Создавалось впечатление, что это сознательная попытка передать подлинные черты находящегося внутри жреца.

— Сделали в храме, — объяснил археолог, — и прихватили с собой, когда бежали.

Мы склонились над саркофагом, изучая его в угасающем свете фонаря. Внезапно, причем одновременно, мы сде-

лали странное открытие. У нарисованного лица не было глаз!

— Слепой, — произнес я.

Вейлдан кивнул и пригляделся внимательнее.

— Нет, — сказал он. — Жрец не был слепым, если, конечно, его портрет верен. Ему *выкололи* глаза!

Вейлдан рассматривал глазницы, подтверждавшие его ужасную догадку. Он возбужденно указал на ряд иероглифических знаков, украшавших стенки саркофага. На них был изображен жрец, лежащий на постели в смертной агонии. Над ним замерли два раба с клещами.

Вторая сцена изображала рабов, вырывающих жрецу глаза. В третьей сцене рабы вкладывали в пустые глазницы какие-то светящиеся предметы. Оставшиеся фрагменты представляли собой сцены погребальной церемонии; на заднем плане виднелась зловещая фигура с крокодильей головой — это был бог Себек.

— Потрясающе, — произнес Вейлдан. — Вы понимаете смысл этих рисунков? Они были сделаны после смерти жреца. И показывают, что *он сам* велел удалить себе глаза перед смертью и вставить вместо них эти предметы. Зачем он по своей воле пошел на такую муку? Что это за светящиеся предметы?

— Ответ наверняка внутри, — ответил я.

Не говоря ни слова, Вейлдан принялся за работу. Вторым саркофаг тоже был открыт. Фонарь был на последнем издыхании и слабо мерцал. Мы наткнулись на третий саркофаг. Профессор работал почти в полной темноте; ловко орудуя ножом, он вскрывал последний крепеж. В желтом свете крышка шевельнулась и открылась.

Мы увидели мумию.

Из саркофага вырвалась волна розового пара — отвратительный пряно пахнувший дым проникал сквозь платки, закрывавшие нам нос и рот. Об огромной защищающей силе этих газообразных испарений говорило то, что мумия не была ничем укутана или прикрыта. Перед нами лежало обнаженное иссохшее коричневое тело, сохранившееся на удивление хорошо. Но все это мы видели лишь мгновение.

Затем наше внимание перенеслось в другом направлении — к глазам, точнее, к месту, где они находились.

Из темноты нам в лицо вспыхнули два больших желтых диска. Это не были ни брильянты, ни сапфиры, ни опалы или другие известные камни, огромные размеры не позволяли отнести их к какой-либо распространенной категории. Они не были огранены или отшлифованы, но слепили своим блеском; беспощадное сияние било нам в глаза, словно открытый огонь.

Мы оба подумали, что камни эти драгоценные, так что за ними стоило поохотиться. Я нагнулся, чтобы взять их, но голос Вейлдана меня остановил.

— Не надо, — предупредил он. — Позже вынем, чтобы не повредить мумию.

Его голос звучал словно издалека. Мне не хотелось выпрямляться. Я продолжал стоять, наклонившись над пылающими камнями. И смотрел на них.

Мне показалось, что они растут, превращаясь в две желтые луны. Их вид завораживал — словно все мои чувства прониклись этой красотой. Камни посылали мне навстречу свой жар, и мой мозг окутывало теплом, которое не доставляло боли, но при этом подчиняло себе и обездвиживало все тело. Голова словно была охвачена пламенем.

Я не мог отвернуться, но и не желал этого. Камни зачаровывали меня.

Издалека до меня донесся голос Вейлдана. Я смутно почувствовал, что он тянет меня за плечо.

— Не смотрите. — Как нелепо звучал его взволнованный голос. — Это не натуральные камни. Это дары богов — вот почему жрец, умирая, заменил ими свои глаза. Они гипнотизируют... теория воскрешения...

Кажется, я его оттолкнул. Камни управляли моими чувствами, подчиняли меня себе. Они гипнотизируют? Ну конечно — я чувствовал, как теплый желтый свет смешивается с моей кровью, пульсирует в висках, подбирается к мозгу. Я понял, что фонарь погас, и все помещение озарялось ярким желтым свечением этих блистающих глаз. Было ли

это свечение желтым? Нет — раскаленно-красным, это было яркое алое сияние, и оно обращалось ко мне.

Камни умели *мыслить*! У них был разум, или, точнее сказать, воля — та самая воля, которая заглушила во мне все чувства, захлестнула меня, заставила забыть, что у меня есть тело и разум, и разбудила иступленный восторг перед обжигающей красной красотой. Мне захотелось утонуть в огне, казалось, меня вытягивает меня из телесной оболочки, и я рвусь навстречу камням — проникаю в них — проникаю куда-то еще дальше...

Наконец, я понял, что вновь свободен. Я был свободен, но ничего не видел в темноте. Сперва я подумал, что, наверное, потерял сознание. По крайней мере, я упал, поскольку теперь лежал спиной на каменном полу подземелья. На каменном ли? Нет — я лежал на дереве.

Это было странно. Я чувствовал дерево. Мумия лежала на дереве. Я ничего не видел. Мумия была слепой.

Я ощутил свою кожу — сухую, морщинистую, шелушащуюся.

Мой рот открылся. Хриплый голос — мой и не мой одновременно — словно голос смерти, вырвался воплем: «Господи! *Да я в теле мумии!*»

Я услышал судорожный вздох, и что-то с шумом упало на каменный пол. Вейлдан.

Но что это за шорох? Кто проник в мое тело?

Проклятый жрец, который, желая воскреснуть, согласился на муки, чтобы в его мертвых глазницах оказались гипнотические камни, дарованные божеством; не зря его похоронили в гробнице, куда так легко войти! Глаза из драгоценных камней загипнотизировали меня, мы поменялись оболочками, и теперь **он** мог ходить.

Меня спас только приступ безграничного ужаса. Я вслепую поднялся на скрюченные конечности и разлагающимися руками стал неистово царапать но лицу, ища то, что должно было там оставаться. Мои пальцы вырвали светящиеся камни из глаз.

Затем я потерял сознание.

Пробуждение было ужасным, ведь я не знал, что меня ждет. Я боялся почувствовать самого себя, свое тело. Но мою душу вновь приютила горячая плоть, и мои глаза смотрели сквозь желтоватую тьму. Мумия лежала в саркофаге, и ее пустые направленные вверх глазницы представляли собой мерзкое зрелище; страшным подтверждением происшедшего была перемена в положении ее шероховатых конечностей. Вейлдан лежал там же, где и упал, на его лице была багряная печать смерти. Нет сомнений, с ним случился удар.

Рядом с ним находился источник желтого свечения — камни-близнецы, мерцающие зловещим огнем.

Понятно, что меня спасло — я вырвал из орбит эти ужасные орудия преобразования. Утратив связь с запечатанным под ними сознанием мумии, они, очевидно, не смогли сохранить свою долговечную силу. Я содрогнулся при мысли о том, что это преобразование могло случиться на открытом воздухе: тело мумии немедленно начало бы разлагаться, и мне не удалось бы вырвать камни. Тогда душа жреца храма Себека воскресла бы и бродила по земле. Страшно представить.

Я быстро схватил камни и завязал их в платок. Я ушел, оставив Вейлдана и мумию лежать на своих местах; выбираясь наружу, я помогал себе тем, что жег спички.

Какое было облегчение, когда перед глазами открылось ночное египетское небо — к тому времени наступила ночь.

Но при виде этой *ясной* темноты я вспомнил, какой кошмар мне пришлось пережить в зловещем мраке гробницы, и с безумным криком бросился по песку к небольшой палатке, стоявшей возле входа.

В сумке под седлом было виски; я вытащил бутылку и возблагодарил небеса за то, что нашел масляную лампу. Наверное, я бредил — могу себе это представить. Я повесил в палатке зеркало и минуты три неотрывно глядел в него, желая убедиться, что я — это я. После этого вытащил портативную пишущую машинку и установил на каменной плите.

Лишь тогда я осознал свое тайное желание запечатлеть правду. Какое-то время я спорил с самим собой — но спать в ту ночь было невозможно, а возвращаться во тьме через пустыню совсем не хотелось. Наконец, я кое-как обрел самообладание.

И напечатал этот рассказ.

Вот и вся история. Я вернулся в палатку, чтобы допечатать эти строки, а завтра навсегда оставлю и Египет, и эту гробницу, только снова закрою вход в нее, чтобы никто и никогда не нашел эти проклятые врата в подземные чертоги ужаса.

Пишу и благодарю свет за то, что он унес воспоминания о звенящей тьме и мрачных звуках, благодарю также ободряющее отражение в зеркале, которое стирает воспоминания о том страшном моменте, когда на меня взглянули сияющие глаза жреца храма Себека, и я *стал другим*. Слава богу, я вовремя выцарапал эти камни!

Насчет них у меня есть соображение; ясно, что это была западня. Невероятно: гипнотическая сила возникла в умирающем мозгу три тысячи лет назад, и с тех пор, как немогущему жрецу удалили глаза, а в глазницы вставили камни, искала толчок, чтобы вернуться к жизни. В мозгу оставалось лишь одно желание — жить и вновь обрести плоть. Камням веками предстояло удерживать переданную им мысль, пока кто-нибудь не найдет их и не рассмотрит. Тогда мысль мертвого истлевшего мозга должна была вспыхнуть в живых камнях — и совершился бы неизбежный и ужасный обмен обликами. Умерший жрец принял бы плоть человека, чье сознание силой было бы водворено в тело мумии. Дьявольски умная схема — и этим человеком чуть не стал я!

Камни у меня, надо их внимательно изучить. Возможно, музейным работникам в Каире удастся определить их природу; как бы то ни было, стоят они немало. Но Вейлдан погиб, о гробнице я рассказать не могу — как это сделать? Однако камешки настолько любопытные, что о них нельзя умолчать. Есть в них что-то необычное, хотя сказка бедняги Вейлдана о том, что это дар богов, прямо скажем, неле-

па. Впрочем, цвет они меняют необычным образом, да еще это живое гипнотическое сияние внутри!

Выходит, я только что сделал потрясающее открытие. Я развязал платок, где лежали мои драгоценности, и взглянул на них. Казалось, в них все еще есть жизнь!

Блеск не изменился — при свете лампы они сияют так же ярко, как в темноте, как в опустевших глазницах ссохшейся мумии. Все тот же желтый цвет; глядя на них, я интуитивно чувствую, что внутри есть какая-то иная жизнь. Они желтые? Нет — теперь они краснеют и раскаляются до предела. Лучше не смотреть — слишком яркое напоминание о тех минутах. Эти камни, должно быть, и правда гипнотические.

Цвет теперь ярко-красный, как разбушевавшееся пламя. Смотрю на камни и чувствую тепло, словно погружаюсь в огонь — не обжигающий, скорее ласковый. Пусть, это приятное ощущение. Можно и не отворачиваться.

Да, можно — однако... Что, если камни сохраняют свою силу, даже когда они вынуты из глаз мумии?

Я снова это чувствую — так и есть — я не хочу обратно в тело жреца — на этот раз мне не вырвать камни, чтобы вернуться в свою плоть — камни вынуты, но мысль внутри них осталась.

Я должен отвернуться. Не могу печатать, не могу думать — а глаза передо мной расширяются, растут...

Отвернись!

Не могу. Все краснее и краснее — надо бороться, нельзя поддаваться. Алая мысль, ничего не чувствую — сопротивляйся же...

Ну вот, я способен отвернуться. Я победил камни. Это хорошо.

Смотрю в сторону — *и ничего не вижу*. Я ослеп! ослеп — камней нет в глазницах — мумия слепа.

Что со мной произошло? Сажу в темноте, вслепую печатаю. Слеп, как мумия! Такое чувство, будто что-то изменилось; странно. Кажется, мое тело стало легче. Я все понял.

Я в теле мумии. Ясно. Были камни — была заключенная в них мысль — но что это выходит из открытой гробницы?

Оно направляется в мир людей. Оно облачено в мое тело, оно жаждет крови и будет искать жертвы, чтобы отпраздновать свое воскрешение.

А я слеп. Не вижу ни зги — и *разлагаюсь!*

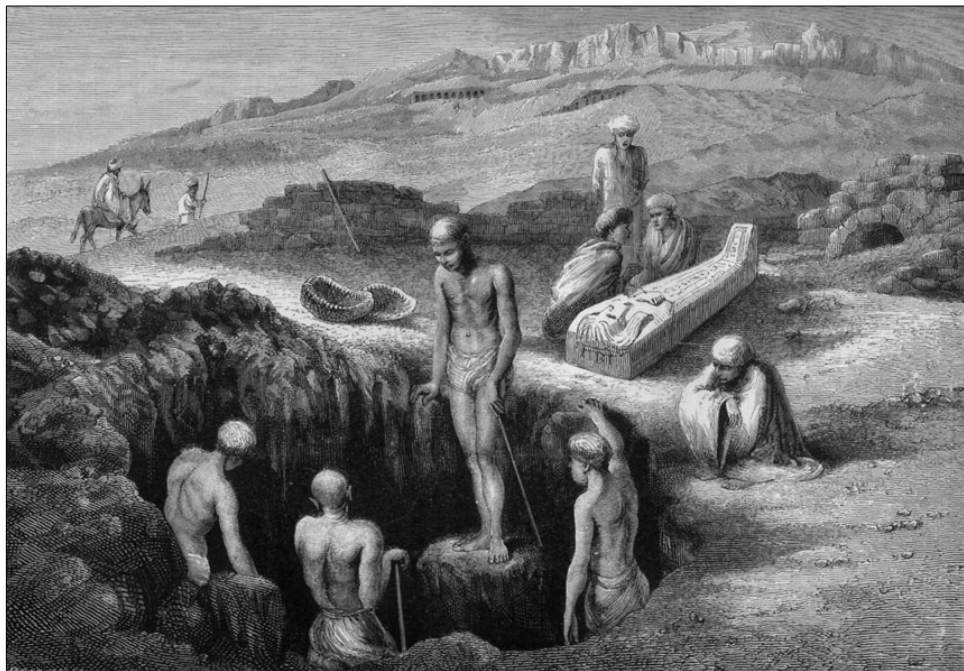
Воздух — причина разрушения. Вейлдан говорил — все органы на месте, но я не могу дышать. Не могу видеть. Надо печатать — предупредить. Кто бы это ни прочел, он должен знать правду. Надо предупредить.

Тело каменеет. Не могу встать. Будь проклята египетская магия! И эти камни! Кто-то должен убить существо из гробницы.

Пальцам тяжело стучать по клавишам. Не слушаются. Из-за воздуха. Стали ломкими. Ударяю вслепую. Все медленнее. Надо предупредить. Трудно передвигать каретку.

Нет сил нажимать верхний регистр, не могу печатать прописные буквы, пальцы каменеют, крошатся на воздухе, я мумия, нельзя быть на воздухе, крошатся на кусочки, остатки пальцев шевелятся надо предупредить о чарах себе-ка щупаю пальцы почти не осталось фаланг трудно печатать.

будь проклят себек себек разум себека все прахом себек себе себ себ себ се сссссс...

*В поисках мумий. Гравюра Г. Пирсона из книги Амелии Б. Эдвардс
«Тысяча миль вверх по Нилу» (1891, первое изд. 1877).*

Деннис Уитли

ЖИЗНЬ ЗА ЖИЗНЬ

(1943)

— Добрый вечер, доктор. Как мило с вашей стороны вот так, по-свойски, заглянуть к нам, — желтоватое лицо миссис Сэндмайер расплылось в деланной улыбке. Ее блеклые глаза с неодобрением задержались на полупустой бутылке виски, стоявшей среди дешевых фарфоровых безделушек на камине, и затем уставились на мужа.

— Ты недолго, Герберт? — и она опять кисло-извиняющее улыбнулась доктору. — Я не могу заснуть, если его нет рядом, это, знаете ли, моя маленькая странность.

Усталый доктор провел рукой по своим редким волосам.

— Нам хватит нескольких минут, миссис Сэндмайер. Спокойной ночи.

Когда за миссис Сэндмайер закрылась дверь, Герберт с облегчением вздохнул — не так-то просто оказалось убедить жену оставить его с доктором наедине.

— Итак, что вас беспокоит? — спросил доктор, глядя, как Сэндмайер наливает ему виски.

— Не знаю, как и начать, доктор, — вы сочтете меня за сумасшедшего.

— Не валяйте дурака, — доктор взял предложенный ему стакан. — В одиннадцать мне предстоит принимать роды, так что давайте побыстрее.

Нетвердой рукой Сэндмайер плеснул виски и себе тоже и, обернувшись, увидел свое смертельно-бледное лицо в узком зеркале над камином. Секунду он не отрываясь смотрел на свое отражение, а затем воскликнул:

— Я боюсь, доктор, боюсь!

— Чего же? — поспешил спросить доктор.

— Вы думаете, я псих?! — с неожиданной яростью набросился на него Сэндмайер. — Думаете, что, дожив до таких лет, мне должно быть стыдно за себя? Доктор, я говорю вам чистую правду — я боюсь спать!

— Вы, скорее всего, просто переутомились. Хм-м, я сам временами не могу уснуть, особенно когда у нас в районе свирепствует эпидемия гриппа.

Сэндмайер залпом осушил свой стакан и яростно затряс головой.

— Дело не в этом. Дело вовсе не в нервах. Обещайте мне, обещайте, что не поднимете меня на смех, если я расскажу вам.

— Ну, что вы! Как профессионал, я привык к откровенности, поэтому рассказывайте и не беспокойтесь ни о чем. Пациенты часто говорят мне такое, о чем не сказали бы никому другому.

— Нет-нет. Здесь совсем иное. Мне стали сниться сны...

— Все-таки мне кажется, что ваши нервы несколько подразболтались, — понимающе кивнул доктор, взглянув на бутылку виски, из которой Сэндмайер наливал себе очередную порцию. — Вам стоило бы сменить обстановку и отдохнуть — если, конечно, вы можете себе это позволить.

— При чем здесь мои нервы, позвольте вас спросить? — Сэндмайер сердито ударил кулаком по столу. — Это психическое расстройство. Только так я могу назвать то, что происходит со мной. Скажите, доктор, верите ли вы в библейскую истину: око за око, зуб за зуб, жизнь за жизнь?

— Едва ли, — с терпеливой улыбкой ответил усталый доктор. — Хотя меня нельзя назвать атеистом в полном смысле этого слова. Вы, как я понимаю, не говорили своей жене о том, что случилось с вами?

— Нет. Моя жена — ревностная сектантка, и, если ей рассказать, она наверняка решит, что я спятил. Когда я просыпаюсь после этих... этих кошмаров, лежу, ловя ртом воздух, и трясусь, словно у меня припадок, она приписывает все это хроническому гастриту.

— Вы уверены, что вам нельзя поставить именно такой диагноз?

— Абсолютно. У меня железный желудок. Что-то происходит с моей психикой, уверяю вас.

Доктор поправил пенсне.

— Что ж, я готов вас выслушать, — слегка утомленно проговорил он.

— Все это началось давно... очень давно, — неуверенно начал Сэндмайер, а затем торопливо, словно боясь, что его остановят, продолжил: — Видите ли, я всегда был медиумом, даже в детстве. Я знал о людях такие вещи, о которых

мне никогда не рассказывали, и одно время даже занимался предсказанием будущего, однако мне пришлось оставить это баловство, поскольку кое с кем из моих приятелей действительно случились неприятности, и они решили, что их сглазили. Впрочем, одного парня я и в самом деле сглазил. Его звали Доусон, он ухаживал за Мэгги, то есть за миссис Сэндмайер, и много врал обо мне, но я сумел раз и навсегда расквитаться с ним, а затем женился на Мэгги. Вы можете назвать это простым совпадением, но никакого совпадения здесь нет. Я тогда настолько испугался, что решил никогда больше не заниматься такими штуками.

Конечно, я никогда ничего не рассказывал ей, и сам уже почти не вспоминал об этой истории, но не так давно к нам приехал погостить свояк из деревни, и я, как идиот, согласился сходить с ним на экскурсию в Египетский отдел Британского музея.

Я всегда считал, что не стоит выставлять все эти мумии напоказ. В конце концов, это ведь умершие люди, не правда ли? И вот, едва мы туда вошли, как я сразу же ощутил странные вибрации, исходящие от них.

У меня возникло чувство, что Фрэнк Доусон находится поблизости и наблюдает за мной, хотя он, насколько мне известно, застрял где-то в Китае. Осматривая экспонаты, мы остановились напротив одной из витрин около стены. Внутри ее находился деревянный гроб, сделанный в форме человеческого тела и закрытый маской в том месте, где должна находиться голова. И вдруг — вы, наверное, мне не поверите, доктор, — черные глаза этой маски внезапно ожили. Я не бредил, это были живые глаза, черные как смоль, с тлеющим огоньком ненависти в них. Словно загипнотизированный, я не мог пошевелиться до тех пор, пока свояк не сказал мне что-то. От потрясения я готов был упасть в обморок, и мне с большим трудом удалось собраться с духом и заставить себя уйти оттуда.

С тех пор прошло больше месяца, и я уже начал забывать об этом происшествии, но три дня назад мне приснился невероятный сон. Мы легли, как обычно, в десять, я моментально выключился и увидел, что спускаюсь по сту-

пенькам полуразрушенной лестницы в какой-то склеп, вдоль стен которого рядами стояли сооружения, напоминавшие огромные саркофаги из дерева или камня и со всех сторон покрытые иероглифами.

Я подошел к одному из них и заглянул внутрь. Там находилась женщина, и она показалась мне вовсе не мертвой. Окутывавший ее тело саван местами сгнил, и там проглядывала кожа, светлая и на вид здоровая, а не темная и высохшая. Помнится, меня очень удивили ее волосы — длинные и золотистые. Она, возможно, была рабыней, привезенной из Греции, или принцессой, выданной замуж в Египет из далекой северной страны. Неожиданно ее глаза открылись; у меня по спине пробежал озноб — это были те же самые темные живые глаза, что я видел в музее. Затем она заговорила или, скорее, послала сообщение мне прямо в мозг: «Ты должен помочь мне встать».

В склепе царил жуткий холод, я чувствовал, что замерз, и больше всего на свете хотел выбраться оттуда. Но в следующее мгновение я наклонился и обнял ее за плечи. Она была холодна, как сосулька, и сколько я ни старался, мне никак не удавалось поднять ее, словно она была сделана из мрамора и накрепко привинчена ко дну гроба. Через некоторое время, однако, ее щеки слегка порозовели, на губах промелькнула слабая тень улыбки, а затем она очень медленно подняла руки и положила их мне на плечи.

«Помоги мне, помоги мне», — непрерывно повторяла она, и я, казалось, потратил несколько часов, пытаюсь поднять ее. Я достаточно силен, как вам известно, и могу без малейших затруднений поднять на пару этажей любую женщину, но эта, в гробу, весила никак не меньше тонны, и хватка ее рук становилась все крепче, словно она набиралась сил, в то время как я все больше слабел. Наконец последним, отчаянным усилием мне удалось усадить ее, и в этот момент я проснулся.

Я лежал, тяжело дыша, словно пробежал не одну милю, и ледяной пот заливал мое тело. Прошло, наверное, минут десять, прежде чем ко мне вернулось нормальное дыхание, но все равно я чувствовал себя настолько изможденным, что

не мог даже повернуться на бок. Не помню, как я забылся тяжелым сном, и проснулся утром весь разбитый.

Однако я подумал, что этот кошмар был всего лишь результатом посещения музея. Я не обратил тогда на него особого внимания и на следующий вечер отправился спать в обычном для себя хорошем настроении, однако, едва задремав, вновь увидел тот же сон. Она сидела в деревянном гробу в том же положении, в котором я оставил ее.

«Ты должен помочь мне встать», — беззвучно произнесла она опять.

Царивший там холод пробирал меня до мозга костей, и я уже знал, что надо непременно бежать оттуда, однако, помимо своей воли, склонился над гробом. Но прежде, чем я успел что-либо сделать, она сама подняла руки и обвила их вокруг моей шеи. Вновь я ощутил невероятный вес этой женщины, однако ее кожа, хотя и холодная как лед, стала теперь мягкой и податливой. Неимоверными усилиями мне удалось поставить ее на ноги, и внезапно я почувствовал, как в ее груди забилось сердце. Я вскрикнул и начал куда-то проваливаться.

В следующий момент я проснулся и своим воплем, конечно, разбудил Мэгги. Она зажгла свет, прочитала мне лекцию о том, как вредно есть вечером чересчур много вареной фасоли, и велела принять соды. Я ощущал такую усталость во всем теле, что с трудом смог бы выползти из кровати, но чтобы избежать лишних разговоров — скажи я правду, Мэгги наверняка решила бы, что я становлюсь невращеником, — заставил себя встать и выпил бесполезной для себя соды.

Утром я, как обычно, отправился на работу, но ни за какие блага в мире не мог сложить в столбик и пару чисел, и босс, естественно, не скрывал своего недовольства. Тут я начал понимать, откуда ветер дует. Я сообразил, что мне необходимо любыми способами сохранять бодрствование. Конечно, мне стоило, наверное, отправиться на всю ночь в какой-нибудь бар, где играет музыка и много людей. Но с Мэгги это было невозможно.

Не так просто бодрствовать, когда лежишь в темноте и не осмеливаешься даже пошевелиться. В тот вечер я продержался до трех часов, а потом вновь начал, спотыкаясь, спускаться по ступенькам в этот проклятый склеп, где меня ждала золотоволосая женщина, стоявшая в гробу. Я старался не смотреть на нее. И я был вне себя от ужаса, когда она положила мне на плечо руку, и в моем сознании прозвучало: «Ты должен помочь мне выбраться отсюда».

В следующую секунду она неуклюже выпрыгнула из гроба. Я повернулся и хотел было бежать, но она обхватила руками мою шею и заковыляла рядом со мной.

Пытаясь освободиться от ее объятий, я взглянул ей в лицо, оказавшееся совсем близко от моего. Оно было человеческим и одновременно нечеловеческим, если вы понимаете, о чем я говорю. Оно было привлекательно, как лицо всякой другой женщины, на которую я когда-либо смотрел, однако выражало какую-то дьявольскую решимость.

«Помоги мне выбраться, помоги мне выбраться!» — слышал я ее вскрикивания, и она цеплялась за меня с такой силой, словно ее худые руки были сделаны из стали.

«Я не могу, — произнес я, хотя до этого момента ни разу не раскрывал рта. — Ты теперь сильнее меня. Ты должна помочь мне».

Но она, не разжимая свои белые зубы, рассмеялась, и я никогда прежде не слышал такого смеха. Вам известно, наверное, выражение «мороз по коже» — именно это я и почувствовал тогда.

Словно сумасшедший, я начал вырываться из ее объятий, и, борясь, мы постепенно достигли середины склепа. «Наверх, вверх», — задыхаясь, повторяла она, и ее пылающие глаза неотрывно смотрели на лестницу. Мои колени становились ватными, и внезапно я понял, что если не сумею освободиться, то никогда уже не проснусь в этой жизни.

Я сделал отчаянное усилие и увидел ее, покачивающуюся из стороны в сторону на середине склепа и смотрящую на меня своими черными горящими глазами, затем все

погрузилось в темноту, и я очнулся в постели рядом с Мэгги, слишком слабый даже для того, чтобы кричать.

В эту ночь я больше не спал. Что-то подсказывало мне, что если я усну, то непременно вернусь к ней. Высосанные из меня жизненные соки сделали ее сильной, и она, казалось, звала меня все то время, пока я, сжав зубы и широко раскрыв глаза, неподвижно лежал в темноте.

В пять часов я почувствовал себя в состоянии встать. Мэгги, естественно, проснулась и заворчала, но я был слишком испуган, чтобы обращать внимание на такие мелочи. Я сказал ей, что меня опять мучают боли и я собираюсь спуститься в кухню и выпить горячего кофе. Я так и поступил, хотя с трудом смог поставить кастрюлю на конфорку.

Я сидел там до утра. Кофе пошел мне на пользу, и я приготовил себе сэндвичи с холодным мясом. Я ощущал такой голод, словно не ел целую неделю. В тот день я не пошел в офис — у меня просто не было сил работать. Я направился в публичную библиотеку и проспал там почти все утро, а когда меня попросили оттуда, устроился на скамейке в парке и проснулся уже после полудня.

Мне пришлось, конечно, вернуться домой в то же самое время, когда я обычно возвращался. Я очень боялся, что Мэгги могла каким-то образом узнать, что я отсутствовал на работе, но, к счастью, сегодня боссу было не до меня. И дома мне задали массу вопросов лишь насчет купленной мною бутылки виски — той, что стоит на камине. Я было придумал, что за ужином разыграю сцену, начну бить посуду и уйду из дома, но я очень люблю Мэгги. А затем я вспомнил о вас, доктор...

Сэндмайер замолк, слегка поежился, словно от озноба, и воскликнул:

— Ну вот и все! Я вижу, что вы не поверили мне, не правда ли? Но я боюсь, уверяю вас, просто содрогаюсь от ужаса при мысли, что сейчас мне придется идти спать.

Мысленно доктор, скромный маленький человек, большую часть своей жизни лечивший обитателей трущоб, уже поставил диагноз Герберту Сэндмэйеру — крепкому мужчине, решившему с помощью выпивки забыть о своих проб-

лемах. Он встал и опять посмотрел на почти пустую бутылку виски. Затем он перевел взгляд на Герберта и решил, что за один-два дня можно остановить этот алкогольный бред, граничащий с белой горячкой.

— Я вовсе не утверждаю, что не верю вам, — успокоил он Сэндмайера. — Но мне трудно обсуждать вещи, которые не совсем в моей компетенции. Я дам вам лекарство, которое поможет вам сегодня спокойно уснуть, а завтра утром, часиков в десять, приходите ко мне на прием.

— Но вы не поняли! — взорвался Сэндмайер. — Я не хочу спать! Я хочу бодрствовать всю ночь. Если я усну, эта дьяволица в склепе высосет из меня остатки сил, и я не смогу вернуться назад — никогда не смогу проснуться!

Из комнаты наверху донесся громкий стук.

— Это ваша жена, — сказал доктор. — В самом деле, примите-ка лучше бромид. — Он достал из своего потертого чемоданчика маленькую бутылочку и вытряхнул на ладонь несколько таблеток.

Тело Герберта Сэндмайера внезапно обмякло. Он тяжело оперся о камин. Лихорадочный блеск погас в его глазах, и теперь они смотрели с тупой безысходностью.

Слабым жестом он отклонил предложенные таблетки.

— Нет, спасибо. Раз вы не верите мне... впрочем, я мало надеялся на это.

Доктор взглянул на часы.

— Боже. Уже почти одиннадцать. Мне надо спешить, иначе, кроме медсестры, этой роженице некому будет помочь.

— Странная штука жизнь, не правда ли, доктор? — медленно проговорил Сэндмайер. — Когда кто-то из нас покидает эту жизнь, всегда находится другой, занимающий наше место.

— Что? — спросил доктор, надевая свое поношенное коричневое пальто.

— Ничего, доктор, — ответил Сэндмайер и открыл дверь, ведущую в узкий холл. — Спокойной ночи.

— Герберт, ты идешь? — донесся до него из спальни высокий, раздраженный голос.

— Да, Мэгги, я уже поднимаюсь, — крикнул он через плечо. Он вернулся в душную гостиную и налил в свой стакан остатки виски.

— Странно, почему я сказал доктору, что Фрэнк Доусон в Китае? — пробормотал он. — Я хотел его смерти, и он давно уже мертв. Но сейчас он — или нечто — возвращается ко мне. Так и должно быть — это жизнь за жизнь.

Он проглотил неразбавленное виски, огненная жидкость обожгла ему горло, и он слегка кашлянул.

— Герберт! — донесся из комнаты наверху сердитый пронзительный крик.

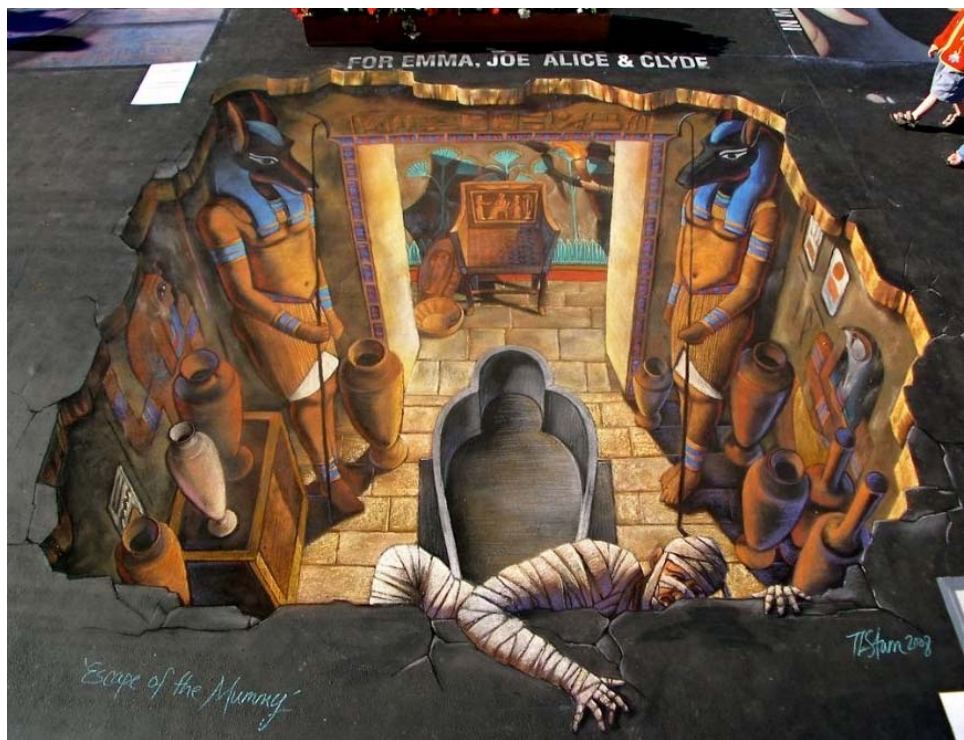
— И подумать только, что я сделал это из-за Мэгги, — прошептал он себе под нос.

— Герберт!!! — вновь раздался голос.

— Иду, иду, я уже иду, — откликнулся он.

Герберт Сандмэйер в последний раз обежал взглядом гостиную, выключил свет и потащился наверх.

Трейси Ли Стам. *Побег мумии* (2008). Рисунок цветными мелками на асфальте для фестиваля уличного искусства «Youth in Art».

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложения к III-му тому «Рассказов о мумиях» включают рассказ и статью. Что касается рассказа, то произведение классика американской фантастики Рэя Брэдбери «Подлинная египетская мумия работы полковника Стоунстила» не могло войти в основное собрание, рамки которого ограничены 1945 г. Однако замечательный рассказ Брэдбери «опоздал» всего на три или четыре года, и было бы несправедливо вовсе его исключить. Статья Стюарта Т. Смита «Распеленание мумии: Голливудские фантазии и египетские реалии» (2007) представляет собой материал автора, глубоко знакомого со всеми аспектами избранной темы: Смит, египтолог и археолог, выступал консультантом на съемках голливудских фильмов «Звездные врата», «Мумия» и «Мумия возвращается», для которых, среди прочего, реконструировал звучание египетского языка.

А. III.

Рэй Брэдбери

**ПОДЛИННАЯ ЕГИПЕТСКАЯ МУМИЯ
РАБОТЫ ПОЛКОВНИКА
СТОУНСТИЛА**

(1949)

Стояла та самая осень, когда на дальнем берегу Гагачьего озера нашли подлинную египетскую мумию.

Как она туда попала и сколько ждала своего часа, никто не знал. А она и не пряталась — лежала себе в просмоленной ветоши, лишь слегка тронутая временем.

Накануне был день как день: багряные кроны деревьев роняли отгоревшую листву, в воздухе плыл острый перечный запах, а двенадцатилетний Чарли Флэгстафф, выйдя на середину безлюдного переулка, мечтал, чтобы с ним произошла какая-нибудь значительная, увлекательная, невероятная история.

— Эй, — воззвал он к небу и горизонту, ко всему белому свету. — Я жду. Ну!

И все равно ничего не произошло. Тогда Чарли, взрывая башмаками вороха сухих листьев, побрел на другой конец города и остановился на самой большой улице, перед самым большим домом, куда приходили все жители Грин-Тауна, если у них что-то не ладилось. Чарли хмурился и переминался с ноги на ногу. У него явно что-то не ладилось, только он не знал, что именно и до какой степени. Поэтому он просто зажмурился и прокричал в сторону окон:

— Полковник Стоунстил!

Парадная дверь мгновенно распахнулась, будто старик уже давно стоял на пороге и, как Чарли, ожидал чего-то необыкновенного.

— Чарли, — сказал полковник, — в твоём возрасте положено стучаться. Интересная у ребят манера — непременно кричать с улицы. Давай-ка ещё разок.

Дверь захлопнулась.

Мальчик вздохнул, поднялся на крыльцо, робко постучал.

— Чарли Флэгстафф, ты ли это? — Дверь отворилась. Полковник высунул голову и прищурился, глядя сверху вниз. — Я, кажется, ясно сказал: *непременно кричать с улицы!*

— Ничего не понимаю, — окончательно расстроился Чарли.

— Погодка-то какая. Красотища! — Полковник шагнул в осеннюю прохладу, держа по ветру внушительный носколун. — Ты что, не любишь это время года, дружище? Прекрасный, прекрасный день! Верно?

Обернувшись, он взгляделся в бледное мальчишеское лицо.

— Можно подумать, сынок, у тебя все друзья разбежались и собака сдохла. Что случилось? На следующей неделе в школу?

— Ага.

— Да и Хеллоуин еще не скоро?

— Через полтора месяца. Ждать и ждать. А как вы думаете, полковник... — вздохнул мальчик совсем горестно, уставясь вдаль на осенний город, — почему у нас в городе ничего не происходит?

— Так уж и ничего — завтра, к примеру, День Труда: праздничное шествие, семь автомобилей, мэр, возможно, фейерверк... э-э-э... — Полковник осекся: этот унылый, как счет от бакалейщика, перечень его ничуть не вдохновил. — Тебе сколько лет, Чарли?

— Тринадцать. Скоро будет.

— Да, в тринадцать жизнь идет наперекосяк. — Полковник закатил глаза, перебирая зыбкие воспоминания внутри черепной коробки. — В четырнадцать — и вовсе заходит в тупик. В шестнадцать — хоть ложись да помирай. В семнадцать — конец света. А там терпи лет до двадцати, чтобы дела пошли на лад. Скажи-ка, Чарли, как человеку накануне праздника дотянуть хотя бы до полудня?

— Это вам лучше знать, полковник.

— Чарли, — произнес старик, избегая пристального мальчишеского взгляда, — я могу переставлять политиков, больших, что твои боровы, могу двигать скелетами в музеи городской ратуши, могу заставить локомотивы подниматься в гору задним ходом. Но как быть с мальчишками, у которых перед осенними праздниками плавают мозги от последней стадии Пустой Безнадеги? Впрочем...

Полковник Стоунстил, воздев глаза к облакам, просчитал будущее.

— Чарли, — произнес он наконец, — мне не безразлично твое настроение, мне не все равно, если ты лежишь на заброшенных рельсах и ждешь поезда. Вот что... Держу пари, в ближайшие сутки город Грин-Таун в штате Иллинойс, с населением в пять тысяч шестьдесят два человека и тысячу собак, изменится до неузнаваемости — ей-богу, чудесным образом изменится к лучшему. Если я проспорию — с меня полдюжины шоколадок, а если проспоришь ты — подстрижешь мою лужайку. По рукам? Спорим?

— Вот это да! — Чарли, сраженный наповал, затряс руку старика. — Спорим! Полковник Стоунстил, я знал, что вы все можете!

— Ничего еще не сделано, сынок. Лучше посмотри туда. Город — Красное море. Я повелеваю ему: расступись! Мы идем!

Старик, чеканя шаг, направился в дом; Чарли побежал следом.

— Итак, Чарльз: либо на свалку, либо на погост. Куда?

Полковник повел носом сперва в сторону той двери, за которой скрывалась земляная сырость погребов, затем в сторону той, что вела на сухой деревянный чердак.

— Даже не знаю...

Чердак, словно умирая во сне, мучительно вздрогнул от налетевшего сквозняка. Полковник рванул на себя дверь, и осенние шепоты сразу вырвались на волю, а ветер, угодивший в ловушку, заметался под кровлей.

— Слышишь, Чарли? Разбираешь слова?

— Ну...

Подгоняемый сквозняком, как пучок соломы, полковник устремился вверх по темной лестнице.

— Слова все больше такие: время, и старость, и память — много чего. Прах и боль — кажется, так. Да ты послушай, о чем скрипят балки! Погожей осенью только дай ветрам потревожить этот деревянный скелет, и он уж точно заговорит тебя надолго. Расскажет про пламя и пепел, про бомбейское зелье, про кладбищенские цветы-привидения...

— Ничего себе, — выдохнул Чарли, карабкаясь вслед за стариком. — Вам бы для журналов рассказы сочинять!

— Раз попробовал! Забраковали. Ну вот, теперь мы у цели!

И впрямь, они оказались у цели — где не было ни календаря, ни месяцев, ни дней, ни лет, только длинные паузы тени да блики сломанных канделябров, огромными следами застывших в пыли.

— Вот это да! — воскликнул Чарли от радостного ужаса.

— Спокойно! — осадил полковник. — Ты готов к тому, чтобы прямо здесь для тебя родилось на свет настоящее сногшибательное полумертвое чудо?

— Готов!

Смахнув со стола чертежи, карты, агатовые шарики, стеклянные глаза-обереги, паутину и клочья пыли, старик закатал рукава.

— Вот что радует: когда принимаешь новорожденное чудо, не нужно кипятить воду и мыть руки. Поддай-ка мне вон тот свиток папируса, мальчик мой; за ним поищи штопальную иглу; достань с полки старый диплом; подними с пола упаковку ваты. Шевелись!

— Я мигом. — Чарли бежал и приносил, приносил и снова бежал.

Во все стороны летели засохшие веточки, пучки вербы и рогоза. Шестнадцать рук полковника сновали в воздухе и ловко орудовали шестнадцатю блестящими иголками, обрезками кожи, шорохом луговой травы, дрожью совиных перьев, искрами рыжих лисьих глаз. Сам он пыхтел и невнятно фыркал, а все восемь пар волшебных конечностей кружили и пикировали, танцевали и укладывали стежки.

— Ну вот! — показал он кончиком носа. — Наполовину готово. Обретает форму. Приглядишься-ка, дружок. Что здесь начинает вырисовываться?

Обогнув стол, Чарли так вытаращил глаза, что рот открылся сам собой.

— Да ведь... да ведь... — забормотал он.

— Ну?

— Это же...

— Ну? Ну?

— Мумия! *Не может быть!*

— Может! Дьявол меня раздери, парень! Может!

Полковник навис над столом. Погрузив пальцы глубоко внутрь своего творения, он прислушивался к его шепоту, возникшему из тростника, чертополоха и сухих цветов.

— Резонно будет, если ты спросишь, зачем *создавать* мумию? Ты, ты вдохновил меня на это, Чарли. Ты меня к этому побудил. Иди-ка, посмотри в окно.

Мальчик поплевал на стекло и оттер от пыли и грязи небольшой кружок.

— Ну-с, — заговорил полковник. — Что ты видишь, парень? Как там дела в городе? Не замышляется ли убийство?

— Скажете тоже...

— Не бросается ли кто-нибудь вниз головой с колокольни? Не истекает ли кровью под взбесившейся газонокосилкой?

— Не-а.

— Не бороздят ли озеро железные «Мониторы» и «Мерримакс», не падают ли дирижабли на масонский храм, не погребают ли под руинами шесть тысяч масонов единым махом?

— Скажете тоже, полковник, — у нас в Грин-Тауне всего-то пять тысяч жителей!

— Гляди в оба, парень. Ищи. Высматривай. Докладывай!

Чарли пристально смотрел на плоский, как блин, городок.

— Дирижаблей не обнаружено. Масонских руин не обнаружено.

— Молодец! — Подскочив к окну, старик остановился рядом с Чарли и тоже начал производить осмотр местности. Он указывал в разные стороны то рукой, то носом. — В этом городе за всю твою жизнь не было ни убийства, ни пожара в сиротском приюте, ни жестокого маньяка, вырезающего свое имя на женских ногах! Согласись, парень: Грин-Таун, что на севере штата Иллинойс, — самый неинтересный, безрадостный, захудалый, тоскливый городишко за всю историю Римской, Германской, Русской, Английской и

Американской империй! Если бы здесь родился Наполеон, к девяти годам он бы сделал себе харакири. От скуки. Если бы здесь рос Юлий Цезарь, в десять лет он бы пробрался на римский Форум и заколол себя собственным кинжалом...

— От скуки, — подхватил Чарли.

— Пра-а-ально! Следи за городом, сынок, а я еще поработаю. — Полковник Стоунстил вернулся к скрипучему столу и продолжил мять, ворочать и поколачивать странную, растущую под его руками фигуру. — Скуки здесь — навалом: отвешивай хоть фунты, хоть тонны. Скуки здесь — без конца и края: отмеряй хоть загробные ярды, хоть замогильные мили. Лужайки, дома, собачья шерсть, людские волосы, костюмы, что пылятся на витринах, — все одинаково унылое...

— От скуки, — договорил за полковника Чарли.

— А как развеять скуку, сынок?

— Не знаю... разбить окно в заброшенном доме с привидениями?

— Вот незадача, парень: в Грин-Тауне нет таких домов!

— Был один. Да и тот снесли.

— Вот и я говорю. Ладно... что еще приходит на ум?

— Устроить резню?..

— Резни тут отродясь не бывало. Подумать только, у нас даже шеф полиции — честный человек! Даже мэр — неподкупный! С ума сойти. Весь город погряз в болоте зеленой тоски! Последняя попытка, Чарли: что еще можно придумать?

— Сотворить мумию? — повеселел Чарли.

— Верно, палки-моталки! Учись, пока я жив!

Старик, не умолкая, пускал в дело ветхое чучело совы, крючковатый хвост ящерицы, пропахшие никотином бинты, заваливавшиеся с 1895 года, когда он в один день сломал и лодыжку, и приятную интрижку, только-только приехав на горнолыжный курорт; резиновые заплатки для автокамеры машины «Киссел Кар» 1922 года; отгоревшие бенгальские огни последнего мирного лета 1913-го, — и все это

переплеталось, сливалось воедино под ловкими костлявыми пальцами.

— Вуаля! Гляди, Чарли! Готово!

— Вот это да! — У мальчишки отвисла челюсть. — Полковник, а можно я еще сделаю корону?

— Сделай корону, парень. Сделай.

Когда солнце уже стало клониться к закату, полковник и Чарли, а с ними их египетский друг, спустились по скудно освещенной черной лестнице; шаги первых двух были тяжелы, как железные молоты, а третий то и дело подпрыгивал кверху, словно воздушная кукуруза над сковородой.

— Ну, хорошо, мы обзавелись мумией, а что с ней делать, полковник? — недоумевал Чарли. — Ни поговорить, ни побегать...

— Этого нам с тобой и не требуется, парень. А вот горожане и заговорят, и забегают. Выгляни-ка на улицу!

Они отворили скрипучую дверь и увидели все тот же город, придушенный покоем, пораженный бездействием.

— Даже если ты, парень, сумел оправиться от Пустой Безднадеги, этого еще недостаточно. Город сжался, как часовая пружина, только вот циферблат оказался без стрелок, а из-за этого утром страшно просыпаться: вдруг настало вечное воскресенье! Как по-твоему, парень, кто избавит нас от этой напасти?

— Амон Бубастис Рамзес Ра Третий, прибывший спецрейсом в шестнадцать ноль-ноль?

— Да, парень, истинно так. У нас теперь есть исполинское семечко. Чтобы от него был толк, нужно его... *что?*

— Наверно... — поразмыслил Чарли, зажмутив один глаз, — посадить?

— Посадить! Затем понаблюдать, как оно дает всходы! А потом? Собрать урожай. Урожай! Вперед, сынок. Э-э-э... веди своего приятеля.

Полковник, крадучись, вышел в ранние сумерки.

За ним, поддерживаемая Чарли, вышла мумия.

В разгар Дня труда из Царства Мертвых явился Озирис Бубастис Рамзес Амон-Ра-Тот.

Земля дрожала, повсюду распахивались двери, но не от порывов осеннего ветра и не от грохота праздничного шествия во главе с мэром города (семь автомобилей плюс оркестр из дудок и барабанов), а от топота растущей толпы, которая хлынула на улицы, приливной волной затопив лужайку перед домом полковника Стоунстила. Чарли с полковником не один час сидели на веранде в ожидании этого взрыва безумия, этого штурма Бастилии. Теперь, когда обезумевшие собаки кусали мальчишек за пятки, а мальчишки приплясывали по краям толпы, полковник глядел сверху вниз на Творение (дело рук его и Чарли) и заговорщически улыбался:

— Итак, Чарли... Я выиграл пари?

— Еще бы, полковник!

— Тогда пошли.

По всему городу звонили телефоны, на кухнях пригостили обеды, а полковник выступил вперед, чтобы даровать собравшимся папское благословение.

В самой гуще толпы виднелась телега, запряженная лошадью. На козлах, ошалев от несказанной удачи, восседал Том Таппен, владелец еле живой пригородной фермы. Его бормотание заглушал восторженный рев толпы, потому что в повозке находился богатый урожай, созревший через четыре тысячи забытых лет.

— Да разольется великий Нил, да зарастет его устье, — выдохнул полковник, широко раскрыв глаза, — если это не настоящая мумия из Древнего Египта, завернутая в подлинный папирус и просмоленные лоскуты!

— Она самая! — крикнул Чарли.

— Она самая! — подхватили остальные.

— Вышел я утром пахать, — не унимался Том Таппен, — пашу себе и пашу. И вдруг — бац! Плуг вывернул из земли эту штуковину, прямо у меня перед носом! Мне чуть худо не стало! Подумать только! Не иначе как египтяне три тысячи лет назад прошли через Иллинойс — а мы-то не знали! Откровение, иначе не скажешь! Прочь с дороги, ребята! Отвезу-ка я эту находку на почтамт. Пусть выставят для всеобщего обозрения! Но! Пошла!

Толпа отхлынула вместе с лошадьё, телегой и мумией, оставив в покое старика полковника, который только что притворно ахал и тарашил глаза.

— Чтoб мне сгореть, — прошептал он, — все идет как по маслу, Чарльз. Волнение, гомон, толки, безумные сплетни будут множиться до исхода тысячи дней или до Судного дня, смотря что наступит раньше!

— Так точно, полковник!

— Микеланджело нам в подметки не годится! Его «Давид» — может, и шедевр, только нынче он позабыт-позаброшен. То ли дело наша египетская диковинка... — Полковник прикусил язык, потому что мимо пробегал мэр.

— Полковник, Чарли, приветствую! Дозвонился до Чикаго. Завтра к утру нагрянут газетчики! А к полудню — музейная братия! Не рухнула бы наша торговая палата!

Мэр умчался догонять толпу.

Осенняя тучка опустилаcь на лицо полковника и зависла в складках у рта.

— Конец первого акта, Чарли. Теперь начинаем соображать быстро. На подходе второй акт. Мы ведь хотим, чтобы эта суматоха длилась вечно, согласен?

— Так точно...

— Пораскинь мозгами, парень. Что там выпало на кубике?

— На кубике выпало... а!.. два хода *назад*?

— Получи пять с плюсом, золотую звезду и сладкий пирожок! Господь дал, Господь и взял, так ведь?

Чарли взглянул в лицо старику и увидел, как того обу ревает беспокойство.

— Так точно.

Полковнику было хорошо видно толпу, которая сгрудилась у почтамта в двух кварталах от его дома. Подоспевший оркестр из дудок и барабанов завел какой-то мотив, смутно напоминающий о Египте.

— На закате, Чарли, — прошептал полковник, закрыв глаза, — мы сделаем последний ход.

Какой был день! Спустя много лет люди повторяли: вот это был день! Мэр только успевал забежать домой, чтобы

переодеться: он произнес три речи, возглавил две процессии (одну — вдоль по Мейн-стрит до конца трамвайного маршрута, другую — в обратном направлении), а в центре этих событий находился Озирис Бубастис Рамзес Амон-Ра-Тот, который улыбался то направо, когда сила притяжения одолевала его хилое туловище, то налево, когда процессия заворачивала за угол. Битый час оркестр из дудок и барабанов, теперь значительно усиленный медными духовыми инструментами, подкреплялся пивом и разучивал торжественный марш из «Аиды», который потом был исполнен столько раз подряд, что женщины стали уносить домой ревущих младенцев, а мужчины ретировались в бары, чтобы хоть как-то успокоить нервы. Поговаривали о третьем параде и о четвертой торжественной речи, но сумерки застали город врасплох, и все, включая Чарли, разбрелись по домам ужинать — точнее, обсуждать новости.

Около восьми вечера Чарли с полковником отправились прокатиться сквозь листопад и благодатную тьму на машине марки «Мун» выпуска 1924 года, которая начинала ворчать, как только это прекращал делать полковник.

— А куда мы едем?

— Надо подумать... — рассуждал полковник, управляя машиной легко и непринужденно, на философской скорости десять миль в час. — Сейчас все, включая твоих домашних, отправились на Гроссетскую пустошь, так? Слушают последние речи в честь Дня труда. Нашего мэра хлебом не корми — дай только поговорить с трибуны, пра-ально? Затем пожарные начнут палить из ракетниц. Отсюда следует, что почтампт — вкупе с мумией, вкупе с шефом полиции, который несет вахту, — окажется без прикрытия. Вот тогда должно произойти чудо. *Непременно* должно произойти, Чарли. Спроси почему.

— Почему?

— Рад, что тебя это волнует. Видишь ли, парень, завтра проныры из Чикаго начнут спрыгивать с подножки поезда, как блинчики со сковороды: в городе запахнет жареным, в каждом углу будет чей-то длинный нос, чей-то глаз с лупой и микроскопом. Эти музейные ищайки вместе с

прохиндеями из «Ассошиэйтед пресс» докопаются до сути и ославят нас на весь свет. А поэтому, Чарльз, мы с тобой должны...

— Всех оставить в дураках.

— Грубовато сказано, парень, но суть ты ухватил верно. Давай так рассуждать: жизнь — это иллюзион, вернее, *могла* бы стать волшебным представлением, если бы люди не отгораживались друг от друга. Людям надо подбрасывать хоть маленькую тайну, сынок. Так вот: пока в городе не примелькался наш египетский друг, пока он не надоел хозяевам, как назойливый визитер, нужно посадить его на верблюда и отправить по расписанию в обратный путь. Приемали!

На почтамте было темно, лишь в вестибюле горела одинокая лампочка. За огромной витриной, рядом с выставленной для обозрения мумией, застыл шериф; оба молчали, покинутые зеваками, которые отправились ужинать и глазеть на фейерверки.

— Чарли, — полковник достал пакет из грубой бумаги, внутри которого что-то загадочно булькало, — дай мне тридцать пять минут, чтобы подпоить шерифа. Затем ты, наострив уши, пробираешься в помещение, выполняешь мои команды и творишь чудо. Ну, была не была!

И полковник исчез.

За городской чертой выступление мэра сменилось фейерверками.

Взобравшись на квадратную крышу автомобиля, Чарли с полчаса глядел на яркие вспышки. Прикинув, что время, отведенное на спаивание, истекло, он перебежал через дорогу, мышью проскользнул на почтамт и притаился в темном углу.

— Почему бы, — говорил полковник, вклинившись между египетским фараоном и шерифом, — вам не оприходовать эту бутылочку, сэр?

— Плевое дело. — Шериф не возражал.

Полковник, наклонясь, разглядывал в полутьме золотой амулет на груди мумии.

— Вы верите в старинные предания?

— Какие еще предания? — не понял шериф.

— Вот тут начертаны иероглифы: если прочесть их вслух, мумия оживет и начнет ходить.

— Хрен собачий, — выговорил шериф.

— Вы только посмотрите на эти любопытные египетские символы! — настаивал полковник.

— Кто-то у меня очки свистнул. Читайте сами, — сказал шериф. — Пусть-ка этот сухарь перед нами походит.

Чарли воспринял это как сигнал к действию и, не выходя на свет, подкрался вплотную к египетскому правителю.

— Начнем. — Сложив ладонь корабликом, полковник незаметно сунул очки шерифа к себе в боковой карман и наклонился еще ближе к фараонову амулету. — Первый символ — ястреб. Второй — шакал. Третий — сова. Четвертый — желтый лисий глаз...

— Ну а дальше-то что? — поторопил шериф.

Полковник был рад стараться, его голос то возвышался, то затихал, шериф согласно кивал головой, и вдруг все египетские картинки и слова пошли кругом; тут старик удивленно ахнул:

— Что делается, шериф, смотрите!

Шериф выпучил глаза.

— Мумия, — изрек полковник, — хочет выйти погулять!

— Быть такого не может! — закричал шериф. — Быть такого не может!

— Может, — прошелестело где-то рядом — похоже, из уст фараона.

Неведомая сила сдвинула мумию с места, подняла и увлекла к выходу.

— Эй! — завопил шериф со слезами на глазах. — Держи! Уйдет!

— Пойду-ка я следом, надо ее вернуть, — сказал полковник.

— *Да побыстрей!*

Мумия скрылась из виду. Полковник выбежал на улицу. Хлопнула дверь.

— Ну и дела. — Шериф потряс бутылку. — Пусто!

Перед домом Чарли полковник притормозил.

— Твои родители заглядывают на чердак, парень?

— Им там не разогнуться. Они меня отправляют, когда нужно что-нибудь найти.

— Отлично. Вытаскивай нашего египетского друга с заднего сиденья — он не страдает лишним весом, в нем и десяти кило не будет, ты с ним легко управился, Чарли. Это, доложу тебе, было зрелище! Ты выбегал из дверей, а казалось, будто мумия движется своим ходом. Видел бы ты физиономию шерифа!

— Надеюсь, ему за это не влетит.

— А, набьет себе шишку и сочинит душераздирающую историю. Не станет же он признаваться, что видел ходячую мумию, правда? Придумает отговорку, организует поиски, вот увидишь. Не мешкай, сынок, проводи наверх этого субъекта, хорошенько его спрячь и навещай каждую неделю. По ночам корми разговорами. А лет через тридцать-сорок поступишь так...

— Как? — не утерпел Чарли.

— В год, когда скука уже хлынет через край и закапает из ушей, когда город забудет про нынешнее пришествие и исход, ты проснешься утром и не захочешь подниматься с постели, не захочешь даже пошевелить ушами или поморгать, потому что все до смерти надоело... Вот в такое утро, Чарли, просто поднимись на захламленный чердак, вытащи оттуда мумию, подбрось ее на кукурузное поле и смотри, как будут неистовствовать совсем другие толпы. С того момента и с того дня для тебя, для города, для всех горожан настанет совсем другая жизнь. А теперь, парень, ступай — тащи, прячь!

— Жалко, что такой вечер кончился, — еле слышно сказал Чарли. — Может, покатаемся еще вокруг квартала, выпьем по паре стаканчиков лимонада у вас на веранде? И этого с собой захватим.

— Выпить лимонаду — это хорошо. — Полковник Стоунстил вдавил педаль в пол. Машина взревела и ожила. — За блудного фараонова сына!

Поздним вечером в День труда оба снова устроились на веранде в доме полковника; каждый, подставив лицо ветерку, прихлебывал лимонад, от которого во рту оставались крошки льда, и смаковал вкус невероятных событий.

— Ух, — сказал Чарли, — скорей бы увидеть заголовки в завтрашнем «Кларионе»: БЕСЦЕННАЯ МУМИЯ ПОХИЩЕНА, РАМЗЕС-ТОТ ИСЧЕЗ. УТРАЧЕНА ВЕЛИКАЯ НАХОДКА. ПРЕДЛАГАЕТСЯ ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ. ШЕРИФ ТЕРЯЕТСЯ В ДОГАДКАХ. ВОЗМОЖЕН ШАНТАЖ.

— Продолжай, парень. Складно у тебя выходит.

— От вас научился, полковник. Теперь ваша очередь.

— Что ты хочешь от меня услышать, парень?

— Про мумию. Что это такое? Из чего сделано? Откуда взялось? И вообще, как это понимать?

— Но, мальчик мой, ты же стоял рядом, помогал, видел...

Чарльз пристально поглядел на старика.

— Нет. — Глубокий вздох. — Расскажите своими словами, полковник.

Старик встал со своего места и остановился в полумраке меж двух кресел-качалок. Протянув руку, погладил приклоненный к дверному косяку древний шедевр домашнего изготовления — ни дать, ни взять, отборный табак и высушенный нильский ил.

В небе умирал последний праздничный фейерверк. Его отсветы гасли в лазуритовых глазах мумии, которая, как и мальчик, выжидательно смотрела на полковника.

— Хочешь знать, кем раньше был наш знакомец?

Полковник наскреб у себя в легких пригоршню праха и мягко выдохнул ее в осенний воздух.

— Он был всем, никем и кем-то. — Мгновение тишины. — Был тобой. И мной.

— Дальше, — прошептал Чарли.

«Дальше», — говорили глаза мумии.

— Это всего-навсего, — негромко продолжал полковник, — пачка старых журналов, что копятя на чердаке, прежде чем полыхнуть языками забытых истин. Это — связка папируса, оставленная на осеннем поле задолго до Исхода,

это картонное перекаати-поле, отнятое ветром у времени и гонимое то вослед ушедшим сумеркам, то навстречу грядущему рассвету... Может, это обрывки никотиново-дурманных видений, что развеваются на флагштоке, суля каждому все на свете и еще кое-что впридачу... Это карта Сиама и верховьев Голубого Нила, это дьявольски пыльный жар пустыни, конфетти оброненных билетов, пожелтевшие и припорошенные песком дорожные атласы, дальняя поездка, которой не будет, и отчаянная вылазка, которая начинается во сне. А тело?.. М-м-м... оно... из увядших букетов многочисленных свадеб, из тягостных давних похорон, из телеграфных лент, что опоясали землю после отгремевшего марша, из старых расписаний ночных поездов для недремлющего фараона. Сгодились и письменные обязательства, обесцененные акции, мятые расписки. Даже цирковые афиши — видишь? Вот здесь, где грудная клетка. Плакаты, сорванные со стен в деревне Северный Шторм, что в штате Огайо, и переправленные на юг, поближе к Гармонии, штат Техас, или на Землю Обетованную, где царствует Калиф Орния! Протоколы о намерениях, объявления о помолвках и крещениях... все, что возникло из нужды и надежды, первая монетка в кармане, доллар в рамочке над стойкой бара. Обои, прожженные испепеляющими взорами, а на них надпись, вытравленная глазами мальчиков и девочек, старых неудачников и придавленных годами женщин: «Завтра! Да! Быть по сему! Завтра!» Здесь все, что умирало много ночей подряд и снова возрождалось, здесь хвала человеческому духу, а кое-где редкие новые рассветы. Бессловесные и самые причудливые тени, какие только ты можешь вообразить, а я — мысленно нарисовать тушью в три часа ночи. Все перемолото до неузнаваемости, а потом слеplено нашими собственными руками у нас же на глазах. Вот это он и есть — старый правитель, фараон Седьмой Династии Священного Праха Собственной Персоной.

— Ничего себе! — вырвалось у Чарли.

Полковник опустилсЯ в кресло и опять стал раскачиваться, прикрыв глаза и улыбаясь.

— Полковник, — Чарли бросил взгляд в будущее, — а вдруг мне в старости вовсе и не потребуется никакая му-
мия?

— Это как?

— Ну, если у меня в жизни будет полно всякой всячи-
ны: некогда будет скучать, найдется интересное дело, кото-
рым я и займусь, каждый день будет прожит с толком, каж-
дый вечер — с приключениями, по ночам буду крепко спать,
по утрам — просыпаться с радостью, буду много смеяться и
к старости приду на всех парусах, что *тогда*, полковник?

— Тогда, парень, ты будешь самым счастливым челове-
ком на всем белом свете, клянусь Богом!

— Хотите знать, полковник, — Чарли смотрел на него
круглыми немигающими глазами, — что я решил? Я стану
великим писателем.

Полковник остановил качалку и взгляделся в чистый
огонь, озаривший детское лицо.

— Боже правый, я это *вижу*. В самом деле. Так оно и бу-
дет! Ладно, Чарльз, тогда, дожив до старости, ты найдешь
какого-нибудь парня, которому повезло меньше твоего, и
передашь ему Озириса-Ра. Может, твоя жизнь и будет пол-
ной чашей, но другим, заплутавшим в дороге, очень кстати
придется наш египетский друг. Договорились? Договори-
лись.

Отцвели последние огни фейерверка; среди нежных
звезд плыли прощальные воздушные шары. Машины и го-
рожане потянулись на покой, отцы и матери несли на ру-
ках сомлевших ребятишек. Проходя мимо дома полков-
ника Стоунстила, некоторые участники этого тихого шест-
вия заглядывали на веранду, чтобы помахать старику, маль-
чику и долговязому слуге, который скромно стоял поодаль.
Вечер завершился навсегда. Чарли попросил:

— Расскажите еще что-нибудь, полковник.

— Нет. У меня все. Теперь послушай нашего приятеля.
Пусть предскажет твое будущее, Чарли. Пусть навеет сюже-
ты для первых рассказов. Готов?

Налетел ветер: он проник в сухой папирус, поиграл вет-
хими лоскутами, привел в движение удивительные руки и

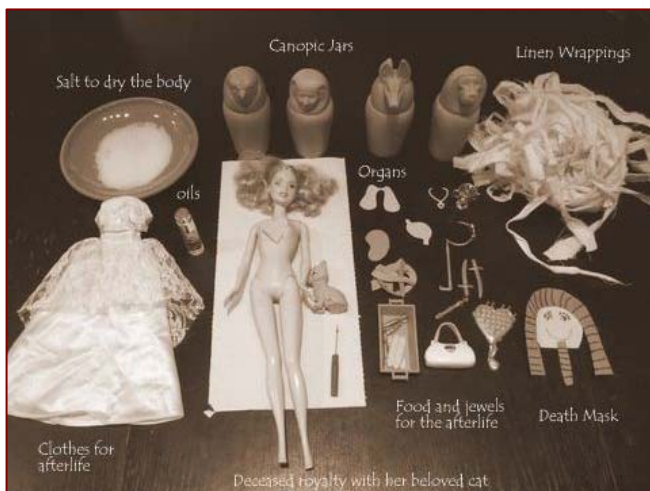
чуть подрагивающие губы старого, то есть нового знакомого, ночного гостя, которому стукнуло четыре тысячи лет.

— Что он тебе вещает, Чарльз?

Чарли зажмурился, выждал и прислушался, согласно кивая; лишь когда по щеке сбежала одинокая слезинка, он нарушил молчание:

— Все как есть. Ну просто все. Все как я хотел.

Мумификация куклы Барби. Фот. с сайта joshchandratravel.blogspot.com

Стюарт Т. Смит

**РАСПЕЛЕНАНИЕ МУМИИ:
Голливудские фантазии и
египетские реалии**

Древний Египет — одна из самых популярных тем «археологического» кино. Египет выступает экзотическим фоном самых разных сюжетов и кинофильмов, от эпических блокбастеров до триллеров категории Б и «мягкого порно». Эта голливудская египтомания широко использует популярность Египта в изящных и декоративных искусствах — явление, восходящее к временам, когда будущий император Наполеон восхищался исчезнувшей египетской славой. Его военную экспедицию в Египет в 1798 г. сопровождала первая в истории междисциплинарная команда ученых. Чудесные публикации 1802-1828 гг. пробудили неослабевающий интерес ко всему египетскому. Новосозданные национальные музеи и богатые коллекционеры чувствовали себя обязанными заполучить хоть какие-нибудь египетские древности. Архитекторы вдохновлялись египетскими мотивами, фирма «Веджвуд» выпускала «египетские» чайные сервизы (Humbert et al. 1994).

Посещение музея или путешествие в Египет обязательно предполагали близкую встречу с мумией. Уже к 1833 г. мумии стали настолько популярны, что отец Жерамб, советник правителя Египта Мухаммеда Али, юмористически замечал: «Из Египта едва ли респектабельно возвращаться без мумии в одной руке и крокодила в другой» (Ikram and Dodson 1998:87). Продавались билеты на сеансы распеленания мумий, ставшие последним пискom моды в состоятельных слоях общества. С появлением в конце XIX в. нового и популярного художественного средства, кинематографа, киноленты о Египте вошли в число первых фильмов, включая «Клеопатру» 1899 г., где злодей, строивший дьявольские планы, оживлял мумию египетской царицы.

Древнеегипетские мумии, без сомнения наиболее популярная из связанных с Египтом тем, не так давно вновь ворвались в кинотеатры благодаря «Мумии» (1999), насыщенному эффектами римейку студии «Юниверсал», и ее продолжению, «Мумия возвращается» (2001). Мы сравним отображение Древнего Египта в этих и некоторых других фильмах со сведениями, почерпнутыми из археологии и египтологии, что позволит осветить различия между гол-

ливудскими мумиями, а также распространенными представлениями о египетских верованиях и практиках, с реальностью смерти и погребения в Древнем Египте — где мумии действительно играли центральную, но в целом, скажем так, не столь подвижную роль.

Мумии на пленке – Древний Египет в кино

Египет, 4000 лет назад, земля странных ритуалов и варварской жестокости....

Трейлер фильма «Мумия» (1959)

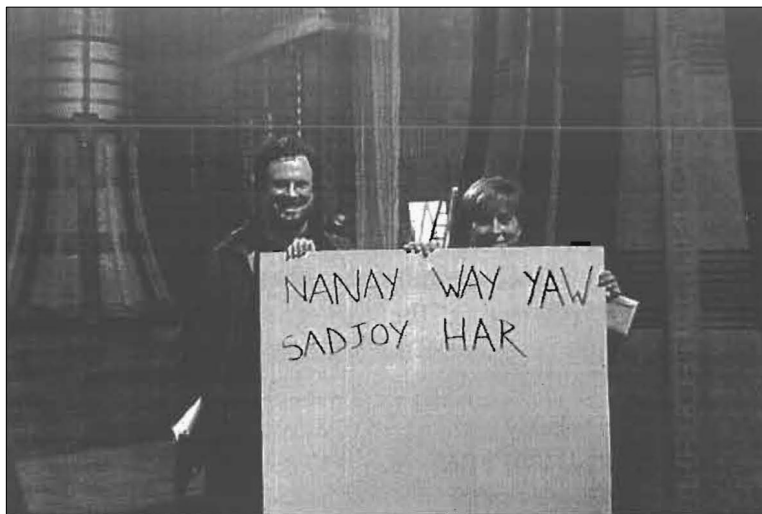
Фильмы о Древнем Египте подразделяются на три основные категории, которые часто смешиваются: 1) библейский / костюмированный эпос; 2) Клеопатра; 3) мумии. Для двух постановок «Десяти заповедей» Сесилия Б. Демилля (1923 и 1956) были созданы роскошные декорации, подчеркивавшие эпические свойства библейского нарратива и ставшие этапными в развитии жанра. Вторая и финансово чрезвычайно успешная версия снималась в Египте и могла похвалиться звездным составом научных консультантов, включая египтологов Уильяма Хейса и Лабиба Хабачи. К несчастью, это не помогло избежать серьезных ошибок в костюмах, реквизите и декорациях; самой заметной из них были кричащие костюмы. Египтяне не имели доступа к цветостойким краскам, носили главным образом белые хлопковые одежды и, конечно, никогда не надевали золотую парчу! Хотя действие кинофильма «В поисках утраченного Ковчега» (1981) приурочено к 1936 г., в нем была сделана попытка возродить величественную эпiku прежних кинокартин; основная предпосылка, относящаяся к области библейской археологии и связанная с разграблением Иерусалима фараоном Шешонком в 925 г. д. н. э., была на удивление правдоподобна, но все остальное никак не отличалось историче-

ской достоверностью. Сравнительно недавний научно-фантастический эпос «Звездные врата» (1994) также обращался к традиции библейских фильмов с их грандиозными декорациями, роскошными костюмами и многотысячными толпами статистов», а Древний Египет вновь выступал экзотическим и чувственным фоном экранного повествования. Этот кинофильм удивительно точен, за исключением, разумеется, вдохновленной Эрихом фон Деникеном идеи контакта с космическими пришельцами¹. Создатели «Звездных врат» также черпали вдохновение из фильмов о Клеопатре, в которых подчеркивалась экзотичность и чувственность последней царицы Египта — и редко обращалось внимание на то, что она происходила из рода македонских завоевателей Египта и потому была представительницей скорее эллинистического, нежели египетского мира. Подобные образы экзотического Востока восходят к античности и римским взглядам на Клеопатру и восточные цивилизации Средиземноморья в целом, но были также отмечены Саидом (1978) в качестве одного из характерных признаков ориентализма. Свойственный Западу взгляд на восточных «других» окрашивает большинство фильмов о Египте, о чем говорит и приведенный выше эпиграф.

Фильмы о мумиях включают элементы других «египетских» поджанров: это тот же чувственный, таинственный Восток с экзотическими декорациями и костюмами. Благодаря этим фильмам возник распространенный образ археолога как искателя приключений, встречающегося с неведомым и ужасным. Появление фильмов о мумиях часто связывается с шумихой вокруг гробницы Тутанхамона и особенно слухами о проклятии, приводившем к смерти уча-

¹ Режиссер Роланд Эммерих, продюсер и сценарист Дин Девлин и ведущие актеры «Звездных врат» стремились к правильности исторического фона и звучания египетского языка; поэтому на всех стадиях производства фильма я был задействован в качестве консультанта. Наряду с неподдельным интересом к египтологии, им требовалось поместить невероятную историю о космических пришельцах в как можно более достоверный контекст (*Здесь и далее, помимо указанных, прим. авт.*).

стников данного археологического проекта (Cowie and Johnson 2002). Литературный образ оживающей мумии, однако, появился за сотню лет до поразительного открытия Говарда Картера (1922) и иконической «Мумии» студии «Юниверсал» (1932).

Автор на съемочной площадке «Звездных врат». Надпись на суфлерской карточке переводится как «Меня это не забавляет». Такие карточки помогли Джею Дэвидсону, исполнителю роли Ра, не путаться в репликах.

Фильмы о мумиях вдохновлялись литературными произведениями, подчеркивавшими таинственное и ужасное, наподобие «Ножки мумии» (1840) французского ориенталиста Теофиля Готье. Наибольшее влияние оказали на них два написанных в 1890 г. рассказа Артура Конан Дойля, увлекавшегося оккультизмом. В рассказе «Номер 249» студент-египтолог, со смертоносными последствиями, с помощью папируса с заклинаниями оживляет и контролирует мумию. В конце концов герой заставляет злого гения сжечь и мумию, и свиток папируса. В «Кольце Тота» египтолог

встречает в Лувре не подверженного старению египтянина, который пытается распеленать мумию (сам он оставался в живых 3,000 лет благодаря особому эликсиру). Мумия — его давно утраченная возлюбленная, и он стремится не оживить ее, но присоединиться к ней в смерти. Первый рассказ был очевидным источником образа Хариса, ковыляющей мумии из фильмов ужасов, второй — проклятого египетского жреца Имхотепа в исполнении Бориса Карлоффа. Несмотря на это, вклад Конан Дойля в фильмы о мумиях остался незамеченным (Lupton 2003).

После «Клеопатры» 1899 г. и до открытия гробницы Тутанхамона было снято не менее двух дюжин фильмов о мумиях. Но именно «Мумия» Карла Фройнда (1932, студия «Юниверсал») с Борисом Карлоффом в главной роли соединила в себе основные сюжетные элементы и стала образцом для подражания. В этом фильме археологи обнаруживают гробницу жреца Имхотепа, который был проклят и сожжен заживо за похищение Свитка Тота и попытку воскресить принцессу Анхесенамон. Пренебрегая проклятием, один из археологов читает свиток вслух и оживляет мумию, которая начинает разыскивать утраченную возлюбленную и наконец узнает ее реинкарнацию в героине, Элен Гросвенор, наполовину египтянке. Заканчивается все тем, что богиня Исида сжигает Свиток Тота, а побежденный Имхотеп рассыпается в прах.

Представление о способных двигаться мумиях не была абсолютно чуждо египтянам. Около 1865 г. для музея Булак (сегодня Египетский музей в Каире) на тогда еще легальном рынке древностей был приобретен папирус, излагающий «Сказание о Сатни-Хаэмуасе и мумиях». Весьма вероятно, что это поразительно сложное сказание, ряд сюжетных элементов которого совпадает с «Мумией» (Simpson 2003:453-469), послужило одним из источников для сценариста фильма Джона Балдерстона — в свое время он работал в журналистике, освещал открытие гробницы Тутанхамона и неплохо разбирался в египтологии (Lupton 2003). По результатам палеографического анализа папирус датируется ранним птолемейским периодом (ок. 300-200 д.н.э.),

но само сказание может восходить к эпохе Нового царства, когда и жил протагонист (ок. 1250 д.н.э.). Сатни пытается похитить из гробницы проклятую Книгу Тота; ему противостоит мумия Нанефер-Ка-Пта и духи жены и ребенка последнего. Сатни игнорирует их повествование о разрушительных последствиях святотатства, заключавшегося в похищении свитка, который ныне скрыт в гробнице от смертных. Позднее Сатни осознает свою ошибку и возвращает свиток, а во искупление греха соглашается воссоединить мумию Нанефер-Ка-Пта с мумиями его жены и сына, погребенными вдалеке от нее. В эпизоде, поразительно напоминающем сцену с мумией Имхотепа, Нанефер-Ка-Пта предстает стариком и указывает Сатни путь к могиле родных.

В «Мумии» Имхотеп с помощью магии нападает, парализует и подчиняет людей своей воле. Эти действия и судьба Имхотепа находят некоторые параллели в действительных событиях периода Нового царства. В административных документах, найденных в Фивах, рассказывается о группе заговорщиков, которые были арестованы и найдены виновными в краже священной книги заклинаний и попытке убить с ее помощью фараона Рамзеса III (ок. 1151 д.н.э.). В свитках с судебными записями повествуется и о преступлении, и о «великом наказании смертью», каким боги решили покарать заговорщиков (Redford 2002). По меньшей мере один из них — возможно, сын Рамзеса III Пентавер — был, вероятно, похоронен заживо в неотмеченном гробу, найденном среди 37 царских мумий в Дейр эль-Бахри. Священный и плотно перевитый бинтами, «Неизвестный Е» претерпел еще одно оскорбление — его зашили в овчину, считавшуюся ритуально нечистой (Brier 2006). Эта археологическая находка явно повлияла на сценарий Балдерсто-на и весь поджанр фильмов в мумиях в целом.

Вся серия более поздних фильмов категории Б, выпущенных «Юниверсал» и начатая «Рукой мумии», заметно отличается от классической ленты 1932 г. Мумифицированный персонаж Харис так и остается в них мумией; это своего рода мстительный автомат, направляемый жрецом из тайного жреческого братства в Карнаке (примечательна бли-

зость этого сюжетного элемента к «Номеру 249» Конан Дойля). В каждом из фильмов археологи платят наивысшую цену за осквернение египетских могил и гибнут от руки Хариса. Мстительное, неуклюжее чудовище стало стало образом-прототипом многочисленных киномумий, включая римейк «Мумии» 1959 г. (киностудия «Хаммер»).

Четвертый фильм хаммеровской серии о мумиях, «Кровь из гробницы мумии» (1972), почерпнул ряд элементов из романа Брэма Стокера «Сокровище семи звезд». Здесь мы также видим проклятую гробницу — могилу царицы-колдуньи Теры, искательницы бессмертия. Не обращая внимания на предупреждения, археологи вламываются в гробницу и освобождают дух Теры, который вселяется при рождении в дочь египтолога. Девочка превращается в девушку, а тем временем царица пытается все больше и больше подчинить ее своей воле. Археологи пытаются загнать душу царицы обратно в мумию, естественно, с самыми пагубными последствиями. Несмотря на мистическую и оккультную окраску, в романе Стокера содержится немало исторически и археологически достоверных деталей. В египетской магии были известны защитные средства против злых духов, вселяющихся в младенцев (Pinch 1994: 147-160); кстати говоря, это некоторое исключение, так как в египетской теологии отсутствуют какие-либо идеи реинкарнации. На это указано в римейке 1980 г. («The Awakening»)², который является, возможно, археологически наиболее достоверным из всех фильмов о мумиях.

Недавние блокбастеры «Юниверсал», «Мумия» и «Мумия возвращается», насыщены всеми элементами поджанра. Мумию оживляет в них заклятие из «Книги мертвых»; вначале мумия выступает чудовищем, затем приобретает облик могущественного мага, мечтающего оживить свою утраченную возлюбленную Анхесенамон. К базисному сюжету, знакомому по прочим фильмам о мумиях, прибавляет-

² Фильм М. Ньюэллы известен под названиями «Воскрешение из мертвых», «Алмаз семи звезд Брэма Стокера», «Пробуждение», «Воскрешение» (Прим. перев.).

ся щедрая доза археологических приключений в духе Индианы Джонса и щепотка библейских мотивов — своего рода апокалиптический Исход.

Реальные мумии: Археология посмертной жизни в Древнем Египте

*Ya-HEY TIY-soo (Эгей! Вставай!)
SISH-roo en-ak TA-pak (Получи свою голову!)
YIN-qoo en-ak qes-AW-ak (Собери свои кости!)
SIA-qoo en-ak 'ey-OOT-ak (Сложи свои конечности!)
WIKH-aoo en-ak TAA ya-RA ya-WEF-ek
(Отряхни землю со своей плотью!)³*

Голливудские фильмы делают упор на запретной магии, беснующихся мумиях и проклятиях; все это имеет под собой некоторые египтологические основания, но во многом скрывает сложные реалии и тонкости древнеегипетских религиозных верований в загробную жизнь. Будем справедливы: упор на сенсационность — результат влияния ранней египтологии с ее стремлением к эффектным находкам и, как следствие, раскопкам гробниц знати, артефактами из которых полны европейские и американские музеи. Как ни иронично, в сценарии «Мумии», написанном Балдерстоном, сэр Джозеф Уэмпл, руководитель экспедиции Британского музея, заявляет, что «мы больше узнали, изучая разбитые черепки, чем из всех сенсационных находок вместе взятых — и наш долг состоит в преумножении знаний человечества о своем прошлом, а не удовлетворении собственного любопытства» (Riley 1989:A-3).

³ Тексты пирамид, заклятие 373, ок. 2300 г. д.н.э. (Faulkner 1969), произношение реконструировано мною для кинофильма «Мумия возвращается» (2001). Прописными буквами выделены ударения. Не произносить по соседству с мумиями!

Может показаться, что приведенное выше заклятие, взятое из текстов пирамид, было призвано оживить труп; на самом деле, задачей его было оживление мертвых не в этой, а в загробной жизни. Тем не менее, мертвые не покидали навсегда землю, уносясь в далекие небеса. Египтяне верили, что умершие остаются привязаны к обоим мирам и путешествуют между ними. Мумии служили сосудом, местом обитания душ в гробницах (Ikram and Dodson 1998). Здесь они могли получать приношения и выслушивать просьбы живых. Около 3,000 лет назад писец Бутехамун оставил трогательное послание у мумии своей жены. «Хорошо ли тебе? Как ты?..» — спрашивал он. — «Увы, о прекрасная, равной которой нет... тебя отобрали у меня... О Ахтаи, грациознейшая из женщин» (Romer 1984:187).

Более того, в гробницах, храмах и домах археологи обнаружили папирусы, амулеты и приношения мертвым по обету, отражавшие веру в то, что умершие могут как положительным, так и негативным образом вмешиваться в дела живущих. Они могли помогать людям, защищая их от демонов, но также насылать болезни и несчастья (Pinch 1994). В одном из эпизодов сказания о Сатни, который наверняка понравился бы Голливуду, дух Нанефер-Ка-Пта терзает героя снами, наполненными эротическими ужасами, чтобы побудить его вернуть Книгу Тота (Simpson 2003:453-469). Духи могли также физически напасть на живущих, особенно на тех, что оскверняли их гробницы. В надписи, помещенной на видном месте в гробнице, Анхмагор угрожает: «Что же до каждого, кто войдет в эту гробницу, будучи нечистым... Я схвачу его, как гуся (сверну ему шею), я вселю в него страх, и он узрит призраков на земле, дабы все труслились превосходного духа» (Silverman 1997:146)⁴. В некоторых гробницах встречаются проклятия. Самое известное из них, однако — фальшивка. Романистка Мария Корелли просто позаимствовала старый арабский рассказ о древнем прокля-

⁴ Здесь и далее приведены несколько иные варианты перевода уже знакомых читателю по другим статьям антологии текстов древних угроз и проклятий (*Прим. перев.*).

тии, согласно которому «крылья смерти быстро достигнут любого, кто ступит в эту священную гробницу» (Silverman 1997:146).

Самих древних египтян больше занимало путешествие души по загробному миру, воспринимавшееся как серия испытаний с преодолением препятствий и божественным судом в конце. Тексты пирамид (ок. 2300 д.н.э.), развившиеся далее в тексты саркофагов (ок. 2000 д.н.э.), которые в свою очередь превратились в «Книгу мертвых» (ок. 1500 д.н.э.), представляли собой постоянно уточнявшиеся и пополнявшиеся путеводители по загробному миру с наставлениями для умерших (Hornung 1999). Египетские жрецы вкладывали в них громадные усилия и творческую энергию. Ранние поколения ученых были весьма разочарованы тем, что египтяне тратили столько сил именно на это, а не на философские и научные исследования. Впрочем, всесторонняя забота о мертвых может восприниматься как отражение трогательной любви к жизни и семье.

Растущее число амулетов защищало душу и тело умершего (Andrews 1994). Особенно часто встречаются скараabei, нередко надетые на средний палец левой руки. Они символизируют Хепри, ипостась солнечного бога Ра, представленного в виде обновленного восходящего солнца. Таким образом, скарабей был ярким символом воскресения умершего в загробном мире. На это и намекает в «Мумии» 1932 года Ардет-Бей, говоря, что Элен «взойдет вновь на Востоке, когда первые лучи Амона-Ра рассеют тьму» (Riley 1989:L-57). Египтяне верили, что душа обитает в сердце; в отличие от показанного в современной «Мумии», сердце при мумификации оставляли внутри тела⁵. В загробном мире сердце, как воплощение моральных качеств, взвешивалось на весах; на другой чаше находилось перо *Маат* (правды и добродетели). Если чаши весов уравновешивались, «голос души» определялся как «истинный» и она становилась бессмертной. Если же перевешивало перо, ужасное чудовище с кро-

⁵ Я указал на данную ошибку в комментариях к сценарию; тем не менее, этот момент был оставлен без изменений.

кодилей головой по имени Алат (Амт), буквально «пожирательница», проглатывало душу. Специально для тех, кто испытывал угрызения совести, на сердце клали скарабея с написанным на нем закланием из «Книги мертвых» (Faulkner 1990: no. 30b); сердцу предписывалось не свидетельствовать против умершего на божественном суде или склонить вниз чашу весов. Чтобы подстраховаться, египетские жрецы — вот истинные авторы идеи резервных программ! — разработали «отрицательное признание», список преступлений и святотатств, которых усопший не совершал (включая поедание жертвенной пищи, что было, видимо, довольно распространенным грехом!).

Мумия, найденная в фиванском некрополе. Исключительная сохранность типична для эпохи высшего развития искусства мумификации, начиная с Позднего периода (ок. 600 д.н.э. и далее). Фот. автора.

Заручившись благословением, умерший попадал на «Поля тростников и даров», где мертвые жили в своего рода бу-

колическом раю. Но посмертное существование не сводилось к одним только забавам и наслаждениям. Боги регулярно вызывали мертвых на работы в полях и садах этих божественных земель. Однако древнеегипетские жрецы достойно ответили на вызов, придумав ушебти (буквально — «ответчик»). Эти фигурки в форме мумий оживлялись еще одним заклятием из «Книги мертвых» (Faulkner 1996: no. 6) и отвечали «Вот он я!», когда боги призывали умерших к работе. В период Нового царства (около 1500 д.н.э.) число их начало увеличиваться и постепенно дошло до стандартных 365, по фигурке на каждый день года. На этом мысль жрецов не остановилась и они рассудили, что для каждого десятка рядовых ушебти требуется надзиратель в маленькой накрахмаленной юбке писца; так число ушебти дошло до 401. В Поздний период (около 600 д.н.э.) появились «бюджетные» наборы ушебти в виде отливок.

Систематическое исследование неповрежденных гробниц 17-18 династий (ок. 1650-1300 д.н.э.) в фиванском некрополе дало неожиданный и интересный результат: оказалось, что некоторые практики и артефакты, которые египтологи считали повсеместными, были прерогативой элиты (Smith 1991, 1992). К примеру, в «Мумии» 1932 г. доктор Мюллер с удивлением восклицает: «Внутренности не были удалены — отсутствует обычный шрам от ножа бальзамировщика!» Но Мюллер удивлялся совершенно напрасно. Вопреки распространенным представлениям, такой процедуре подвергали только тела высокопоставленных египтян — и даже в применении к этому привилегированному меньшинству, так поступали далеко не всегда. Рентгеновский анализ мумий архитектора 18-й династии Кха и его жены Мерит не показал никаких следов изъятия внутренних органов, хотя их усыпальница была богатейшей из когда-либо найденных (Curlo and Mancini 1968). То же относится к скарабеем на сердце, ушебти и «Книге мертвых». Кинематограф и египтология разделяют любовь к эффектам и культуре элиты, но в то же время обращают мало внимания на жизнь рядовых египтян. Люди попроще удовлетворялись самым существенным: ускоренной мумификацией (высушивание с

помощью поглощающего влагу натрона и обматывание тела бинтами), магической и физической защитой, которую обеспечивал гроб, одним-двумя скарабейми, несколькими предметами повседневной жизни и кое-какой едой для души, путешествующей в загробном мире.

Рядом с элитарной пирамидальной гробницей на колониальном кладбище Нового царства в Томбосе (суданская Нубия) было найдено необычное погребение, которое рисует более прозаическую картину погребальных обычаев (см. иллюстрацию). На шее похороненного ребенка была найдена нитка с маленькими амулетами, в том числе фигурками популярного божественного карлика-защитника Беса и богини-гиппопотама Таурт, покровительницы женщин и детей. И хотя это были простые предметы, сделанные из стекла, нетрудно было представить осиротевших родителей, отправляющих любимое дитя в загробный мир с лучшими средствами защиты, какие они могли себе позволить — мумией, гробом, ожерельем из амулетов.

Раскопки продолжались, и вскоре выяснилось, что ребенок был похоронен лицом вниз — достаточно исключительный случай, однако известный и по некоторым погребениям в самом Египте (Smith 2003). Мумия богатого жителя Фив по имени Боки говорит о том, что это делалось не намеренно, а являлось результатом ошибки. Боки был обычным образом забинтован, можно было ясно различить ноги и нос (Hayes 1935) — но, когда покровы были сняты, археологи увидели, что тело Боки лежит лицом вниз. Очевидно, бальзамировщики во время работы запомнили, какая сторона мумии должна быть сверху — и скрыли свою ошибку с помощью набивки, изготовив искусственные ноги и нос!

Все дело в упаковке: Голливуд и современная мифология мумий

Самое главное в нашей прежней египетской жизни — не надписи, не памятники, которым вы уделяете столь много внимания... а наша магическая философия и мистические познания, о которых вы либо говорите очень мало, либо не упоминаете вовсе.

Сосра — египтологу
(А. Конан Дойль, «Кольцо Тота»)

Недавний успех «Мумии» и ее продолжения показал, что поджанр фильмов о мумиях по-прежнему завораживает публику. Желая придать обоим кинофильмам атмосферу достоверности, команда «Юниверсал» наняла меня, поручив мне восстановить звучание разговорного египетского языка. Представление о том, что звучание древней египетской речи неизвестно — это миф, восходящий к ошибочной римской трактовке иероглифов как символической системы. Несмотря на их внешний вид, иероглифы являются записью слов и, таким образом, первым в мире фонетическим алфавитом⁶. Гласные, не употреблявшиеся на письме, и ударения реконструируются путем сравнения с коптским, а также клинописными и греческими транскрипциями египетских имен (Loprieno 1995).

Коптский язык представляет собой очень позднюю стадию египетского и все еще используется как литургический язык в коптской христианской церкви. Примерно с 200 г. н.э. он записывался, с включением гласных, модифицированным греческим алфавитом. Некоторые египетские слова и грамматические формы, обычно содержащиеся в именах (таких, как «Рамзес», буквально «Ра-породил-его»), можно найти в дипломатической переписке, написанной

⁶ Шумерский старше, но состоит из логограмм.

аккадской клинописью (силлабическим письмом), этой дипломатической «лингва франка» эпохи, особенно в Амарнском и Хеттском царском архивах (ок. 1400-1200 д.н.э., что совпадает со временем, к которому приурочено действие египетских эпизодов в кинофильмах). Так, имя «Рамзес» изначально произносилось примерно как REE-ah-ma-SAY-soo — что сильно отличается от стандартного египтологического произношения, где удобства ради игнорируются и согласные, и силлабическая структура⁷.

Стивен Соммерс, сценарист и режиссер, во время съемок держал мои археологические комментарии рядом со сценарием и воспользовался кое-какой информацией. Героиня, например, правильно называет мастерскую бальзамировщиков *Sah-Netjer*. Соммерс также избегал использования самоцветов и сделал оружие не железным, а бронзовым. Наконец, для обозначения стражи фараона он применил термин *Medjay* — что стало, пожалуй, самой любопытной египтологической тонкостью фильма. Нубийские кочевники-меджаи во времена Нового царства составляли отборный полицейский отряд, а в фильме дожили до наших дней в виде воинов пустыни, которые защищают потерянный город Хамунаптру.

Некоторые элементы фабулы кажутся невероятными, но согласуются с археологическими открытиями. К примеру, хотя обычные скарабеи (навозные жуки) питаются не плотью, а навозом, в «Книге мертвых» говорится о страшных жуках *Apshai*, грозивших поглотить умерших во время их полного опасностей путешествия в загробном мире (Faulkner 1994). Сцена, в которой злодейка Анксунамун сражает-

⁷ Это дает право на существование одной из главных предпосылок «Звездных врат»: герой, который сперва не понимает язык другого мира, быстро осваивает способ общения, что и поясняет египтолог Дэниэль Джексон (Джеймс Спейдер) в написанном мною диалоге. Отметим, что в нескольких кинофильмах звучит древнеегипетский язык в египтологическом произношении, в том числе в «Мумии» (1932), однако там Ардет-Бей произносит царские имена, а не подлинные заклинания (Riley 1989).

ся с героиней, Нефертари (действительная царица при Рамзесе II, наследнике Сети I), сочетает голливудскую чувственность с обычным придворным развлечением Нового царства, поединками между солдатами и иностранцами (но *никогда* не между полуодетыми принцессами!).

В других случаях создатели фильма пожертвовали точностью. Например, я сообщил Sommerсу, что копии «Книги мертвых» являются самыми распространенными из сохранившихся египетских папирусов и хранятся в многочисленных музеях по всему миру; но на экране, эффекта ради, «Книга мертвых» стала легендарным и уникальным томом в массивном переплете с застёжками, а не обычным свитком. Самая вопиющая ошибка, вероятно, связана со сценами мумификации — вопреки моим советам, показаны не четыре, а пять сосудов-каноп. В канопах хранились мумифицированные отдельно внутренние органы (Ikram and Dodson 1998), которые никогда не включали сердце — пятый сосуд в фильме, скорее всего, был почерпнут из хаммеровского римейка 1959 года. В редких случаях сердце при бальзамировании временно изымали, но затем всегда возвращали в грудную полость.

Фильмы Sommerса — создания воображения, вдохновленные десятками кинофильмов о мумиях. Исходные киноленты, в свою очередь, черпали вдохновение у популярных писателей наподобие Брэма Стокера и Артура Конан Дойля. Модное в те времена спиритуалистическое течение и представления о «тайной мудрости» Египта повлияли на обоих авторов, что вылилось в идею реинкарнации и физического воскресения мумий. Проще простого возмущаться Голливудом, воспитывающим у зрителей искаженные представления, однако эти идеи на самом деле восходят к античности. Эллинистический мир воспринимал Египет как средоточие таинств, магии и чувственности. Как указывает Ян Ассман (2003), такое понимание Египта, пусть и искаженное, не стоит сбрасывать со счета. Эллинистический мир, наблюдая и искаженно воспринимая египетскую культуру того времени, сочетал ее с собственной, создавая гибридные философские системы и новые тайные культы. В

этой среде возник герметизм (Pinch 1994:161-177), включающий концепцию воскресения.

Приверженцы оккультизма утверждают, что верования, отразившиеся в герметическом корпусе (ок. 100-200 н.э.) имеют глубокие корни в египетской религии. Конан Дойль (1890а:74) выражает эти популярные взгляды словами Сосры. Замечание Сосры наглядно отражает фундаментальный разрыв между массовым, воображаемым Египтом и нашими археологическими и историческими знаниями о египетской цивилизации. Указанный разрыв восходит к расшифровке египетских иероглифов Шампольоном в 1822 г. Генеральность Шампольона состояла в осознании того, что иероглифы являются не символами или аллегориями, как воспринимает их герметическая философия, а прежде всего фонетическими знаками, записью слов. С тех пор в отношении Древнего Египта существовали два интеллектуальных течения: оккультное, подчеркивающее таинства и реинкарнацию, и академическое, основанное на переводах зачастую обыденных текстов и изучении черепков, которыми так восхищался сэр Джозеф в «Мумии» 1932 года.

Кинофильмы в действительности не создали мифы о мумиях; напротив, они отражают давно и глубоко укоренившиеся представления о характере древнеегипетской цивилизации. Древний Египет оставил нам богатые письменные, художественные, археологические свидетельства. Все они, взятые в совокупности, дают нам возможность взглянуть на жизнь не только элиты, говорящей с нами напрямую своими надписями и памятниками, но и обыкновенных мужчин и женщин, молчаливого большинства населения Египта, о котором часто забывают египтологи и кинорежиссеры. Археология может воссоздать деяния и веру людей, живших в далекие времена, но не оставивших исторических свидетельств о своей жизни. Археология способна одарить этих людей голосом, оживить их и заменить искаженное видение «мистического» прошлого Египта в кинофильмах и популярной культуре пониманием сложных верований и чаяний его древних обитателей.

Литература

- Andrews, Carol
1994 *Amulets of Ancient Egypt*. University of Texas Press, Austin.
- Assmann, Jan
2003 *The Mind of Egypt: History and Meaning in the Time of the Pharaohs*. Harvard University Press, Cambridge, MA.
- Brier, Bob
2006 *The Mystery of Unknown Man E*. *Archaeology Magazine* 59 (2):36-42.
- Conan Doyle, Arthur
1890a *The Ring of Thoth*. Перепечатано 1988 в *Movie Monsters, Great Horror Film Stories*, Peter Haining, ред., с. 66-83. Severn House, London.
1890b Lot No. 249. Перепечатано 1989 в *The Mummy. Stories of the Living Corpse*, Peter Haining, ред., с. 47-80. Severn House, London.
- Cowie, Susan D. and Tom Johnson
2002 *The Mummy in Fact, Fiction and Film*. McFarland, Jefferson, NC.
- Curto, S. and M. Mancini
1968 News of Kha and Merit. *Journal of Egyptian Archaeology* 54: 77-81.
- Faulkner, R. O.
1969 *The Pyramid Texts*. Clarendon Press, Oxford.
1994 *The Egyptian Book of the Dead*. Chronicle Books, San Francisco, CA.
- Gautier, Theophile
1840 The Mummy's Foot. Перепечатано 1989 в *The Mummy. Stories of the Living Corpse*, Peter Haining, ред., с. 126-136. Severn House, London.
- Hayes, William C.
1935 The Tomb of Neferkhewet and His Family. *Bulletin of the Metropolitan Museum of Art Egyptian Expedition* 30:17-36.

Hornung, Erik
1999 *The Ancient Egyptian Books of the Dead*. Cornell University Press, Ithaca, NY.

Humbert, Jean-Marcel, Michael Pantazzi, and Christiane Ziegler
1994 *Egyptomania: Egypt in Western Art 1730-1930*. National Gallery of Canada, Ottawa.

Ikram, Salima and Aidan Dodson
1998 *The Mummy in Ancient Egypt: Equipping the Dead for Eternity*. Thames and Hudson, London.

Loprieno, Antonio
1995 *Ancient Egyptian: A Linguistic Introduction*. Cambridge University Press, New York.

Lupton, Carter
2003 «Mummymania» for the Masses—Is Egyptology Cursed by the Mummy's Curse? В *Consuming Ancient Egypt*, Sally MacDonald and Michael Rice, ред., с. 23-46. University College London Press, London.

Pinch, Geraldine
1994 *Magic in Ancient Egypt*. University of Texas Press, Austin.

Redford, Susan
2002 *The Harem Conspiracy: The Murder of Ramesses III*. Northern Illinois University Press, DeKalb.

Riley, Philip J., ред.
1989 *The Mummy*. Universal Filmscripts Series Classic Horror Films, Volume 7. MagicImage Filmbooks, Absecon, NJ.

Romer, John
1984 *Ancient Lives: Daily Life in Egypt of the Pharaohs*. Holt, Rinehart and Winston, New York.

Said, Edward W.
1978 *Orientalism*. Pantheon Books, New York.

Silverman, David P., ред.
1997 *Ancient Egypt*. Oxford University Press, Oxford.

Simpson, William Kelley, ред.
2003. *The Literature of Ancient Egypt*. Third Edition. Yale University Press, New Haven, CT.

Smith, Stuart T.

1991 They Did Take It with Them: Requirements for the Afterlife Evidenced from Intact New Kingdom Tombs at Thebes. *KMT Magazine* 2(3):28-45.

1992 Intact Theban Tombs and the New Kingdom Burial Assemblage. *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts Kairo* 48:193-231.

2003 *Wretched Kush: Ethnic Identities and Boundaries in Egypt's Nubian Empire*. Routledge, London.

Stoker, Bram

1903 *The Jewel of the Seven Stars*. Переиздано 1999 Sutton, Phoenix Mill, Gloucestershire, UK.

Комментарии

М. Брод. Ожившие мумии

Русский пер. впервые: *Всемирный следопыт*, 1927, № 5. Публикуется по этому изд. с исправлением очевидных опечаток и некоторых устаревших особенностей орфографии и пунктуации.

Макс Брод (1884-1968) – чешский, позднее израильский немецкоязычный писатель, композитор, эссеист, публицист, автор 20 романов, многочисленных эссе, новелл, биографий и т.д. Известен как близкий друг, душеприказчик и пропагандист творчества Ф. Кафки; вопреки последней воле Кафки, сохранил для потомства значительную часть его сочинений.

Р. Говард. Безносый ужас

Этот рассказ Роберта Ирвина Говарда (1906-1936), одного из виднейших авторов pulp-эры, создателя Конана, Соломона Кейна и др. героев и одного из зачинателей жанра фэнтези «меча и колдовства» (или «колдовства и шпаги»), был написан в 1920-х гг. (видимо, не позднее 1928). Впервые: *Magazine of Horror*, 1970, февраль, под загл. «The Noseless Horror».

С. 20. ...*в левом крыле* – В оригинале «в правом». Здесь и на с. 24 мы позволили себе исправить эту явную ошибку или опечатку: как явствует из дальнейшего, и холл, где сэр Томас приветствовал гостей, и его кабинет находились именно в левом крыле усадьбы.

С. 28. ...*по методу Бертильона* – Имеется в виду французский юрист А. Бертильон (1853-1904), изобретатель системы идентификации преступников по их антропометрическим данным. В конце жизни занимался также дактилоскопией.

С. 28. ...*трость из терновника* – Традиционная ирландская, позднее английская трость из прочной древесины терновника; ис-

торически представляла собой, по сути, видоизмененную ирландскую дубинку.

С. 28. *Шелест шелка... всего* – Цит. из «Ворона» (1847) Э. А. По (1809-1849). Пер. В. Жаботинского.

Д. Фарнол. Черный кофе

Рассказ был опубликован в авторском сб. *The Shadow and Other Stories* (1929).

Джеффри Фарнол (1878-1952) – британский писатель, выходец из рабочей семьи. Учился в Вестминстерской школе искусств. В 1900-1910 гг. жил в США, работал художником-декоратором. По возвращению в Англию стал профессиональным писателем, опубликовал около 50 любовных и приключенческих романов и несколько сб. рассказов.

С. 46. *Есть многое в природе, друг Горацио...* – В. Шекспир, «Гамлет», акт I. Пер. М. Вронченко.

С. Квин. Пыль Египта

Впервые: *Weird Tales*, 1930, апрель, под загл. «The Dust of Egypt».

Сибири Гранден Квин (Quinn, др. транскрипции Куин, Квинн, 1889-1969) – американский писатель и юрист. Родился и прожил большую часть жизни в Вашингтоне; участвовал в Первой мировой войне, во время Второй мировой работал на правительство США. В качестве юриста был ведущим специалистом по похоронной юриспруденции, около 15 лет редактировал ведущий профессиональный журнал для похоронных контор. Первые рассказы опубликовал в 1917-18 гг.; с тех пор напечатал множество произведений, в основном рассказов (мистическая фантастика, ужасы, детективы и т.д.), являлся самым популярным и часто печатаемым автором знаменитого журнала *Weird Tales*. Наиболее известный герой Квина – оккультный детектив Жюль де Гранден, получивший девичью фамилию матери автора, один из самых за-

метных оккультных детективов в истории жанра. Его приключениям Квин посвятил 93 рассказа и писал о нем более четверти века (1925-1951). Египетские мотивы встречаются в целом ряде рассказов о де Грандене, включая последний из них, «Кольцо Бастет». Примечателен в этом смысле и посмертно изданный роман *Alien Flesh* (1977) – неожиданная для Квина эротическая фантазия о магическом превращении молодого египтолога в прекрасную женщину.

Публикуемый рассказ был навеян известием о смерти личного секретаря Говарда Картера, 46-летнего капитана Ричарда Беталла (Bethell), таинственно умершего в 1929 г. в своей постели в лондонском клубе (в свое время ходили слухи об отравлении, самоубийстве, удушении и т.п., а сама смерть приписывалась «проклятию Тутанхамона»). Непосредственным толчком могли послужить сообщения о самоубийстве отца Беталла, лорда Вестбюри, в феврале 1930 г.

С. 57. *Avec beaucoup de félicité... mon ami... Précisément* – С превеликим удовольствием... друг мой... Точно (фр.).

С. 58. *...mon Dieu* – Бог мой (фр.).

С. 58. *...кладбище Вейл* – Букв. «Долина» (Vale), созданное в 1857 г. кладбище близ Скенектади в штате Нью-Йорк, где похоронены многие состоятельные и именитые жители штата.

С. 59. *...Parbleu... outré... Exactement... Précisément, Mademoiselle* – Здесь: Ей-богу... потусторонним... Совершенно верно... Точно, мадемуазель (фр.).

С. 60. *...Асет* – Также Исет, вероятное древнеегипетское произношение имени богини, известной как Исида.

С. 60. *Eh bien...* – Ну хорошо (фр.).

С. 61. *...Бат-клубе* – Бат-клуб (Bath Club) – лондонский клуб со спортивным уклоном, основанный в 1894 и закрывшийся в 1981 г.

С. 62. *...Грантом, Шерманом и Фаррагутом* – Перечислены выдающиеся военачальники северян в года Гражданской войны в

США: У. Грант (1822-1885), будущий президент США, У. Шерман (1820-1891) и Д. Фаррагут (1801-1870).

С. 63. ...*открытие Розеттского камня Бушаром* – Розеттский камень, плита с идентичными надписями на древнеегипетском и древнегреческом языках, сыграл ключевую роль в расшифровке древнеегипетской письменности. Камень был обнаружен капитаном французских войск в Египте П.-Ф. Бушаром при сооружении форта близ г. Розетты (ныне г. Рашид).

С. 63. ...*Гаррисонвиллем* – Речь идет об имеющем мало общего с реальным Гаррисонвиллем городе, где живут Жюль де Гранден и его друг и хроникер доктор Тробрэдж.

С. 65. *Mille pardons, Monsieur* – Тысяча извинений, месть (*фр.*).

С. 65. ...«*Ostafrikanische Studien*» Мюнцигера – «Восточноафриканские исследования» (1864), книга швейцарского лингвиста и исследователя Африки Вернера Мюнцигера (1832-1875).

С. 65. *Ткань, из которой сотканы наши сны* – Обыгрывается цит. из «Бури» В. Шекспира: «We are such stuff as dreams are made on» («Мы сотканы из ткани наших снов»).

С. 68. *Mordieu... Barbe d'un singe, c'est plus étrange* – Черт возьми... Готов поклясться, это очень странно (*фр.*).

С. 69. *Tiens... Mais oui* – Здесь: по крайней мере... Конечно (*фр.*).

С. 73. *Dites... hein...* – Здесь: послушайте-ка... надо же (*фр.*).

С. 74. ...*ведьму уж крепкошти фейри* – В оригинале упомянут холм Kyleneagragh, известный в старой Ирландии как место одной из т. наз. «крепостей» или «фортов» фейри. Исторически связан с печально знаменитым делом Бриджет Клири, которая в 1895 г. была сожжена собственным мужем и другими суеверными крестьянами, принявшими ее за «подменыша» фейри. Именно таким «подменышем», по мнению экономки, и является Луэлла.

С. 78. ...*mon vieux... Zut* – Старина... Черт побери (*фр.*).

С. 80. ...*in nomine Domini, conjuro te, sceleratissime, abire ad tuum locum* – Во имя Господа, заклинаю вас, бестии, убирайтесь, откуда явились (*лат.*).

С. 83. ...*le bon Dieu* – Господу милосердному (*фр.*).

С. 88. *C'est drôle, n'est-se-pas?* – Забавно, не правда ли? (*фр.*).

Э. Ф. Бенсон. Обезьяны

Впервые: *Weird Tales*, 1933, декабрь. Рассказ вошел в авторский сб. *More Spook Stories* (1934).

Эдвард Фредерик Бенсон (1867-1940), подписывавший свои произведения «Э. Ф. Бенсон» – сын архиепископа Кетерберийского Э. Бенсона, по образованию классический археолог, плодовитый английский писатель, автор многочисленных и популярных в свое время романов нравов, биографий, мемуаров и рассказов. В 1892-97 гг. занимался археологическими исследованиями в Египте и Греции; в частности, помогал своей сестре Маргарет (1865-1916) в руководившихся ею раскопках храма богини Мут в Карнаке на протяжении трех сезонов 1895-1897 гг. Бенсон был хорошо знаком как с полевой археологией, так и ведущими египтологами конца XIX в.; как минимум в семи его рассказах присутствуют египетские мотивы. Сегодня он наиболее известен как создатель сумрачных и загадочных, но порой юмористических либо сатирических рассказов о призраках.

С. 90. ...*Мединет-Абу* – Погребальный храм Рамсеса III на западном берегу Нила в Луксоре.

С. 93. ...*Дейр эль-Бахри* – Комплекс знаменитых погребальных храмов и гробниц на противоположном от Луксора берегу Нила.

С. 93. ...*ушебти* – См. с. 172.

С. 94. ...*Сенмута* – Сенмут (также Сенемут, Сененмут) – древнеегипетский архитектор и чиновник восемнадцатой династии, известен как строитель прославленного погребального храма Хатшепсут в Дейр-ль Бахри и возможный любовник этой женщины-фа-

раона. Рядом с храмом находится одна из двух гробниц (ТТ 353), которые выстроил для себя Сенмут.

С. 102. ...*Королевскую коллегия хирургов* – Речь идет об основанной в 1754 г. профессиональной организации, объединяющей хирургов и стоматологов Англии и Уэльса.

С. 104. *E morto* – Здесь: она умерла (*итал.*).

Р. Блох. Глаза мумии

Впервые: *Weird Tales*, 1938, апрель. Перевод публикуется по сетевым источникам.

Роберт Альберт Блох (1917-1994) – американский писатель и сценарист, работавший в жанрах фэнтези, детектива, ужасов и фантастики, один из основоположников литературы ужасов в ее современном виде. Самое известное его произведение – экранизированный А. Хичкоком в 1960 г. роман «Психо» («Психоз», 1959). Любопытно, что образы Египта в какой-то степени подтолкнули Блоха к писательству: первой вещью, которую он еще мальчишкой прочитал в 1927 г. в своем любимом журнале *Weird Tales*, была «Невеста Осириса» Отиса Клайна. Приведенный рассказ – один из серии «египетских» рассказов, опубликованных Блохом в 1936-1938 гг.

С. 110. ...*Себека* – Помимо крокодилей головы, изображенное автором божество мало связано с реальным древнеегипетским богом Себеком (Собеком, Собки, Собк и т.д.); Себек ассоциировался с водой и разливами Нила, могуществом фараонов, плодотворностью и военной силой, выступал защитником богов и людей и покровителем погребений.

Д. Уитли. Жизнь за жизнь

Рассказ вошел в авторский сб. *Gunmen, Gallants and Ghosts* (1943). Перевод публикуется по сетевым источникам.

Деннис Уитли (1897-1977) – британский писатель, мемуарист, автор десятков триллеров, приключенческих, шпионских и детективных романов, один популярнейших авторов 1930-60-х гг. Во время Первой мировой войны воевал во Фландрии и Франции, пережил газовую атаку; во время Второй мировой войны активно сотрудничал с британским министерством обороны, был награжден Бронзовой звездой США. Уитли считался в свое время знатоком черной магии, сатанизма и ведовства, был знаком с А. Кроули и М. Саммерсом; темы сверхъестественного весьма часто появляются в его произведениях. Писатель составил также ряд антологий, в 1974-77 гг. подобрал и отредактировал для британского изд. *Sphere* 45-томную «Библиотеку оккультизма Денниса Уитли».

Р. Брэдбери. Подлинная египетская мумия работы
полковника Стоунстила

Впервые: *Omni*, 1981, май. Рассказ классика американской фантастики Рэя Дугласа Брэдбери (1920-2012) был написан около 1949 г. (в некоторых источниках – 1948). Перевод публикуется по сетевым источникам.

С. 143. ...*День Труда* – Национальный праздник в США в честь достижений профсоюзов и трудящихся, отмечается в первый понедельник сентября.

С. 146. ...*железные «Мониторы» и «Мерримак»* — Подразумевается историческое сражение на Хэмптонском рейде (8-9 марта 1862) во время Гражданской войны в США между броненосным кораблем северян «Монитор» и броненосцем южан «Вирджиния» (сооруженным на базе остова сгоревшего фрегата «Мерримак»).

С. Смит. Распеленание мумии

Впервые в сб. *Box Office Archaeology: Refining Hollywood's Portrayals of the Past* (2007).

Стюарт Тайсон Смит (р. 1960) – профессор Калифорнийского университета в Санта-Барбаре, египтолог, полевой археолог, автор нескольких монографий. Известен как своей работой в Голливуде, так и раскопками в Нубии и исследованиями древнеегипетско-нубийских связей.

Оглавление

М. Брод. Ожившие мумии	8
Р. Говард. Безносый ужас. <i>Пер. А. Шермана</i>	17
Д. Фарнол. Черный кофе. <i>Пер. М. Фоменко</i>	37
С. Квин. Пыль Египта. <i>Пер. А. Шермана</i>	54
Э. Ф. Бенсон. Обезьяны. <i>Пер. А. Шермана</i>	89
Р. Блох. Глаза мумии. <i>Пер. И. Сергеевой</i>	109
Д. Уитли. Жизнь за жизнь. <i>Пер. А. Кузьменкова</i>	128
П р и л о ж е н и я	
Р. Брэдбери. Подлинная египетская мумия работы полковника Стоунстила. <i>Пер. Е. Петровой</i>	141
С. Смит. Распеленание мумии. <i>Пер. А. Шермана</i>	160
К о м м е н т а р и и	182

Оглавление

М. Брод. Ожившие мумии	8
Р. Говард. Безносый ужас. <i>Пер. А. Шермана</i>	17
Д. Фарнол. Черный кофе. <i>Пер. М. Фоменко</i>	37
С. Квин. Пыль Египта. <i>Пер. А. Шермана</i>	54
Э. Ф. Бенсон. Обезьяны. <i>Пер. А. Шермана</i>	89
Р. Блох. Глаза мумии. <i>Пер. И. Сергеевой</i>	109
Д. Уитли. Жизнь за жизнь. <i>Пер. А. Кузьменкова</i>	128

Приложения

Р. Брэдбери. Подлинная египетская мумия работы полковника Стоунстила. <i>Пер. Е. Петровой</i>	141
С. Смит. Распеленание мумии. <i>Пер. А. Шермана</i>	160
Комментарии	182

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.